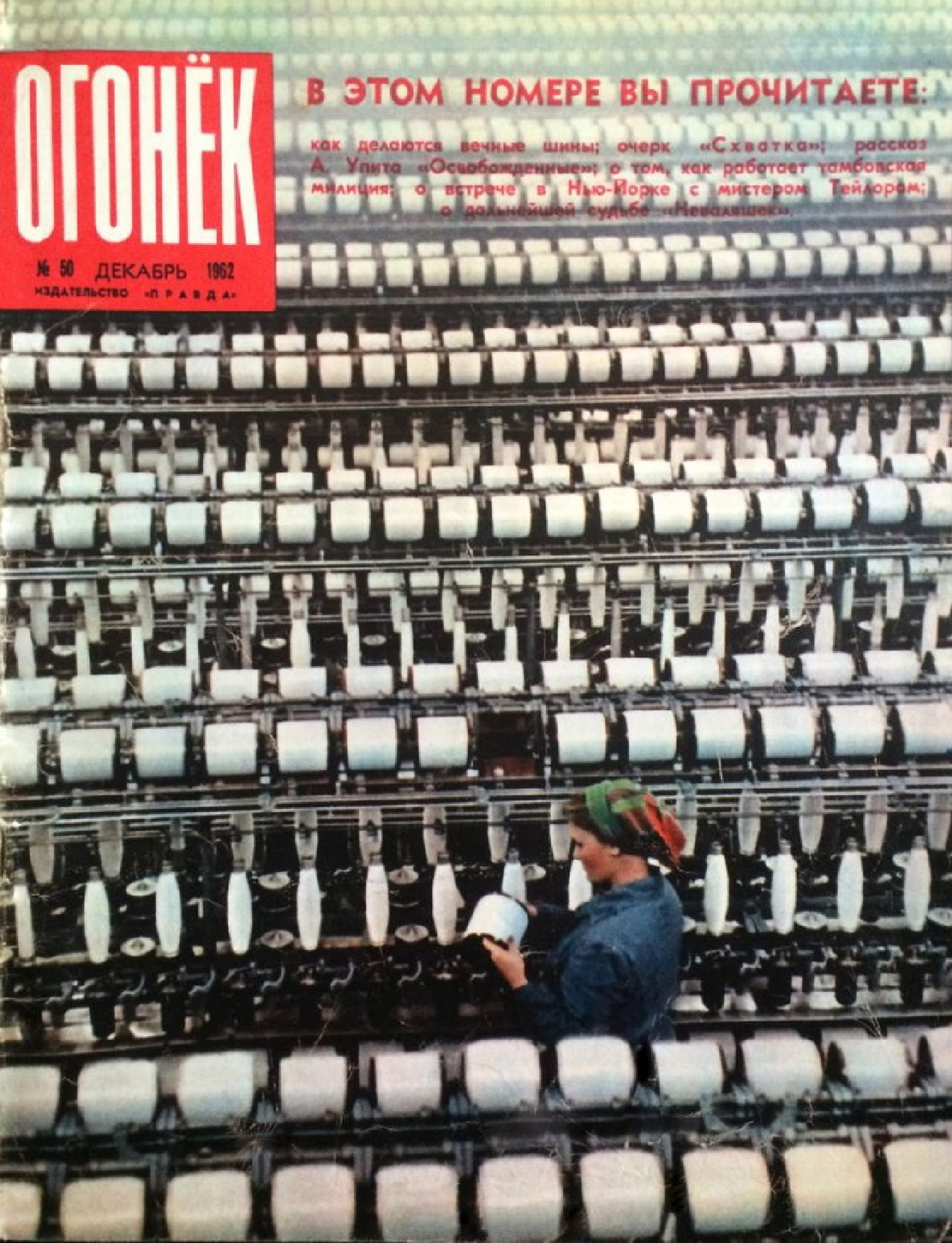

ОГОНЁК
№ 50 ДЕКАБРЬ 1962
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»
В ЭТОМ НОМЕРЕ ВЫ ПРОЧИТАЕТЕ:
как делаются вечные шины; очерк «Схватка»; рассказ А. Упита «Освобожденные»; о том, как работает тамбовская милиция; о встрече в Нью-Йорке с мистером Тейлором; о дальнейшей судьбе «Неваляшек».

Сверкающая одежда радиозондов

В центре цилиндрического зала, накрытого полусферой из бетонных плит, растет огромный шар. Наполненная мягким светом, колышется и вздрагивает прозрачная, сверкающая поверхность, отражая в себе ряды окон, бетонные соты купола, маленькие фигурки людей.

Мы на испытательной станции в цехе оболочек радиозондов на Казанском заводе резинотехнических изделий.

Коллектив цеха, которым руководит член партийного комитета завода Григорий Карп, успешно выполняет программу. Передовым бригадам М. Исмагиловой, Ф. Хасановой, Л. Семеновой присвоено звание коллективов коммунистического труда.

Работники завода рассказывают, что их продукцию знают во многих странах мира. Люди здесь неустанно повышают качество продукции, успешно разрабатывают и осуществляют выпуск новых изделий. Впервые в СССР здесь налажено производство резиновых рукавов без дорна — металлической основы.

Новая технология открывает возможность для выпуска рукавов практически неограниченной длины, это дает большую экономию и очень важно для водолазных работ и угольной промышленности.

В зале испытательной станции цеха оболочек радиозондов.

Фото Г. Макарова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 50 (1851)

9 ДЕКАБРЯ 1962

40-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Осмотр руководителями партии и правительства Выставки произведений московских художников.

Фото А. Устинова.

ЗА ИСКУССТВО, ПОНЯТНОЕ МАССАМ

На выставке произведений московских художников представлены работы, созданные за тридцать лет. Характерно для экспозиции многообразие тематики, творческих приемов, жанров, исполнительских манер. В Центральном выставочном зале всегда многолюдно. Здесь идет заинтересованный разговор об идейной значительности советского изобразительного искусства, о новаторстве и мастерстве, о достижениях и неудачах отдельных художников.

1 декабря выставку посетили руководители партии и правительства, которые подробно ознакомились с работами московских художников и высказали ряд принципиальных положений о высоком призвании советского изобразительного искусства.

Мы обратились к действительному члену Академии художеств СССР Г. Г. Нисскому с просьбой поделиться мыслями, вызванными встречей руководителей партии и правительства с художниками.

Среди представленных на нашей московской выставке работ немало замечательных реалистических произведений, получивших высокую оценку посетителей выставки; есть вещи спорные, есть и попросту ненужные народу.

Ну зачем нам абстракционизм в любых его проявлениях?! Как можно подражать кривляньям иноземных модернистов, когда ты являешься наследником и продолжателем славных традиций русских художников?

У нас, советских художников, свой путь в искусстве — путь социалистического реализма. И мы с него не свернем.

Мы с благодарностью восприняли справедливую критику, серьезные и принципиальные замечания товарища Н. С. Хрущева, руководителей партии и правительства. Разговор получился откровенный, своевременный, важный. Ведь многое из того, что мы услышали сейчас, нам уже говорили те, кто приходил на выставку,— говорил народ.

Да, мы все должны творить в русле реализма. Большая задача коммунистического воспитания неразрешима без воспитания у народа чувства прекрасного. А это высокая миссия — воспитывать чувство прекрасного у народа, создавшего несравненные фрески, радостные вятские игрушки, шедевры архитектуры и прикладного искусства.

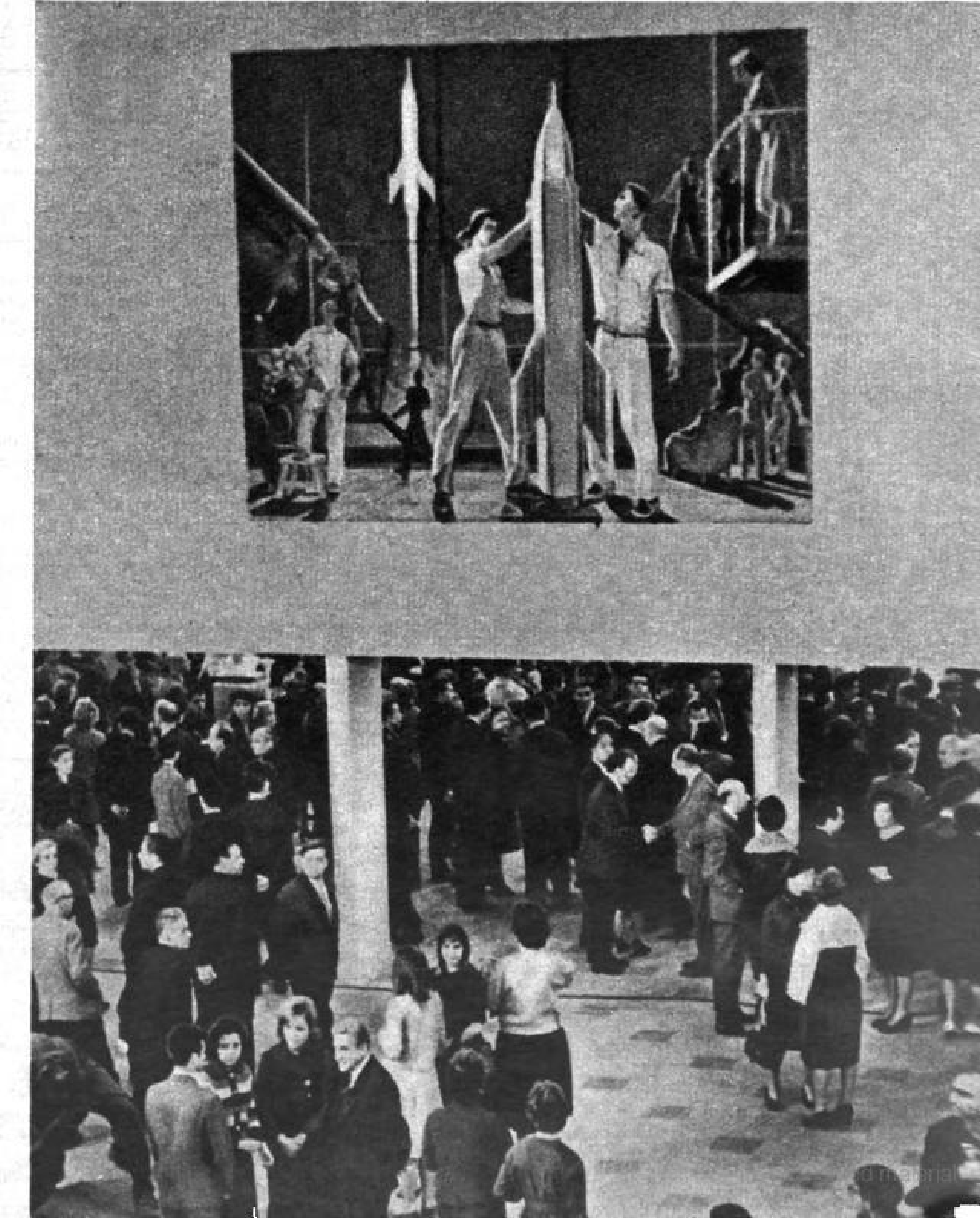
Чувство ритма и стиля, чувство прекрасного — в крови у народа! Народное искусство — наш неисчерпаемый резерв. Подняться до высот его мечтает каждый из нас.

Барское пренебрежение мнением народа говорит о невежестве и душевной опустошенности таких «творцов».

Встреча в Центральном выставочном зале Москвы с товарищем Н. С. Хрущевым, руководителями партии и правительства еще раз напомнила нам о высоком призвании советского искусства — служить народу, делу коммунизма.

Выставку московских художников посетило уже свыше 100 тысяч человек.

Фото А. Бочинина.

По приглашению Председателя Совета Министров СССР Н. С. Хрущева в Советский Союз прибыл президент Федеративной Народной Республики Югославии Иосип Броз Тито с супругой.
На снимке: встреча на Киевском вокзале Москвы.

Фото С. Раскина.

Во время поездки по провинции Пинар-дель-Рио. Эту поездку А. И. Микоян и Фидель Кастро совершили вместе.

КИРОВЕЦ

...Партия разработала широкую систему мер по усилению материально-технической помощи сельскому хозяйству, развитию сельскохозяйственного машиностроения. При этом обращено особое внимание на качественное улучшение сельскохозяйственной техники.

Из доклада Н. С. Хрущева на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС.

Ранним утром в пролете, где собирают тракторы, появился высокий седой человек. У сборочного стенда крикнул:

— Наш Кировский переключается на тракторы! Читайте, что сказал об этом на Пленуме ЦК товарищ Н. С. Хрущев!

— Спасибо, Константин Яковлевич. От вас мы привыкли слышать добрые вести!

— Может, и я пригожусь вам, товарищи слесари?

Константин Яковлевич Яковлев — пионер советского тракторостроения, энтузиаст всех пятилеток. Семь лет назад кировцы проводили Яковлева на заслуженный отдых, а он чуть ли не каждый день заглядывает в цехи. Ведь это не просто фраза — «вся жизнь на заводе прошла». Он своими руками собирал путиловские «фордзоны». Летом двадцать четвертого года на полях Тимирязевской академии сам испытывал первый трактор. С удивлением тогда смотрели люди на стального коня, тащившего за собой плуг.

А потом, это было позже, в двадцать шестом, Яковлев вместе с группой советских рабочих уехал в Детройт на заводы Форда. За восемь месяцев узнал весь процесс производства — от литья деталей до сдачи готового трактора. Но русские, приехавшие в Детройт, уже тогда удивили американцев своими знаниями.

Как-то в цехе остановился станок. Его хотели снять с фундамента и отправить в ремонт.

— Зачем терять время на демонтаж и установку? Лучше на месте исправить! — сказали питерские рабочие.

— Мы не умеем так, как вы предлагаете,— сознался фордовский мастер.

— А мы можем! — ответили русские «студенты».

Через несколько часов станок был пущен.

Вернулись домой и вскоре на изготовлении многих деталей показали более высокую производительность, чем у Форда.

Возникали новые заводы — путиловцы ехали туда помогать. Константин Яковлевич собирал первые тракторы на Алтайском, Владимирском заводах...

В день 45-летия Октября по праздничной Дворцовой площади прошли два огромных опытных трактора марки «Кировец». В кабине одного из них сидел Яковлев. И вспомнился ему двадцать четвертый год, когда по этой же площади двигались первые путиловские «фордзоны». Но сравнивать их с тракторами «Кировец» — это все равно, что в самолетах «У-2» искать сходство с «ТУ-104». «Кировец» — колесный степной богатырь.

«Это,— как сказал на ноябрьском Пленуме ЦК КПСС Никита Сергеевич Хрущев,— будет наиболее мощный и самый современный трактор. Как говорят, разгуляться такому трактору у нас есть где — в бескрайних степях Сибири, Казахстана, Поволжья, Северного Кавказа, юга Украины».

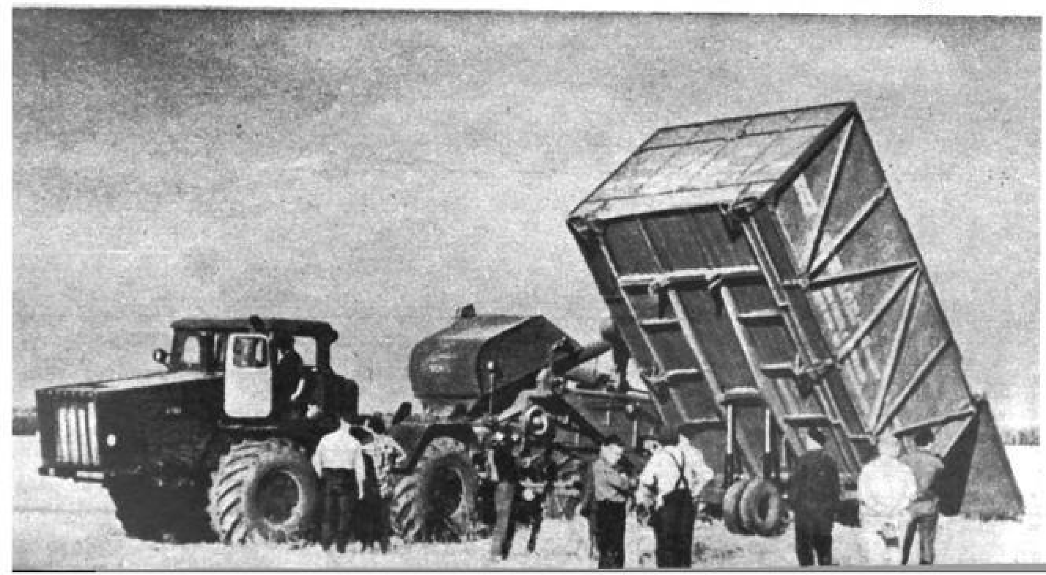
Семь первых опытных тракторов уже собраны, пять из них проходят испытания. В цехах, конструкторских, заводоуправлении, парткоме, завкоме — всюду каждодневно ждут вестей из Целинного края, с Северного Кавказа. Как идут испытания, каково качество машин?

Новые тракторы универсальные: они пашут, обрабатывают почву, сеют, убирают и транспортные работы выполняют. Для них заводы создали разнообразный комплекс сельскохозяйственных машин: Одесский имени Октябрьской революции — три варианта плугов, Алтайский — культиваторы-плоскорезы, кировоградский «Красная звезда» — тяжелые сеялки, «Ростсельмаш» — мощный безмоторный комбайн и тракторный прицеп...

Испытания сложны и разнообразны. Они ведутся в разных климатических и почвенных условиях. Проверяется буквально все. Даже кабины трактористов превращены в своеобразные лаборатории. Они опутаны проводами, резиновыми трубками. Тут же магнитофон, микрофон, приборы. Это сотрудники Саратовского научно-исследовательского института сельской гигиены уточняют, как влияет шум мотора, освещение, температура воздуха на рабо-

«Разгуляться такому трактору у нас есть где!» «Кировец» проходит испытание. 1962 год.

Фото Ю. Жаренова.

Закончился визит первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна в Республику Кубу. Тепло, с братским гостеприимством встречал остров Свободы гостя из Советского Союза. Как отмечал А. И. Микоян, товарищеский обмен мнениями по вопросам современной международной обстановки, который проходил во время визита в атмосфере искренности и доверия, явился убедительным подтверждением прочности и нерушимости уз дружбы между партиями, правительствами и народами Кубы и Советского Союза.

На пути из Кубы в СССР А. И. Микоян сделал остановку в Соединенных Штатах. Он посетил Нью-Йорк и Вашингтон. В Вашингтоне А. И. Микоян встретился с президентом США Дж. Кеннеди. Во время этой встречи состоялся обмен мнениями по вопросам, взаимно интересующим наши страны, главным образом по кубинскому вопросу.

←

Встреча президента США Джона Кеннеди и первого заместителя Председателя Совета Министров СССР А. И. Микояна в Вашингтоне.

Фото ЮПИ — ТАСС.

Рим. Здесь во Дворце конгрессов собрался X национальный съезд Итальянской коммунистической партии. В работе X съезда ИКП приняла участие делегация КПСС.

На снимке: глава делегации КПСС член Президиума, секретарь ЦК КПСС Ф. Р. Козлов и генеральный секретарь Итальянской коммунистической партии Пальмиро Тольятти.

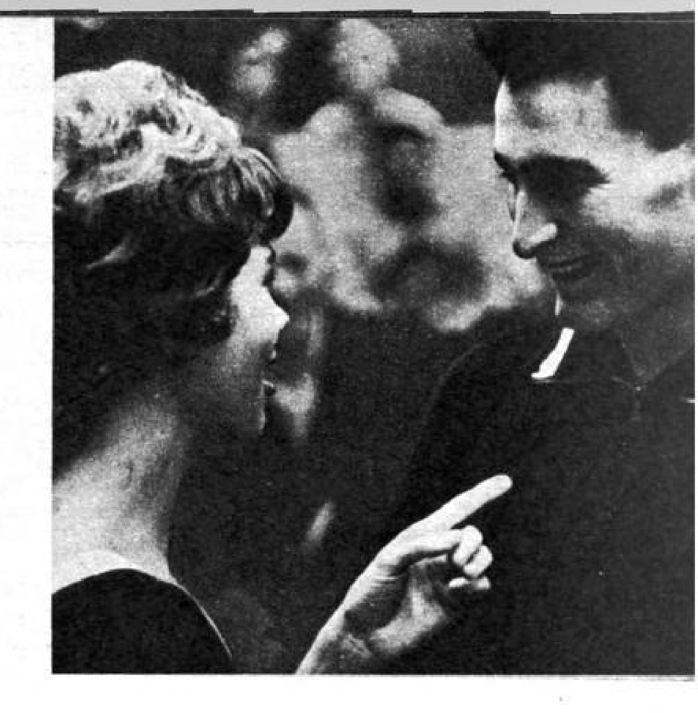
Фото А. Красикова (ТАСС)

В Прагу на XII съезд Коммунистической партии Чехословакии прибыла делегация Коммунистической партии Советского Союза во главе с членом Президиума ЦК КПСС, Председателем Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежневым.

На снимке: встреча в Праге. Первый секретарь ЦК КПЧ, Президент Чехословацкой Социалистической Республики А. Новотный приветствует Л. И. Брежнева.

Фото ЧТК — ТАСС.

Два чемпиона

Встречи лучших наших гимнастов давно уже проходят на уровне мировых чемпионатов. Высокое мастерство не одного и не двух, а многих спортсменов определит высокое напряжение и красоту борьбы. Такими качествами отличалось и лично-командное первенство СССР. До последнего снаряда невозможно было определить победителя у мужчин. Молодой гимнаст В. Кердемелиди, отлично выполнив свою комбинацию на перекладине, обогнал нашего маститого чемпиона Б. Шахлина на одну десятую балла по сумме обязательной и произвольной программ и впервые завоевал звание абсолютного чемпиона СССР.

Встреча гимнасток СССР завершилась еще одной блистательной победой Л. Латыниной.

Фото А. Бочинина.

Константин Яковлевич Яковлев испытывает первый «фордзон» на полях Тимирязевской академии. 1924 год.

тоспособность тракториста. Он, точно космонавт на тренировке, обвешан всякими проводами. До работы и после у него измеряют пульс, дыхание, кровяное давление, проверяют слух, зрение.

Вести с полей радуют: машина легка, послушна в управлении, производительность ее намного выше других, кабина удобна для водителя. И все же еще многое предстоит сделать, чтобы предъявить «Кировец» государственной комиссии. Каждый опытный образец должен отработать под нагрузкой не менее двух тысяч часов!

В эти дни кировцы думают над тем, чтобы ускорить заводские испытания. У всех много забот: старый завод подвергнется полной реконструкции; неузнаваемы станут его цехи: возникнут новые, оснащенные самой современной техникой, конвейерами. Новая страница в биографии ста шестидесятилетнего Кировского завода начинается сегодня: на полях, где испытываются машины, на территории, где возводятся новые цехи. Все подчинено одному — преобразованию Кировского в крупнейший тракторный завод страны.

К. ЧЕРЕВКОВ

ЧТО ЖДЕТ РЕСПУБЛИКУ?

Последний до выборов месяц парижские рабочие очищали фасад старинного здания Бурбонского дворца от многолетней копоти и грязи. В Париже острили: де Голль распустил Национальное собрание, чтобы депутаты не мешали этим работам. Сейчас величавое здание над Сеной сияет белизной. Но будет ли заметно обновление Национального собрания, когда оно проведет свою первую сессию? Будет ли обновление политического курса, желательное для всей нации?

Деголлевская ЮНР, очевидно, поведет новое наступление на демократические права французов, на республику, на жизненные интересы трудового люда.

Но у левых сил есть прочные позиции для того, чтобы противостоять натиску режима «личной власти». Это показали выборы. Коммунистическая партия получила 18 ноября более 4 миллионов голосов. Католическая партия МРП и «независимые» были напуганы этим результатом. Они сразу узрели в деголлевской ЮНР единственную защитницу от народного фронта. «Фрондеры» поснимали своих кандидатов и пропустили кандидатов ЮНР — лишь бы не прошли «красные»! Только поэтому деголлевцы получили большинство в Национальном собрании.

Однако, если говорить о главных результатах выборов, нужно прежде всего подчеркнуть успех тактики единого фронта социалистов и коммунистов, единства всех настоящих противников режима «личной власти». Перед лицом общей опасности республиканцы выдвинули единого кандидата более чем в половине избирательных округов. По Франции прокатилась волна совместных митингов коммунистов, социалистов и других представителей демократических сил. Второй тур выборов 25 ноября принес этим силам еще больший успех, чем первый: коммунисты получили в новом Национальном собрании 41 место (прежде 10), социалисты — 65 (прежде 41), радикалы — 44 (прежде 41). Объединенными усилиями левых партий был провален на выборах такой махровый деголлевец, как Мишель Дебре, и ряд других деятелей партии ЮНР.

Тактику единства действий поддержало и одобрило большинство народа. Национальное собрание может стать важным участком фронта, где идет упорная борьба между реакцией и демократией. Но борьба должна развернуться по всей стране: в городах, деревнях, на заводах, в учреждениях. Только единство демократических сил будет определять исход исторической битвы за Францию.

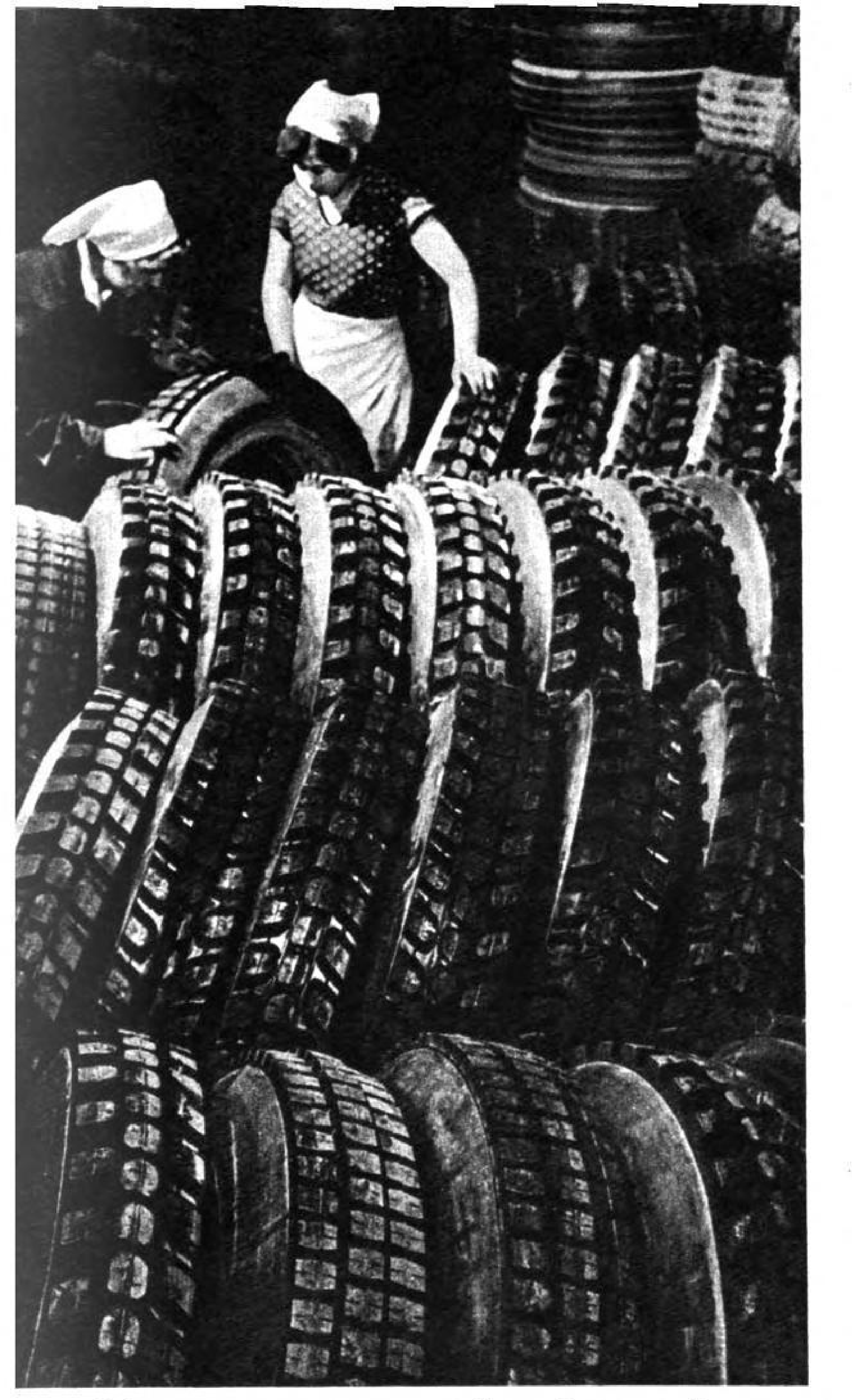
Париж. По телефону.

Г. ДРАГУНОВ

Реформа генерала де Голля.

Рисунок В. Черникова.

Работницы цеха комплектовки две Нины — Федорова и Киселева — закончат последнюю проверку, и шины покатятся с завода на дороги страны.

НОВОМУ—ДОРОГУ!

РАССКАЗ О ВЕЧНОЙ ШИНЕ

М. АНГАРСКАЯ
Фото М. Савина.

Нет, пожалуй, такого автоводителя, которого бы не подводила шина. В самом деле, сотрется рисунок протектора, обнаружится лысина — невозможно ездить: на лысой шине далеко не уедешь. Но теперь шоферским огорчениям приходит конец. Обувь машин скоро станет очень прочной и разнообразной. Для хороших дорог — одна, для плохих — другая.

Чтобы вы в этом убедились, совершим небольшое путешествие по цехам Ярославского ордена Ленина шинного завода.

Оказывается, шину надо прежде всего скроить, примерно так же, как плащ из прорезиненной вискозы. С такими выкройками ловко справляется небольшой станок Тони Якимовой. Но не успеешь и обернуться, как нарезанные полотнища уже очутились в ведении Тани Саловой. На особой машине девушка сшивает их в браслеты. Качество шины во многом зависит от модели браслета. Новый его фасон придал шине упругость, жесткость, сделал ее походку более плавной.

— Шина тоже не хочет отставать от моды, требует, чтобы ее модель обновлялась, совершенствовалась,— шутит Галина Васильевна Соколова, одна из создательниц новых шин, начальник сектора опытно-конструкторского бюро.

Однако поспешим: браслеты уже уплыли по транспортеру к сборному агрегату. Им командует опытнейший сборщик Павел Федорович Кузьмичев. Вот он накинул на барабан браслет, затем включил рубильник, и проволочные обручи, установленные по бокам агрегатного барабана, подъехали к браслету. Машина завернула в них кромки браслета. Теперь остается надеть протектор — резиновое кольцо определенной конфигурации.

Павел Федорович делает последнее движение, выключает рубильник, и собранный каркас шины, слетая с барабана, отправляется принимать горячую ванну и наводить внешний лоск. Происходит это в больших автоклавах, там же особые формы наносят рисунок на протектор. Но вот наконец умытая красивая шина выходит из автоклава.

— Одну минуту задержитесь,— говорит Галина Васильевна. — Вы обратили внимание на рисунок протектора? Он играет большую роль в жизни шины.

Стерся рисунок, и шину приходится выбрасывать. А пробежала она не так уж много — каких-нибудь 45 тысяч километров, причем ее каркас — дорогая резино-тканевая основа — еще очень прочен.

Уже давно возникла идея: а что, если сделать протектор съемным? Износился один — поставить другой? Мысль правильная, но осуществить ее долго не представлялось возможным: слишком низка была в те времена технология шинного производства, да и выбор сырья был очень ограничен.

И вот совсем недавно инженеры Ярославского шинного завода под руководством главного конструктора Павла Антоновича Шаркевича, об-

ПОМОГИТЕ ИНД

В колхоз имени Шаумяна, на Ставропольщине, пришло недавно письмо из Японии. Губернатор одного японского города благодарил за присланную весной посылку — пятьдесят индюшечьих яиц. Они хорошо проинкубировались, сообщал он, индюшата оказались жизнестойкими в новых для них климатических условиях. Выросших за лето индюков хотят скрещивать с местной породой индеек.

Колхоз имени Шаумяна — одно из восьми хозяйств Георгиевского района, успешно занимающихся разведением индеек. Одно из самых больших стад — десятки тысяч этой птицы — содержится в совхозе «Обильном». Поэтому мы и решили побывать именно здесь.

Шесть длинных строений расположилось в ровной степи. Вдоль каждого из них, за высокой проволочной сеткой, важно разгуливали на своих крепких лапах большие темно-серые, с бронзовым отливом птицы. Им всего лишь три месяца. Курица в этом возрасте весит немногим более килограмма, а здешние индейки потянут на четыре килограмма. Поэтому и говорят про индеек, что они чрезвычайно скороспелы и обладают лучшей, чем у свиней и кур, «оплатой корма». Хозяйству они приносят прибыль.

А как вкусна индюшатина, знает каждый, кто хоть раз ее отведал. Наварист и крепок бульон. Мясо мягкое, нежное, сочное — словом, самое диетическое, высшего класса мясо.

Разведение индеек традиционно в Георгиевском районе. Начало ему было положено здесь еще в сороковые годы. В войну поголовье индеек сильно пострадало, осталось всего 202 птицы. Госплемрассадник скупил их у населения и заложил первые четыре фермы. Избушка с тремя оконцами и телега с парой тощих коней — вот с чего начиналась ферма в совхозе «Обильном» (тогда это был колхоз) в 1946 году.

Вскоре индеек стало в несколько раз больше, но весом своим не радовали хозяев и мало давали яиц. Тогда решили экспериментировать. Завезли сюда две новые породы: широкогрудую бронзовую американскую и белую бельтсвилскую. Бронзовая оказалась при высокой яйценоскости и солидном весе слишком изнеженной для Северного Кавказа. Белая плохо чувствовала себя на пастбищах. Тогда скрестили бронзовую с местной. Получилась новая порода индеек, крупных, выносливых, способных преодолевать десятки километров в день. Ведь пастбищ было очень много!

Однако хлопот и волнений и тут и в других хозяйствах сейчас гораздо больше. Не думайте, что они связаны с младенчеством индеек, самым опасным для них возрастом, когда они требуют к себе внимания не меньше, чем недоношенные дети. Индюшатницы «Обильного» и других хозяйств научились выхаживать своих квёлых птенцов и спасать их с помощью антибиотиков, витаминов и других средств от всяких напастей. Дело тут в другом.

Начальник цеха съемных протекторов А. А. Гудков и Г. В. Соколова.

общив опыт советских и зарубежных специалистов, создали шины новой конструкции со съемными протекторными кольцами.

Что это значит? А вот что. Представьте, что подметки и набойки ваших туфель сносились, а верх абсолютно цел. Вы, конечно, и не думаете их выбрасывать. Идете в мастерскую, там ставят подметки, набойки — и туфли опять, как новые.

Вот так же теперь будет обстоять дело и с обувью автомобилей. Съемное протекторное кольцо — это как бы подметка и набойка шины.

На каждой автопокрышке три паза, в них вставляются три протекторных кольца — и кати теперь по любой дороге. Стерся рисунок? Не беда! Водитель возьмет из багажника запасные протекторные кольца, легко, за несколько минут заменит ими старые и как ни в чем не бывало поедет дальше.

Ну, а если на пути ухабы, бездорожье, гололедица, что тогда? Выход простой: переменить протекторные кольца. Ведь их целый набор. С более крупным рисунком специально предназначены для плохих дорог. Машина, обутая в такие галоши, нигде не завязнет.

Одна новая шина, именуемая «РС», служит в два-три раза дольше обычных серийных. Подсчитано, что при переходе всей шинной промышленности на производство таких шин наше государство сэкономит сотни миллионов рублей.

Мнение автоводителей о новых шинах будет самым объективным, решили мы, и взяли интервью у нескольких шоферов-испытателей.

Анатолию Андреевичу Афанасьеву тридцать лет назад пришлось испытывать самую первую советскую шину. Он водил автомобили многих марок, экзаменовал шины разных конструкций. Шины «РС» испытывает с первого дня их рождения. Вот его оценка:

— Там, где автомобили на обычных шинах и с цепями не проходили, я проезжал легко. Скажу прямо, у шины «РС» большое будущее!

К мнению Афанасьева присоединились шоферы-испытатели Н. Я. Иванов, А. Н. Львов и другие. А шина на автомобиле, которым управляет Василий Дмитриевич Кузьмичев, поставила неслыханный рекорд: пройдя более двухсот восьмидесяти тысяч километров, осталась невредима. Вот уж поистине вечная шина!

Недавно ярославские шинники получили письмо от коллектива ялтинского грузового автопарка.

«Все водители довольны новыми шинами,— пишут шоферы из Ялты.— Покрышки отлично себя зарекомендовали на горных дорогах Крыма. От всей души выражаем ярославским шинникам большое шоферское спасибо!»

Остается только пожелать, чтобы все автомобили скорей обулись в вечные шины, и тогда на любых дорогах настроение водителей будет отличным.

Ярославцы полны готовности помочь автоводителям. В текущем семилетии они выпустят первый миллион новых шин.

Е Й К А М!

Распаханы целинные земли и пустоши, и не стало любимых индейками пастбищ, богатых разными травами. Птица перешла на интенсивное стойловое содержание. Работники совхоза даже задумали создать первый в Советском Союзе племзавод с 18—20 птичниками для выращивания 100 тысяч индюшат одновременно.

В прошлом году в «Обильном» ставили свои опыты научные сотрудники Академии имени Тимирязева. И вот что эти опыты показали: птица может обойтись без пастбищ, но ей мало ячменя, пшеницы и кукурузы. При таком рационе она хуже и медленнее растет. Ей необходимы специальные, содержащие много белка комбинированные корма. К сожалению, планирующие организации их для индеек не дают. А разведение этих птиц, как показывает практика,— рентабельная отрасль сельского хозяйства.

Г. ВЛАДИМИРОВА

Фото А. Гостева.

СНОВА О НЕВАЛЯШКАХ

Еще в декабре 1961 года «Огонек» опубликовал фельетон Н. Абрамского «Неваляшки». Речь шла о расхитителях государственной собственности, людях, дискредитировавших себя в одном месте и оказавшихся снова на руководящей работе. Такое примиренчество к ним вызвало справедливое возмущение наших читателей. Но зато, как ни странно, весьма равнодушными оказались некоторые организации Латвийской республики. Понадобилось вторичное выступление журнала — «Почему смеются неваляшки» (№ 20 за 1962 год). Стоит декабрь, а никакого ответа редакция так и не получила. Однако горячо откликнулись свидетели творившихся безобразий.

Инженер Слокского цементного завода коммунист тов. Абрукин пишет: «Проводя совещание членов комиссии по проверке статьи, первый секретарь Юрмалского горкома тов. Темнов заявил: «Обратите внимание на товарища Абрукина, который там всем крутит».

Знакомая песня! Все зажимщики критики, беря пример с гоголевского городничего, интересуются не столько разбором фактов, сколько авторами корреспонденций.

«Тов. Темнов располагал многими серьезными сигналами о положении в Слоке,— пишет далее тов. Абрукин,— но он не сумел подняться до уровня зрелого партийного руководителя. Взять хотя бы один только факт. Главным организатором строительства индивидуальных домов был директор цементного завода Берг, критиковавшийся в «Огоньке». В тот же период, с 1958 по 1960 год, он вел реконструкцию завода «хозяйственным способом». Частные дома росли, как грибы, и строились по всем правилам, а новый помольный цех завода не имеет центрального отопления и вентиляции. Рабочие вынуждены работать при 15 градусах холода. Таким образом, слокский «эксперимент» совмещения общественных интересов с частнособственническими тенденциями принес государству огромный материальный ущерб».

Чем же объяснить, что директор завода Берг пользуется таким покровительством? Может быть, он замечательный хозяйственник?

Предоставим слово документам. Вот протокол заседания бюро Юрмалского горкома партии от 14 декабря 1961 года: «Тов. Берг Г. А. за последнее время редко бывал на заводе, значительное время тратил на выпивки, ослабил руководство заводом, что отрицательно начало сказываться на деятельности предприятия. 17 ноября, будучи сильно пьяным, отдал в ресторане «Таллин» свое депутатское удостоверение и ручные часы неизвестной женщине, чтобы она заложила их у когolибо и деньги принесла для продолжения пьянки».

Ни принимавшиеся меры, ни неоднократные беседы и другие средства убеждения, описанные еще дедушкой Крыловым в басне «Кот и Повар», никакого воздействия на Берга не оказали. А опозоренный депутатский билет был ему возвращен.

Мало того. Нужно было изъять у Берга незаконно построенный дом, а исполком горсовета всякими правдами и неправдами дал ему возможность выгодно продать дом частнику.

Так снова вышел сухим из воды этот ловкач, хотя до этого бюро Юрмалского горкома уже занималось его особой. Тогда «за использование служебного положения, выразившееся в получении комнаты для жены по подложной справке», Бергу было лишь «указано»...

Поистине загадочно безграничное терпение Юрмалского горкома партии и совнархоза!

Читатели Смоляков и Грибанова, работники Рижского цементно-шиферного завода, сообщают новые подробности о неваляшке Алтманисе: «Приказом от 21 сентября управление стройматериалов назначило начальником цеха известного по статье «Почему смеются неваляшки» Алтманиса. Где же логика?»

В самом деле, где же логика? Еще недавно совнархоз отменил приказ о назначении Алтманиса главным инженером Валмиерского завода стекловолокна, согласившись с редакцией, что неваляшке не место на руководящей работе. А теперь он снова выдвигает Алтманиса.

Еще один факт. Прокуратура Латвийской ССР после выступления журнала предложила возобновить следствие по делу о двух утонувших людях — жертвах пьянки, организованной Алтманисом на реке Лиелупе в рабочее время. Хотя новое расследование было поручено следователю Адамсону, но фактически дело вела та же Рашкевич, которая в свое время прекратила уголовное дело Алтманиса. Очевидно, не в ее интересах было теперь доказать, что дело было ею прекращено неправильно, и потому следователь ограничилась вызовом только четырех свидетелей. Прокурор Рижского района Пунцулис пояснил, почему следователь не разговаривала с главным виновником происшествия: «Алтманиса вызывали два раза, но он не явился...»

Итак, прокуратура не в состоянии даже обеспечить явку нужного свидетеля... И дело снова прекращается, хотя показания свидетелей явно противоречат друг другу, акт о техническом состоянии лодки и причинах аварии так и не составлен.

Серьезный сигнал прислал в «Огонек» персональный пенсионер М. Бауман. Он пишет: «В Риге образовалось большое число «незаменимых» руководителей. Если они проваливают работу на одном предприятии, их переводят на другое, часто с повышением. Бывшего председателя Рижского горисполкома Бауманиса сняли с работы за развал работы и назначили тут же заместителем директора большого завода. Бывшего заместителя председателя Ленинского райисполкома Ивушкана критиковали в печати за незаконную продажу домов частникам. Ивушкана сняли «по собственному желанию» и назначили заместителем директора завода».

Как сообщает нам член партии с 1917 года тов. Юдейко, совет старых коммунистов при редакции газеты «Ригас Баллс» опубликовал целый ряд статей и фельетонов, вскрывающих злоупотребления и взяточничество в учреждениях Риги. Эта критика, к сожалению, была встречена далеко не положительно. Совет старых коммунистов упразднили. Было решено вместо него создать внештатный общественный отдел при редакции. Однако он так и не организован. А число критических материалов на страницах газеты уменьшилось.

Читатели К. Шмидт и К. Полис приводят подобные факты: «Мы общественные контролеры комиссии Госконтроля. Часто, чтобы довести до конца начатое дело, мы публикуем в местной печати наши материалы. Однако не всегда критические статьи и фельетоны встречают должную поддержку организаций».

Как видно из приведенных писем, у ряда ответственных работников Латвийской республики критика и самокритика не в почете. Именно потому и свили себе гнезда взяточники, хапуги, отъявленные жулики.

Мы начали этот обзор писем с сообщения тов. Абрукина. Редакции стало известно, что Абрукина неожиданно направили на полгода учиться в Ленинград. Чем вызвано такое решение? Чему должен научиться Абрукин? Видимо, держать язык за зубами.

Секретарь первичной партийной организации Слокского цементного завода тов. Росицкий сообщил редакции следующее: «25 октября 1962 года я был вызван на заседание бюро Юрмалского горкома партии. Первый секретарь горкома тов. Темнов задал мне такой вопрос: «Скажите, сейчас на заводе спокойнее после ухода Абрукина?»

Комментарии, как говорится, излишни.

ТЕНЬ СВАСТИКИ НАД ПЯТОЙ АВЕНЮ

К. НЕПОМНЯЩИЙ

На кого работают братья фон Браун

Не так давно во главе западногерманской миссии наблюдателей при ООН в Нью-Йорке появился Сигизмунд фон Браун, человек Риббентропа.

Странное дело, американских журналистов не заинтересовало появление этой фигуры в ООН, и в газетах это событие было отмечено лишь хроникальной заметкой. Никто не описывал внешности боннского дипломата, никто не упоминал, что он приходится братом Вернеру фон Брауну, изобретателю немецкого снаряда «Фау-2». И, уж конечно, считалось неприличным говорить о том, что герр Браун принимал участие в аншлюсе Австрии и выполнял ряд щекотливых поручений Гитлера и Риббентропа в период захвата Чехословакии. В 1945 году Сигизмунд фон Браун оказался в Нюрнберге на процессах немецких военных преступников, но не в роли подсудимого, а в роли «защитника». Как это случилось, до сих пор остается тайной. Невидимые покровители помогли ему избежать заслуженного наказания, а вскоре он снова был на дипломатическом посту.

Главная задача фон Брауна, как он сам сказал, «мешать тому, чтобы в ООН говорили о двух германских государствах», и делать все, чтобы, не дай бог, здесь, в ООН, не появилась миссия наблюдателей ГДР. Второй своей задачей Сигизмунд фон Браун считает продвижение в ООН своих людей. Если есть вакансии, например, в «миссии ООН» в Конго — любые вакансии,— он предлагает опытных немецких специалистов, если такие вакансии есть в ЮНЕСКО или в каком-то другом месте, он тут как тут. Врачи, инженеры, летчики, специалисты по расовым проблемам или антикоммунизму, имеющие нередко опыт (это, конечно, не для огласки) службы в войсках СС,— все есть у Сигизмунда фон Брауна!

Рассказывают, что, возвращаясь в 1945 году из Италии в разгромленную Германию, этот прожженный гитлеровский дипломат бросил в бурную тирольскую речку свои ордена, боясь оказаться на скамье подсудимых. Вряд ли он мог представить себя тогда в Нью-Йорке, да еще на видной и хорошо оплачиваемой должности!

И, уж конечно, парад немцев на Пятой авеню ему и во сне не снился!

Еще в 1958 году при поддержке влиятельных людей, вкладывавших деньги в восстановление западногерманских вооруженных сил, было решено провести первый немецкий парад в Нью-Йорке на Пятой авеню и посвятить его памяти генерала Фридриха Вильгельма фон Штейбена, принимавшего участие в войне за независимость на стороне Севера. Парад был жидкий — несколько немецких колледжей пронесли полосатые флаги, демонстрируя свою верность американской революции, американскому знамени. Но в 1962 году, спустя четыре года, парад памяти Штейбена, как и следовало ожидать, носил уже отнюдь не мирный характер.

Прочитав объявление о предстоящем параде, я позвонил по телефону знакомому журналисту, Мортону Пьюнеру, служившему в американской армии в годы второй мировой войны, и спросил его: что это значит?

— Мы отдаем почести немцам, павшим в боях с войсками Юга, и только,— отвечал он.— Парад носит имя генерала Штейбена. Разве это ничего вам не говорит?

Возможно, он был и искренен в своем ответе, этот бывший офицер американской армии. Но, может быть, он не в курсе дела?

Тот же вопрос я задал Сюверену Берлю, молодому научному сотруднику Колумбийского университета. Он сидел в Освенциме, там замучили его отца. Он был такого же мнения. И другие люди пытались убедить меня в том, что парад Штейбена не носит политического характера и уж во всяком случае не имеет никакого отношения к возрождению германского фашизма.

Парад на Пятой авеню

В дымном золоте нью-йоркского утра на Пятой авеню собирались немцы американского происхождения. Они были празднично одеты, энергичны, расторопны и по-военному точны. Каждый знал свое место. Возможно, что многие из десяти тысяч участников действительно верили, что это лишь парад в честь генерала Штейбена, и ничего больше. Некоторые вышли на парад потому, что им выдали форму, некоторым обещали бесплатное угощение с пивом. Политическая сторона парада определялась не этими людьми, а специальным комитетом, который все предусмотрел и все продумал заранее.

Сначала парад мог показаться вполне добропорядочным. Шли слушатели католических колледжей, везли бюст Гете с надписью «Гете был немецким поэтом», шел отряд молодых барабанщиков, знаменосцев — они несли флаги США и флаги ФРГ. Шли люди в цилиндрах и смокингах, в одежде баварских крестьян, мелькали названия коллективных участников парада: «Общество друзей Берлина», «Немецко-американский клуб в Нью-Джерси», «Немецкая школа в Бруклине»...

На открытом грузовике везли фигуру средневекового рыцаря в латах, огромную бочку с пивом, на которой восседал довольный жизнью бюргер, макет первого церковного органа, созданного в Германии.

Так это начиналось. На тротуарах собиралось все больше людей.

В два часа дня 40 военных оркестров пришли в движение, и под звуки немецких военных маршей с ружьями на плечах пошли слушатели военных училищ, кадеты, бойцы американского легиона. 71-й пехотный полк армии США прошел в костюмах времен революции, за ним шла морская пехота. Затем мы увидели лозунг «Не оставляйте надежды».

— На что? — спрашивали в толпе.

— И почему так много оружия?

— Хох! — неслось с мостовой.

Вилли Брандт и Нельсон Рокфеллер, возглавившие этот парад, клялись в дружбе друг другу. Да, тот самый Вилли Брандт, который сделал все, чтобы превратить Западный Берлин в пороховую бочку, готовую взорваться. И тот самый Нельсон Рокфеллер, на деньги которого была устроена не одна грязная провокация.

Генеральный консул Федерер, представлявший на параде правительство ФРГ, сожалел, что нет в Нью-Йорке представителей Дрездена и Шверина. Он, конечно, вовсе не имел в виду представителей социалистической Германии, нет, он жаловался американцам, что такая Германия существует.

Вилли Брандт, как писала немецкая нью-йоркская «Зоннтагс-блатт-штадт-цейтунг унд геральд», «держался храбро в людской толпе, которая прорывала полицейский кордон».

— Я привез,— старался он перекричать толпу,— гораздо больше, чем сердечные приветы нашим немцам американского происхождения от их старой родины! Мы партнеры, союзники в понимании свободы! Западный Берлин — символ свободного мира, ваш символ!

Какое это отношение имело к памяти генерала Штейбена? Объективные наблюдатели отмечали, что на параде не было ни одного антифашистского лозунга. Наоборот, преобладали черный и коричневый цвета. Как бы невзначай. И, разумеется, проплыл на платформе автомобиля макет так называемой «берлинской стены», как провокаторы называют меры правительства ГДР, предпринятые для охраны своей границы.

Ньюйоркцы молча и хмуро наблюдали за подвыпившими, улюлюкающими людьми, требовавшими, чтобы барабаны ни на минуту не замолкали. Из толпы демонстрантов слышались угрозы по адресу Германской Демократической Республики. В полупьяном угаре организаторы парада забыли, видимо, что у ГДР есть союзники...

«Было удивительно,— писала все та же немецкая газета, издающаяся в Нью-Йорке,— с какой помпой военные оркестры американского легиона исполняли немецкие военные марши. Союзы немецких землячеств Нью-Йорка и Бруклина были представлены значительно шире, чем когда-либо раньше».

К пяти часам дня энтузиазм «немецких землячеств» начал иссякать и знамена стали складывать на грузовики, стоявшие наготове у боковых улиц, выходящих на Пятую авеню.

Из легковой открытой машины председатель комитета благодарил участников парада, провозглашая в микрофон: «А теперь — время вина и молодых женщин!»

За ним следовали тяжелые желтые машины нью-йоркского муниципалитета, смывавшие грязь с улицы.

Я возвращался в гостиницу с мыслью о том, что в будущем году в это время на параде генерала Штейбена Рокфеллер, возможно, уже будет обниматься с Хойзингером и Шпейделем.

На следующий день в одной американской семье я рассказывал о впечатлении, которое произвел на меня этот парад.

— Хойзингер не мог появиться на Пятой авеню,— услышал я в ответ.

— Но он приезжал сюда, в США.

— Не на парад, однако же.

Мы не могли найти общего языка...

Захотелось встретиться с кем-нибудь из сведущих людей. Лучше всего, конечно, с человеком, знающим немецкую проблему, прошлое и настоящее Германии. Но с кем?

Генерал Тэлфорд Тейлор! Тот самый генерал Тейлор, который на Нюрнбергском процессе военных немецких преступников выступал как обвинитель от Соединенных Штатов. Лучшего собесед-

ника по германской проблеме, кажется, трудно представить.

Он назначил мне встречу на следующий день в 15 часов в своем оффисе.

Почему молчит генерал Тейлор

Я опаздывал и быстро шел по Медисон-авеню, утешая себя тем, что адвокатскую контору Тэлфорда Тейлора найти будет нетрудно. Действительно, дом 400 выделяется даже на этой респектабельной улице: массивный, из темно-серого камня, он говорил о благополучии хозяев и жильцов.

Рослый швейцар в красной ливрее, услышав имя Тейлора, расплылся в улыбке, распахнул двери, побежал впереди, показывая дорогу к лифту. Лифтер тоже улыбался: «Мистер Тейлор у себя». Чувствовалось, что здесь Тейлора не только знают, но и относятся к нему с почтением. В полутемной гостиной девушка-секретарь, узнав, что перед ней советский журналист, нажала какую-то кнопку, и через минуту на пороге гостиной выросла массивная фигура в светло-сером костюме. Еще нестарый человек с крупными чертами лица сухо спросил:

— Чему обязан?

— Мистер Тэлфорд Тейлор?

— Да, это я.— Улыбка тронула его губы, и, казалось, тень далеких уже воспоминаний пробежала по лицу.

— Здравствуйте, генерал Тейлор! Простите, что я вас, штатского теперь человека, называю по-старому, по-военному.

— Пожалуйста, садитесь!

— Мне кажется, что, когда вы были генералом, мы были ближе и лучше понимали друг друга. Не так ли?

— Мы хорошо сотрудничали на Нюрнбергском процессе,— заметил он.

— Вы помните генерала Руденко? Он был главным обвинителем от Советского Союза.

— Помню, конечно, помню Романа Руденко. Кто он теперь?

— Генеральный прокурор СССР.

Стены кабинета Тейлора были увешаны пожелтевшими фотографиями.

— Извините, мистер Тейлор, за нескромную просьбу. Нельзя ли ознакомиться с фотографиями, которые висят здесь на стенах?

— О, пожалуйста! Это русские и американские судьи на Нюрнбергском процессе. А это обвинители от наших стран. Вот генерал Руденко, а вот я.

— А кто это?

— Это мой хороший знакомый, мой хороший друг, немецкий генерал Адам, который в 1933 году, когда к власти пришел Гитлер, отказался служить ему. По-моему, это был единственный из старых немецких генералов, который не пошел с Гитлером.

Рядом висел портрет президента США. «Дорогому Тэлфорду Тейлору» — было написано на полях...

Мы снова сели.

— Я к вашим услугам,— сказал Тейлор, и в его голосе снова прозвучали официальные нотки.

— Скажите, пожалуйста, мистер Тейлор, присутствовали ли вы на параде памяти генерала Штейбена? И что вы думаете о нем?

Он сидел напротив меня, размышляя.

— На этом параде я не был и ничего о нем не думаю.

Я рассказал подробно о том, что видел на этом параде, вспомнив все: и 40 американских оркестров, которые играли немецкие военные марши, и угрозы в адрес Германской Демократической Республики, и призывы к пересмотру границы по Одеру, и лицемерные слезы о жертвах Западного Берлина, жертвах тех провокаций, что устраивали сами реваншисты, и, наконец, о преступной деятельности солдатских союзов, приславших в Нью-Йорк своих представителей.

Взгляд мистера Тейлора как бы говорил: «Меня это не касается». Но это его не могло не касаться, по-моему. С кем говорить еще об этом, если не с ним, известным и выдающимся гражданином США?

Он молчал, мистер Тейлор, тот генерал Тейлор, который уже однажды судил и осудил германский милитаризм.

Наконец он медленно выговорил:

— Мне было сказано, что вы хотели встретиться со мной, чтобы поговорить о Нюрнбергском процессе.

— Хорошо, скажите, пожалуйста, испытывали ли вы какие-либо трудности во время Нюрнбергского процесса, чтобы собрать воедино все те факты, которые мы теперь знаем, о преступлениях немецких нацистов?

— Да, я вспоминаю,— сказал он после паузы,— кое-какие трудности были.

— Не думаете ли вы, мистер Тейлор, что настало время уже теперь, уже сегодня собирать факты о преступлениях немецких неофашистов, чтобы было легче тем судьям и обвинителям, которые будут вести Нюрнбергский процесс номер два?

Он приподнял свои густые брови.

— Нюрнбергский процесс номер два? — переспросил Тейлор.

— Да, сэр.

Он молча посмотрел на меня. Потом заложил ногу на ногу и подпер голову рукой. Потом он отвел взгляд и долго сидел так. Не хотелось нарушать молчания, хотелось услышать, что он скажет. Тэлфорд Тейлор посмотрел на меня и снова отвел взгляд.

— Простите, генерал, может быть, вы не поняли вопроса?

Он молчал еще минуту или две, а потом, не меняя позы, медленно повторил:

— Мне было сказано, что вы хотели встретиться со мной, чтобы поговорить о Нюрнбергском процессе.

— Да, хотелось бы поговорить о Нюрнбергском процессе, мистер Тейлор, но не о том, который был, а о том, который будет.

— Я не верю в новый Нюрнбергский процесс,— наконец выдавил он из себя.— Я надеюсь, что войны не будет; не будет и процесса, о котором вы говорите.

Он замолчал и молчал долго.

— Вы, вероятно, слышали о возрождении реваншизма в Западной Германии? О всех этих призывах к походу на Восток, об эсэсовских солдатских союзах, наконец?

Тейлор вскинул голову.

— Я кое-что читал об этом.

— Неужели, господин Тейлор, вы не видите опасности западногерманского милитаризма для наших двух наций?

— В чем? В силе? — Он усмехнулся.

— Не в силе, а в возможности провокации, в том, что они попытаются, и уже сегодня пытаются, столкнуть нас — два самых мощных государства, ответственных за судьбы мира. Или вы забыли, что вероломство — их основной прием?

Он снова поднимает голову и отводит взгляд.

— Простите, господин генерал. Еще один вопрос. Слышали ли вы о требовании неонацистов пересмотреть границы, стереть с лица земли Советский Союз, слышали ли вы об этом?

— Это политический вопрос,— говорит он, снова вскинув голову,— а мне было сказано, что вас интересует только Нюрнбергский процесс.

Тут любого бы зло взяло.

— Я здесь третью неделю, мистер Тейлор, и со всех сторон слышу, что нахожусь в свободной стране. Но почему же все уклоняются от прямых ответов, почему вы молчите? С кем мне еще поговорить, у кого еще проверить то, что я видел здесь, в Америке?

Он встал.

— А что вы видели, что вы хотите проверить? — снова послышался его сдержанный голос.

— Неужели, по-вашему, фашизм снова может совершать подлости?

— Опять политический вопрос.— Он недовольно поморщился.

— Вы, кажется, написали книгу о Нюрнбергском процессе, не так ли?

— Да, она издана на многих языках.

— И есть здесь?

Он встал, подошел к полке, быстро нашел книгу «Уроки Нюрнбергского процесса» и дал ее мне. Потом взял обратно и надписал: «На память об этой встрече в октябре 1962 года. Тейлор».

Полистаем ее, пока он молча сидит, погруженный в свои мысли. На странице 32-й мы найдем такие слова: «О Нюрнберге не должны забывать, о Нюрнберге должны помнить все. Преступники и их злодеяния, возможно, сотрутся в памяти, но мы не имеем права забывать этот процесс».

— Не думаете ли вы, генерал,— я снова вернулся к параду Штейбена,— не думаете ли вы, что в этот день на Пятой авеню, в двух шагах отсюда, поднялась тень германского милитаризма?

И пока Тейлор молчит, не отвечая на этот вопрос, послушаем, что говорил он тогда, во время Нюрнбергского процесса:

«Немецкий милитаризм, если он выступит опять, не обязательно выступит под эгидой нацизма. Немецкие милитаристы свяжут свою судьбу с судьбой любого человека или любой партии, которая сделает ставку на восстановление немецкой военной машины».

Это было сказано 30 августа 1946 года. Воздадим должное проницательности генерала Тейлора, воздадим должное ему как прокурору и как человеку, в котором все восстало при виде чудовищных зверств нацизма.

Но, может быть, мы рано оборвали эту цитату? Послушаем же, что еще в Нюрнбергском дворце правосудия говорил от имени Соединенных Штатов обвинитель Тейлор:

«Милитаристы рассчитывают все заблаговременно и хладнокровно. Осторожней, люди!»

Вот что хотелось услышать от вас, мистер Тейлор, в то октябрьское утро, когда мы встретились в вашем удобном оффисе на Медисон-авеню.

И дальше вы, конечно, помните, что было сказано в той, нюрнбергской речи:

«Милитаристы используют любые преступления, чтобы снова достигнуть мощи Германии и распространения ее чудовищного террора. Мы видим, как они делали это раньше, и не должны забывать об этом...»

Да, генерал Тейлор, аншлюс Австрии, захват Чехословакии, газовые камеры в Освенциме и Майданеке — раньше. И дикая травля коммунистической партии, суды над сторонниками мира, разгром журнала «Шпигель» — сегодня. «Мы видели, как они это делали раньше, и не должны забывать об этом». Это ваши слова: **«Мы не должны забывать об этом!»** Почему же вы молчите сегодня?

О, конечно же, это снова политический вопрос. Извините!

Мы вежливо попрощались. Он просил передать привет генералу Руденко, с которым подружился на Нюрнбергском процессе.

— Увидите его — кланяйтесь и скажите, что я жив-здоров...

Уходя из адвокатской конторы Тэлфорда Тейлора, я все спрашивал себя, почему так сдержан и молчалив был хозяин. Ответ принесли вечерние газеты: в тот день Тэлфорд Тейлор — надо же, такое совпадение! — дал согласие баллотироваться в сенат от штата Нью-Йорк. А кандидаты в сенаторы, как известно, не имеют обычая откровенно высказывать свои взгляды, впрочем, как и многие сенаторы в этой стране.

Нью-Йорк.

Вилли Брандт и Нельсон Рокфеллер возглавляли парад.

Памяти нашего друга

Умер Василий Лаврентьевич Кулемин — талантливый русский поэт, душевный, скромный человек. Ему шел сорок второй год, когда жесточайший инфаркт свалил его в постель, так и не дав подняться. Смерть всегда безвременна, но в таких случаях она особенно нелепа.

Он жил в предчувствии встречи с самым важным, самым главным в своей жизни; он предчувствовал, что лучшее свое произведение он напишет завтра. Это шло от требовательности к себе.

Василий Кулемин не ждал шумной славы; просто он считал, что есть вещи поважнее. «Оно разное, счастье...» — писал поэт, раздумывая и о копеечных страстях и о настоящем счастье — быть с теми,

С кем ты вместе живешь
Под высоким и трепетным
небом,
С кем ты всё побеждал:
И разлуку и ложь,
С кем делился махоркой
и хлебом...

Василий Кулемин узнал такое счастье: и в родной тульской деревне Овчаровке, где его отец создавал колхоз, и на Черноморском флоте, куда он был призван в 1940 году, и в годы войны. Тогда, в 1942 году, на фронте, он вступил в партию, отдав ей полжизни, а по существу, всю жизнь. «Люблю все делать на пределе» — это его слова. Вместе со своими сверстниками он с «полной выкладкой» прошел через труднейшие испытания времени. Они не ожесточили поэта; Кулемин лишь утвердился в своей любви к людям. Нежность и мужество — это, пожалуй, ведущие мотивы стихов и поэм Кулемина («Время полета», «Я — Малахит», «Отец»). Ленинская человечность как норма нашей жизни и мужество первооткрывателей коммунистического общества — вот что волновало поэта, до конца дней своих не выпускавшего пера из рук. Уже тяжело больным, он продолжал писать стихи — о Родине, о народе, о партии.

С надеждой он смотрел в будущее, всем сердцем ощущая величие сегодняшнего дня: «Нынче время полета мыслей, чувств и ракет». В последних его стихотворениях было много сдерживаемого волнения, была высокая мера моральных критериев. Василий Кулемин искал самые надежные пути к сердцу читателя; поэт верил в слово, негромкое, но задушевное, внешне безыскусное, но точное, выверенное.

Я каждым сердцебиеньем
Оставлю в том слове след.

Золотой поток «Кохоры»

Наступили горячие дни в совхозе «Кохора». Кстати, Кохора в переводе значит куча желудей. Когда-то здесь рос один дубняк. Но вот раскорчевали этот лесной массив на юге Абхазии и в 1932 году заложили большой цитрусоводческий совхоз.

250 совхозных гектаров разбиты на районы. Начальник пятого района агроном Давид Лукич Василадзе показывает нам дерево лимона, которое выдало нынешней осенью 1 700 плодов. Полтора центнера лимонов. Такому дереву поистине цены нет...

Давид Лукич говорит, что урожай лимонов в этом году небывалый, в два раза больше прошлогоднего. А это значит, что пятый район сдает государству миллион лимонов сорта «новогрузинский». Апельсинов тоже больше, чем предполагалось, на 40 тонн, мандаринов — на 20 тонн.

В цехе переработки сейчас трудятся в две смены и все равно не успевают пропустить весь золотой поток, идущий с плантаций.

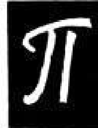
— Вот бы нам еще машину, которая заворачивала бы каждый плод в бумажную сорочку! — мечтает Геронтий Мелентьевич Чачибая, директор совхоза.— Но, к сожалению, конструкторы о нас плохо заботятся. Старые калибровочные машины стоят в совхозе уже пятнадцать лет, можно сказать, с пещерного периода нашей техники. А плантации каждый год растут...

Случалось, что цитрусовые вымерзали. В 1956 году совхоз получил первый морозоустойчивый урожай, начал набирать темпы и в этом году почти приблизился к рубежам семилетки. Семилетка «Кохоры» — 1 800 тонн плодов цитрусовых в год.

И. МЕСХИ

Разговор с художником

Надежда СВЕТЛОВА

Познакомилась я с Василием Николаевичем Бакшеевым в 1958 году, в последний год его жизни. В редакции попросили записать рассказ Василия Николаевича — воспоминания о его товарищах-передвижниках.

Воспоминания были напечатаны, а я продолжала ездить к художнику: все никак не могли мы исчерпать темы нашего разговора. Рассказывал Василий Николаевич по-стариковски: часто отвлекался, возвращался назад, повторял сказанное. Но слушать его было интересно; он был художник в наивозможной полноте этого понятия. Любая мысль его облекалась в зрительное представление.

Ему было уже трудновато ходить, по утрам немели ноги, руки. Он превозмогал себя, вставал и ходил. Работал в мастерской за мольбертом, ездил на выставки, в Художественный институт, а по вечерам еще и гостей принимал.

Вспомнил Василий Николаевич, как впервые, когда был в Париже, увидел картину Коро. Пригласил Бакшеева, Ивана Абрамовича Морозова и Константина Алексеевича Коровина владелец одного из парижских художественных салонов.

— Два лакея внесли железный ящик,— рассказывал Василий Николаевич.— В нем еще был ящик. Открыли. Осторожно вынули картину. И, знаете, я прямо задохнулся от сырости, от тумана. Это была работа Коро. Сегодня я снова видел его полотно в музее. Истинная красота! А что такое красота? Это когда гармония есть. Не важно, что на картине: природа или люди. Важно, чтобы в композиции и в цвете все сообразовалось. Вот, говорят, красивый человек. А что в нем красивого? Нос широкий, рот большой, да только и вправду красивое лицо. Все гармонично — одно по отношению к другому.

Париж. Выставка картин Верещагина. И об этом вспоминал Василий Николаевич. Он вообще любил говорить об этом художнике, о том, какой успех имели выставки Верещагина в Париже, Лондоне. «Народу было тьма-тьмущая. Патрули охраняли выставку».

— Величайший художник, еще в очень малой степени прославленный у нас и не до конца понятый. Помню, когда Стасов спросил Эрнеста Месонье, кого он считает сейчас лучшим мастером, французский художник ответил: в Германии — Менцель, в России — Верещагин. Как-то Верещагин смотрел мастерские молодых художников. Зашел ко мне. А ведь это мой бог в искусстве! Я так растерялся, что ничего и спросить не сумел. Потом уж мне передали слова Верещагина: «Художник молодой, стоит на правильном пути». Надолго мне хватило восторга при воспоминании этих слов.

Василий Николаевич потирал больные руки, которые мерзли даже в теплой комнате, вытягивал уставшие от сидения ноги и, только упомянув о себе, снова вспоминал товарищей. Может, так память устроена, что чужую жизнь помнишь лучше своей. Своя-то кажется обычной. А может, характер у него был такой широкий, внимательный или сказывалась передвижническая школа, где уже тогда друг друга называли товарищами, где чувство дружбы ставилось даже выше искусства, которому служили верой и правдой.

Наверно, у Бакшеева были свои отношения с богом, но он с большой горечью вспоминал художника, который вместо того, чтобы служить искусством людям, пошел служить богу. А был такой талантливый художник, казак. Приехал из Новочеркасска учиться. Поленов около его живописи часами простаивал. Получил он три Золотые медали. Большая Золотая давала право на бесплатную поездку за границу.

— Свое, настоящее творчество начинается! Что может быть выше! И вдруг узнаем, что Часовников ото всего отказался, ушел в монастырь. Своими картинами, дескать, меньше принесу пользы, чем проповедями. Года через полтора написал мне: «Изучаю китайский язык». Потом поехал миссионером в Китай. А во время Ихэтуанского восстания был убит. Жаль по глупости поломанной жизни талантливого художника! Но хочется, чтоб знали о нем. А придется картину увидеть — обратили бы внимание. Зритель ведь какой бывает: имя автора неизвестно — и пройдут мимо.

Василия Николаевича беспокоили не только судьбы его сверстников. Как-то я увидела Бакшеева после того, как он смотрел дипломные работы выпускников Художественного института. Был он сердитый. Топтался по комнате и не то что ворчал, а как-то пофыркивал, потом говорить начал. И поскольку его мысли и по сию пору представляют интерес, я передам их, как записала:

— Найти свой регистр, в котором не сорвется голос художника, а будет звучать в полную его силу,— дело важное. Тут нужны и внимание, и осторожность, и догадливость. Сначала нащупать, почувствовать, а потом определить свою, неповторимую тему. Это значит найти не просто амплуа, а свой путь в искусстве. Иначе штамп, два дня жизни картины. Это разговор о творчестве; но чтобы подойти к творчеству, необходима еще и грамота. Огорчили меня сегодня студенты! Цвет плохо чувствуют. Как понимали цвет Коровин, Суриков! Что это нынче за черные тени появились? Тень ведь прозрачна, и уметь надо такой ее написать. Много серых по цвету работ. Где же в них живопись?!. Конечно, серый цвет нельзя запрещать, в сером цвете тоже может разобраться настоящий художник и написать в этой гамме красивую вещь. Но то, что я видел,— это просто грязь от неумения писать.

Порадовали меня студенты эскизными работами. Там есть живость восприятия, хороший колорит. И это еще больше подтвердило мое первое ощущение, что многие молодые художники не умеют искать своей темы, своего пути. А идут скопом по проторенной дорожке. А коль нет у художника мыслей и чувств, которыми необходимо поделиться со зрителями, то и зритель пройдет равнодушно мимо его полотен, даже если они будут лихо написаны.

ГОЛУБАЯ ВЕСНА. 1930 г.

Государственная Третьяковская галерея.

В. Н. Бакшеев

К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ

НА ОКРАИНЕ КАСИМОВА. 1948 г.
Ярославский областной художественный музей.

ЖИТЕЙСКАЯ ПРОЗА. 1892—1893 гг.

Государственная Третьяковская галерея.

Схватка

Михаил ЗЛАТОГОРОВ

1

Первые шаги на Липецком тракторном Тая делала в смене мастера Потемина. Человек это был малоразговорчивый. Глянет мимоходом, как она меняет сверло в патроне станка, буркнет что-нибудь насчет допусков или чтобы не задерживалась в буфете после перерыва,— вот и все отношения.

Мастер смежной смены, Валерий Павлович Лубашников, на пересменке сказал Тае:

— Тебя станок слушается. Я бы тебе сразу разряд повысил.

Тая только что кончила сверловку и вытирала ветошью руки. Лубашников ростом был ниже ее — худощавый, субтильный. Негустые волосы лежали на темени прилизанно. Остренькие птичьи черты лица смягчались улыбкой.

Лет Лубашникову за тридцать, но Тая знает, что многие в цехе зовут его не по имени-отчеству, а запросто — Валерка.

— Переходи в мою смену. Мне нравится твой характер.

Смена Лубашникова считалась передовой, ей готовились присвоить звание коммунистической. И Тая согласилась.

Веселее пошла жизнь. У Лубашникова станки так не простаивали, как у Потемина. Он был расторопней, как говорят, оперативней. И всегда ладил с начальством. Был внимателен. Не пройдет мимо Таи, чтобы не кивнуть, не поздороваться.

Об этих приятных переменах в своей жизни Тая написала бабушке и матери в деревню на Тамбовщину (отец ее, участник войны, умер через два года после победы над Германией).

Жила Тая в общежитии в заводском поселке. Как-то к ним заглянул Лубашников. На руках у него был маленький сынишка.

— Жена прихворнула,— объяснил мастер. Вздохнул, добавил: — Вот и кручусь.

— Всякое бывает,— посочувствовала Тая.

— И с деньгами плохо. Не ссудишь?

— Могу.

Тут же мастер попросил взаймы и у сверловщицы Поповичевой; та тоже дала деньги, хотя и неохотно. Поповичева была почти ровесницей Таи, но в цехе начала работать раньше.

Ни минуты не сомневалась Тая, что при первой получке мастер вернет долг. Однако в день получки Лубашников даже не подошел к ее станку. В душевой, переодеваясь после смены, Тая спросила Поповичеву:

— Вернул он тебе?

— И не подумал.

— Что у него, семья большая?

— Жена на электростанции работает, неплохо получает. Я у них раз дома была,— ковры, телевизор. Свой садовый участок. Ничего живут.

— Тогда я что-то не пойму.

— Крохобор он, вот что,— хмуро молвила Поповичева.

Что-то изменилось в отношении Таи к мастеру.

Снова настал день получки. Назавтра утром Тая сверлила дефицитную деталь — гайку хомутика. Когда мимо торопливо прошагал Лубашников, она не выдержала:

— Должок не вернете?

— Какой должок?

Мастер остановился, как бы удивленный.

— Когда к нам в общежитие приходили. И у Поповичевой брали. Ей тоже деньги нужны.

Он вытащил из кармана спецовки гребешок и поправил волосы. Потом кивнул на груду деталей возле станка:

— Ты что, не заработаешь у меня?

Сначала Тая не поняла. Потом краска медленно стала приливать к ее щекам.

— Думаешь, всем достаются к а л ы м н ы е детали,— тихо сказал Лубашников.— А ты из-за какой-то тридцатки...

Тае показалось, что она впервые видит этого человека. Значит, вот как. Значит, мастер ставит ее на ответственные детали не потому, что она, выпускница ФЗО Таисия Жупикова, хорошо освоила точную сверловку, а потому что...

— Вы деньги все-таки верните,— сказала Тая.— И не тыкайте.

— Забыла, кто тебя в смену взял? Очень просто могу и назад завернуть.

Лубашников двинулся по проходу. А она не нашла, что сказать ему вслед.

Однажды Тая заметила, что сверловщица Суслова украдкой утирает слезы. Что случилось? «Опять занизил мне по наряду,— сказала Суслова.— А почему? Из моих сверхурочных хотел половину себе оставить. А я не согласилась».

Этот улыбчивый человек мог, оказывается, взять у рабочего деньги на подписку на газеты, а потом сказать, что подписать забыл. Деньги же вернет как-нибудь при возможности. Мог намекнуть какой-нибудь непокорной, неуступчивой работнице: «Будешь языком болтать, срежу заработок».

С какой-то глухой, холодной настороженностью следила теперь Тая за всеми распоряжениями мастера.

Почему он велит спрятать в тумбочку те заготовки, которые не удалось обработать к концу смены? Ведь самое правильное передать заготовки сменщице.

— Ты о себе думай,— говорит Лубашников.

О себе? А сменщица, значит, может простаивать? А конвейер, где собирают тракторы для села, пускай лихорадит из-за нехватки деталей крепления?

— Заготовки сдам в кладовую.— Тая с вызовом смотрит в глаза Лубашникову.

2

Тая не была комсомолкой, но ни одно общественное дело не проходило мимо нее. Отправлялась ли молодежь на субботник на стройку Дворца культуры, требовалось ли организовать вечер отдыха в красном уголке общежития,— без нее нигде не обходилось. Но все это делалось както легко, радостно. А теперь пришло другое. Теперь впервые в жизни надо было вступить в борьбу.

«Помалкивай, все равно ничего не добьешься, только себе навредишь,— говорили соседки по общежитию.— Скажешь правду, потеряешь дружбу». Но она чувствовала, что если будет молчать, то перестанет уважать себя. Не укладывалось в сознании, что могут бок о бок мирно жить как бы две правды. Одна правда — правда собраний, лозунгов и призывов, написанных крупными буквами на стендах и транспарантах, правда настоящих людей, боровшихся день и ночь за то, чтобы быстрее сходили с конвейера машины для полей. А другая правда — Лубашников с его махинациями, «калым», вымогательства.

И вот однажды, когда после рабочего дня смена собралась, чтобы обсудить план на следующий месяц, Тая взяла слово и сказала все, о чем другие открыто говорить не решались.

Тая приводила факт за фактом и смотрела на людей. Вот кто-то охнул, кто-то взволнованно шепнул: «Правда, чистая правда».

Тая сказала, что бесчестность несовместима с коммунизмом. Что она никогда ни перед кем не угодничала и угодничать не будет. И если Лубашников грозит, что выгонит из смены, так она этого не боится.

Лубашников громко перебил:

— От коллектива оторвалась!— Мелкие птичьи черты лица его заострились.— Нам цехком звание дает, а ты такую склоку разводишь.

Тая вдруг растерялась. О чем опять говорить? О том, как он не отдал долг или как предлагал прятать дефицитные детали? Мастер мог опровергнуть, и ему скорее поверят, чем ей. А другие молчат...

В тишине раздался спокойный голос:

— Не кричи, Лубашников. Есть факты!

Это поднялась со своего места работница средних лет, с усталыми глазами на широком лице. Тая знает ее: Зинаида Савельева, коммунистка, на токарном работает. В общежитии избрали ее председателем товарищеского суда. Справедливая. Недавно изобличила Лубашникова в нехорошем деле. В рабочее время Лубашников ушел в другой цех и там занялся сваркой аквариума. Сваривал он из заводского металла. До этого таким же манером изготовил для кого-то из знакомых электроплитку.

Савельева сказала:

— Если хоть десять процентов правда, что Жупикова сейчас сказала, так тебе, Лубашников, не место на должности мастера.

— Не десять, а все сто!—крикнула, раскрасневшись, Поповичева.

Лубашников блеснул глазками.

— Кого защищаешь, Савельева? Она ведь даже не комсомолка.

— Не комсомолка? — усмехнулась Савельева.— Что ж из того? Разве только комсомолки имеют право критиковать?

...Вечером у Таи как-то смутно было на душе. Ей казалось, что вся смена целиком сразу станет на ее сторону. А получилось не совсем так.

Но вскоре в автоматном цехе стало известно, что Савельева потребовала созвать партийное собрание, чтобы обсудить поведение Лубашникова.

Лубашников суетливо шнырял по цеху. Несколько раз станочницы слышали, как он громко говорил: «Склочницы за все ответят», «Гнать таких надо с завода».

В конце дня Тая заметила, что распред Екатерина Рева подзыва-

ет к своему столику то одну, то другую работницу и дает им подписываться на листе бумаги. Что это значит? Рева всегда во всем поддакивала Лубашникову. Тая нарочно близко прошла мимо Ревы, но та ее не позвала.

Тогда Тая разыскала Савельеву:

— Тебе давали подписываться?

— Ничего не знаю,— удивилась Зинаида.— Что там за новое воззвание? Сейчас проверим.

Она узнала, что Лубашников не без помощи своих покровителей из администрации состряпал нечто вроде петиции в свою защиту. Сформулировано все так туманно, что разобраться совсем не просто. Бумажку торопливо подсовывали рабочим. И некоторые подписывались, не особенно вникая в суть дела.

Савельева сразу поняла, чего добивается мастер, позвонила в партком завода, и трюк с «заявлением рабочих» провалился.

3

Как неспокойно было Тае в день партийного собрания!

Присутствовать на нем она не могла, потому что работала в этот день во второй смене. Но если бы даже ее и подменили, не имела права: собрание было закрытым.

Ровно жужжало сверло. Мысли Таи рвались...

Не выдержала. На минуту отлучилась от станка и подошла к двери красного уголка, в котором собрались коммунисты цеха.

Донеслись неясные слова:

— ...марать звание.

— ...пятно на коллектив.

Неожиданно дверь открылась, и ее увидели.

Она страшно смутилась, но человек за столом президиума — Тая знала, что фамилия его Гусев, что он инженер, представитель партийного комитета завода,— этот человек ободряюще сказал:

— А вот и сама Жупикова. Я с ней говорил. И я, товарищи, верю каждому слову этой девушки.

Ругая себя за невыдержанность, Тая весь остаток смены ни на минуту не оставляла станка.

Снова думала, размышляла. Какие есть отличные люди, настоящие люди — Зинаида, вот этот Гусев... Припомнился ей и недавний станочник из автоматного цеха рабочий корреспондент Николай Дорофеев: теперь он работал в заводской многотиражке «Кировец». На днях приходил сюда. Тая рассказала Николаю, как Лубашников грозится всем, кто его разоблачил. «Не бойтесь, девочки,— сказал Дорофеев.— В обиду вас не дадим». И через несколько дней напечатал в газете заметку, где были такие слова:

«...Так, вместо того, чтобы быть организатором соревнования, воспитателем, служить достойным примером для подчиненных, мастер Лубашников превратился в делягу-крохобора и комбинатора».

Но все ли такие, как Гусев, Зинаида, Николай? Нет. И это трудно понять.

Даже такого взять человека, как технолог Александра Ивановна Четверикова, секретарь партбюро цеха.

Не раз слышала Тая доклады Четвериковой на собраниях. Говорила Александра Ивановна неизменно звонким голосом, призывала быть самоотверженными в труде, дисциплинированными, честными, книжки читать, учиться. Все правильно говорила... Но вот когда завязалась эта драка, когда рабочая совесть взбунтовалась против грязных делишек, подобных тем, которыми занимался Лубашников, опустила крылышки.

«Вы же, девочки, учитесь жить по-коммунистически,— приходила Четверикова успокаивать смену.— Лубашников допустил ошибку. С кем не бывает? Взял деньги, вернет. Надо все спорные вопросы решать у себя в коллективе, а вы корреспондентам материал даете. Так и до Москвы может дойти. Что хорошего? Ведь нам скоро должны присвоить звание цеха коммунистического труда. Вы должны быть патриотками цеха!»

Не убедили, однако, никого все эти уговоры и доводы уважаемой Александры Ивановны.

Тая не имела еще ни опыта общественной работы, ни основательных политических знаний. Но девушка твердо усвоила главный закон советской жизни. Тот закон, который партия вынесла в название своего центрального органа.

Правда. Нельзя без правды...

...Тая вздрогнула, когда сзади послышались шаги. Ее плеча коснулась рука Савельевой. Коммунисты расходились с собрания.

Был уже поздний вечер. В пролетах горели лампы дневного света. Вот-вот заступит ночная смена.

— Как сработала? — дружески поинтересовалась Зинаида.

— Без переналадок обошлось сегодня. Процентов сто десять, думаю, будет.— Тая показала глазами на маленькие детали, блестевшие в железном коробе.

Подруги помолчали.

— Не отвертелся хамелеон,— наконец, сказала Зинаида.

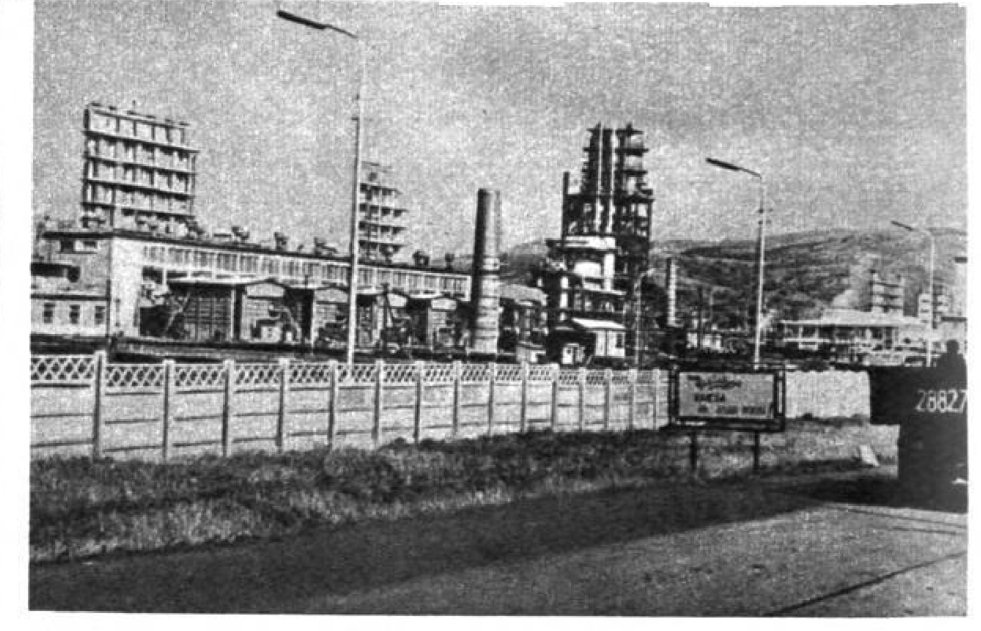
Тая подумала, что, наверное, партийная дисциплина не позволяет сейчас Зинаиде рассказать обо всем, что происходило на собрании. Но ей было радостно, что как бы там ни было, а все-таки правда берет верх над ложью, что отныне и она, Таисия Жупикова, стала ближе к таким людям, как Зинаида Савельева.

А Савельева думала о молодой работнице, дочери солдата, сражавшегося за свободу Родины, о тысячах сверстниц Таи. Они — будущее страны. А такие, как Лубашников, своей мещанской мышиной возней, своими бесчестными поступками порочат в глазах молодежи самое светлое, самое гордое звание на земле — звание коммуниста. И в этом — наибольший вред.

Только что Савельева говорила об этом на собрании. Собрание решило, что Лубашников ни одного дня больше не должен оставаться руководителем смены. Вынесло ему выговор с занесением в учетную карточку.

Наказали. Но разве достаточно? И хотя Савельева вместе со всеми подняла руку за решение, непримиримое сердце стучало: «Мало, мало!»

Савельева знала, что схватка еще не окончена, что предстоят еще долгие дни упорной борьбы и за то, чтобы выжечь начисто зло и чтобы родная смена по праву могла называться сменой коммунистического труда.

Нефтехимический комбинат Борзешти. Еще совсем недавно здесь было чистое поле...

СВЕР

Заметки из Румынии

Недавно я провел месяц в Румынии. Со времени предыдущего посещения прошло шесть лет, и мои прежние представления о ней очень сильно устарели. Конечно, в жизни каждой страны происходят перемены, но то новое, что появилось в республике за эти годы, не может не поразить каждого, кто приезжает в страну в эти дни.

После первой мировой войны, после развала Австро-Венгрии буржуазные политики называли Румынию «Великой». Большего издевательства над нищим народом нельзя было придумать. Это льстило королевскому двору и всей боярской знати, но, разумеется, никак не улучшало бедственного положения народа.

Подлинное величие пришло к румынскому народу теперь. Это величие — в свершениях труда, в свободолюбии и уверенности народа, в его духовной силе...

Сядем в автомашину и проедем по широким дорогам, проложенным за последние годы. Хорошие дороги! Тысячи километров проехали мы. Побывали на крупных заводах, электростанциях, заходили в квартиры рабочих и дома крестьян, осмотрели курорты, стадионы, театры.

Но прежде чем тронуться в путь, пройдемся по столице — зеленому и красивому Бухаресту.

Улицы, кварталы новых жилых домов, новые школы, великолепный Зал съездов, полиграфический комбинат «Дом «Скынтейи», новый цирк, новые, благоустроенные парки — все это производит прекрасное впечатление. Радуют светлые здания, четкие и чистые линии жилых домов, оригинальные и красивые архитектурные формы, умно вписанные в зелень парков и бульваров.

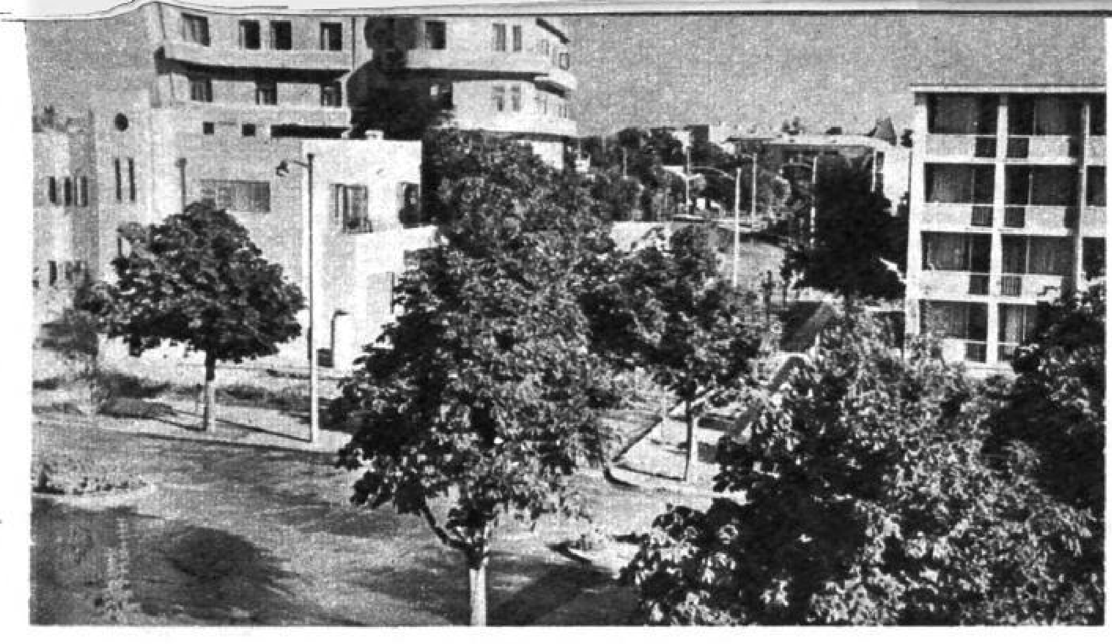
Бухарест — административный и культурный центр страны, промышленный гигант, производящий пятую часть продукции Румынии. Никита Сергеевич Хрущев назвал Бухарест хорошо работающим, молодым и могучим сердцем Румынии. Прекрасно сказано!

В Центральном Комитете Румынской рабочей партии беседуем с заведующим отделом культуры и пропаганды товарищем Леонте Рэуту. Из его увлекательного рассказа, пересыпаемого цифрами, примерами, датами, легко увидеть, что рост экономики и благосостояния столицы отражает такое же бурное развитие всей республики.

За каждые 55 дней 1962 года страна производит столько же промышленной продукции, сколько давала она за весь 1938 год. В 1961 году объем продукции машиностроительной, энергетической промышленности и промышленности строительных материалов был в 12 раз больше, чем в 1938 году, а продукции химической промышленности — в 14 раз. В первом квартале 1962 года в Румынии было произведено в 2—3 раза больше электроэнергии, чугуна и стали, чем за весь 1938 год. Национальный доход по сравнению с 1949 годом вырос более чем в три с половиной раза.

В стране завершена коллективизация сельского хозяйства; на полях колхозов и госхозов работают 54 тысячи тракторов, свыше 25 тысяч зерноуборочных комбайнов, 50 тысяч тракторных сеялок. Это ли не показатель удивительного роста румынского крестьянства, повернувшего в ленинские принципы построения новой жизни!

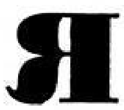
На одной из площадей Бухареста возвышается памятник Героям Родины, наследникам революционных традиций, отважным борцам против фашизма — тем, кто отдал свою жизнь за свободу и независимость Румынии. В 1907 году было жестоко подавлено восстание румынских крестьян: каратели расстреляли более 11 тысяч человек. Весной нынешнего года в новом здании Выставки народного хозяйства, где проходила внеочередная сессия Великого Национального Собрания, посвященная завершению коллективизации сельского хозяйства, присутствовало более 11 тысяч человек. Не знаю, простое ли это совпадение,

Курорт Эфория.

Большими друзьями стали шофер Аристотель и четырехлетний суданец Фурат.

Ш Е Н И Я

Борис БУРКОВ

Фото автора.

но как оно символично: 11 тысяч передовых представителей свободного румынского народа!

Но мы уговорились посмотреть страну. Проезжаем Плоешти. Давно известно, старый город. Конечно, старый. Но трудно сказать, чего здесь больше: нового или старого? Нефть приносит румынскому народу большие богатства.

...Еще 80 километров красивой дороги — город Брашов. Тракторные и автомобильные заводы. Потом осматриваем королевский дворец в Синае: короли возводили дворцы, чтобы долго в них жить. И как просчитались! Теперь здесь хорошо простым людям. Красота, богатства Трансильвании — для простых людей.

Молдова — соседняя с Трансильванией провинция. В этой провинции когда-то совершенно не было промышленности. А теперь? Прежде неизвестное местечко Борзешти дало имя огромному химическому комбинату...

Впрочем, мы немного поторопились. Проехав от Брашова километров 150, машина доставила нас в только-только рождающийся город Онешти. Здесь была деревня; вот там еще сохранилось десятка полтора небольших крестьянских домиков. А теперь многоэтажные жилые дома, гостиница, школы, техникум, клуб, магазины...

Встреча с молодым, энергичным инженером Петром Буня. Он секретарь горкома партии по промышленности.

— Наш город возник пять лет назад,— рассказывает Буня.— Население? Около пятидесяти тысяч. Здесь живут основные кадры химического комбината Борзешти. Кадры молодые. Средний возраст — 24 года. Директору — 33 года. Уже старик, правда?

Буня смеется:

— Мы гордимся молодым городом, молодежью молодого комбината!

В городе ни одного предприятия, они рядом, в Борзешти. Сразу за окраиной Онешти — кукурузные поля. Среди них трубы теплоэлектроцентрали, башни нефтеперегонного завода, здание завода каустической соды, комбината искусственного каучука.

Инженер Георге Уца ведет из цеха в цех. Он рассказывает о советской помощи строительству, знакомит с советскими специалистами.

— Нефть,— говорит он,— идет к нам по трубопроводам. Наш комбинат—один из 22 химических комбинатов и заводов, построенных в стране до 1961 года. А ведь кроме того,— замечает Уца,— в стране за последние годы построено 60 новых цехов и установок на действующих предприятиях.

Берем курс на областной центр Бакэу. Всегда приятно совершать путешествия по интересным местам. Еще приятнее, когда красивый пейзаж оживляется оригинальными домиками крестьян. Мы заметили некоторое своеобразие жилых построек Молдовы, Трансильвании, Венгерской автономной области. Но есть одно общее: всюду село строится. За последние 10 лет в селах Румынии построено более 700 тысяч домов.

По дороге в Бакэу мы любовались домиками с открытой верандой на углу. Трудно найти два совершенно одинаковых дома. Они отличаются либо окраской, либо формой колонн, либо другими деталями. Крестьяне строят с большой любовью.

В Бакэу, в кабинете первого секретаря обкома партии, нас встретил высокий, богатырского сложения Георге Рошу. С ним секретарь обкома по промышленности — Георге Унгурашу.

Последний час перед Бакэу небо хмурилось, но дождя не было. Дождь был очень нужен. Его ждали. Даже деревья стояли с поникшими листьями... Не успели мы поздороваться с хозяевами, как за окнами ударил гром. Тучи послали на землю ливень.

— Вот это салют! — с радостью произнес Рошу.— Салют в честь урожая. Садитесь, гости добрые!

Пока за окнами бушевал дождь, мы многое узнали о жизни области, о планах ее руководителей.

— В городе Роман, это в 40 километрах отсюда, недавно с советской помощью мы построили первоклассный трубопрокатный завод. В области работает бумажный комбинат. Заготовляем миллионы кубометров леса. Есть у нас другие предприятия, вы их посмотрите.

И мы смотрели. В Савинешти — комбинат искусственного волокна «Релон». Много молодежи, много девушек.

— Мы пришли из деревни,— рассказывают они, не скрывая своей гордости за то, что их молодым рукам доверены замечательные машины этого великолепного комбината.

Если бы побывать только на одном этом предприятии, то и этого было бы достаточно, чтобы понять, как далеко в своем развитии ушла вперед Румыния.

...Давным-давно, когда народ Румынии лишь мечтал о свободе, молодой инженер Григоре Леониде грезил о покорении горных рек. Он предложил проект строительства гидростанции Биказ. Тогда проект отвергли: сама идея строительства выглядела несбыточной мечтой. Теперь действует, дает ток гидроэлектростанция имени В. И. Ленина.

Инженер Георге Ангел, показывавший нам искусственное озеро Биказ, плотину, турбины, тоннель, по которому идет вода из озера к турбинам, вспоминал, как плакал от радости на торжестве открытия гидростанции 80-летний Григоре Леониде.

Когда в 1949 году зашла речь о строительстве гидростанции, Георге Рошу (он тогда работал секретарем райкома) посоветовал одному крестьянину не строить дом у реки, так как скоро здесь будет море.

— Э-э,— ответил крестьянин,— я эту сказку слышал сорок лет назад. Очень давняя сказка. Но если вы, коммунисты, сделаете ее былью, проживу без дома...

— Теперь,— смеется Георге Рошу,— этот крестьянин живет в новом доме, на новом месте, хотя коммунисты сделали сказку былью.

Эта быль — гордость крестьянина, такая же гордость, как город Онешти, как комбинат «Релон»...

Когда катер пересекал озеро Биказ, мы видели эту нескрываемую гордость и в глазах у моториста, и в глазах работника обкома партии Теодора Хостюка, и на лице Стеллы Могиорош, одного из руководителей румынского агентства Аджер-Пресс.

С той же гордостью первый секретарь Брашовского обкома партии Милитару говорил о новых больших заводах Брашова.

Мы знакомились с домами отдыха, курортами, туристскими базами Румынии. Там лечатся, отдыхают те, кто раньше не мог и мечтать об этом. На побережье Черного моря, например, выросли целые курортные города. Около Констанцы — Эфория, в Мамайе за последние годы к небу поднялись удобные, красивые гостиницы, рестораны. Умеют в Румынии строить. Умеют и организовывать отдых. Каким бы большим ни был наплыв отдыхающих, туристов, мы никогда не видели очередей в столовых, закусочных.

Отдыхают в Румынии представители многих стран. В Эфории мы познакомились с гостями из Судана, Боливии, Чехословакии, Венгрии, Канады...

Трудно забыть трогательную дружбу шофера дома отдыха Аристотеля с четырехлетним «отдыхающим» — суданцем Фуратом. Эта дружба как бы символизировала новые отношения в новом государстве, символизировала подлинную дружбу народов.

Мы видели памятники советским воинам и понимали чувства наших румынских друзей. Мы слышали советские песни, слушали с упоением народные румынские мелодии (мы надолго запомним чудесную певицу Марию Танасе) и хорошо понимали друг друга.

Многие руководители Румынской республики знакомы с тюрьмой Дофтаной. Теперь здесь музей. В Дофтане были под арестом Георге Георгиу-Деж, Георге Апостол, Александру Могиорош и другие. Недалеко была женская тюрьма — в ней долгие годы провела наша спутница Стелла Могиорош.

При входе в Дофтану на стене кандалы. Они в камерах, на витринах музея, на фотографиях. Тюрьма существовала с 1894 года. Здесь было около 400 одиночных камер. В них сидели «бунтовщики»: крестьяне, рабочие. Сидели марксисты-ленинцы. Здесь пытались задушить революцию, надеть на революцию кандалы.

В музее много посетителей, сюда часто приходит молодежь. Посмотришь на веселых, задорных девушек, юношей и видишь — люди твердо верят: нет, на революцию, на свободу кандалов не надеть!

ЖИВ

Анатолий ТКАЧЕНКО

ИРКИР

(Воспоминание второе)

Раннелетняя тайга — набухшие водой пихты, остролистые, свистящие на ветру березы и осины, гнущийся от сережек ольховник; сочные, чавкающие мхи. Река Тымь, вздутая снежными ручьями, мутная, гудящая водами, и белые, светящиеся по ночам горы Набильского хребта; нагретые тесовые крыши поселка, первое марево, пахнущее навозом и собачьей шерстью. И тарахтение, чуфыканье трактора...

Это Иркир, по-русски — «крутой берег».

Игнатий идет в поле, припадая на правую ногу, осторожно обходит лужи и скользкие кочки. Останавливается, растирает ногу рукой, смотрит на расхлябанную дорогу поверху, будто хочет перелететь ее на крыльях. Но надо идти.

Его догоняет Анна, бригадир полеводов, поправляет платок, смотрит искоса и виновато. Игнатий знает и любит этот ее взгляд, теплеет от него и улыбается Анне. Она робко берет его под руку, помогает, как слепому,— сама бултыхает сбоку по лужам; говорит:

— Сажать пора.

— Пора.

Показывается поле. Анна осторожно отпускает руку Игнатия и быстро идет одна. Игнатий смотрит ей вслед — мужские сапоги на голых ногах, темная, в обтяжку юбка, телогрейка; и только платок — белый, как кусок снега с Набильского хребта. Она была похожа на фронтовых связисток, она солдатка и, может, вдова: муж у нее пропал без вести.

Игнатий знал, что и сегодня пойдет к Анне вечером — он даже печь у себя не топил — и заночует у нее. Пойдет, прихрамывая, стыдясь, а бабы из-окон будут смотреть ему вслед...

Единственный механизатор в поселке нивх Тозгун распахивал последний клин поля. Анна стояла далеко, на зеленом тальниковом мысу и что-то кричала Тозгуну. Тот махал ей рукой, скалил белозубый рот. Тарахтел, железно громыхал трактор. Игнатий размял в руках кусок земли, понюхал — отдает сыростью и илом. Разве когда-нибудь он думал, что будет землепашествовать? Кроме моря и леса, ничего не признавал, забыл, откуда хлеб берется. А вот понюхал кусок сырой земли — и что-то ожило, ранее безголосое, затеплилось, и к глазам подступило это тепло. Земля... Все люди — от земли, даже те, которые никогда не держали в руке ее первородную плоть, они впитали ее с хлебом.

Подошла Анна, сказала:

— Завтра всех в поле, а то не управимся.

Постояла, похмурилась, поправила на шее Игнатия шарф, попросила закурить и пошла в поселок. Игнатий смотрел ей вслед — он любил смотреть ей вслед: что-то в ее походке, в легком размахивании правой рукой было очень женское, наивно-уверенное; вот она перепрыгнула через валежину, мелькнули ноги — и Игнатий вдруг понял: «Как тихо, как мирно в этой глуши...»

Чем дальше Игнатий уезжал от фронта, тем глуше, тише становилась земля. Поезд стучал колесами в глубине Сибири, на полустанках галдели у вагонов бабы, и где-то далеко домовито пели петухи. А Игнатий молчал. Смотрел в окно и думал. У него было несколько булок хлеба, пять больших банок американской колбасы, кусок шпига, сахар и чай, и он вспоминал Пастушко; во сне делился с ним едой, видел его благодарные жадные глаза.

Только во Владивостоке, взобравшись на палубу парохода и вдохнув стылого морского воздуха, спросил стоявшего рядом матроса:

— Как там остров?

— Стоит,— не обернувшись, ответил матрос.

«Стоит!» — обрадовался Игнатий. И когда в Александровске сошел на берег, снова повторил:

— Стоит!

Он шел по улице, круто поднимавшей деревянные дома в гору, и навстречу ему журчали желтые, глинистые ручьи. Здесь тоже была весна. Не такая, как в Подмосковье, белая от подснежников, но веселая и ручьистая. Правда, запоздалая: воробьи там уже чистые, а здесь они, балдея от тепла, крикливо отмывались в лужах.

Дочь встретила Игнатия испуганным криком: «Папаня!» Заголосила, запричитала. И Игнатий не утерпел — прослезился. Только потом, успокоившись, подумал: «К чему это?» Он же писал дочери из госпиталя, все рассказал, куда ранен, сколько лежал, когда приедет... А она — в голос, с переливами, как в старинку бабы по покойнику. И не подумаешь, что с высшим образованием, учительница. Видно, бывает так: вдруг проснется в человеке что-то от прародителей.

На другой день, чуть засерел рассвет, он взял лопату, попросил у дочери семян и пошел по улице, тревожа собак, за город, на кладбище. Могилу жены он нашел сразу, хоть и была она уже не с краю, и ограда потемнела, стала похожа на многие другие. Открыл калитку, будто скрипнув сердцем, вошел, сел на твердый, загрубевший холм. И встал, когда продрог от росы, и туман между деревьями порозовел, полегчал. Вскопал холм, разрыхлил землю и бороздками посеял семена цветов. Каких — не знала и дочь, забыла. Вторую весну не сеяли их в палисаднике и здесь, на могиле... Обстукал ограду по-хозяйски, как забор у дома, и пошел, не оглядываясь, между свежих, пахнущих глиной могил. Подумал просто о жене: «Она бы так не ревела...»

Прошло несколько дней. Игнатий выходил на завалинку, курил и смотрел на море. Только это было ему нескучно. И еще, когда пошевельнет ногой или запахнет бинтами, вспоминал фронт. То жалел, что так быстро для него окончилась война, то радовался. А потом стыдился радости и молчал. Чего-то ждал. И не очень удивился, увидев у завалинки девчонку, рассыльную обкома.

Его приглашал секретарь.

Пошел в сапогах и солдатской форме.

Секретарь встретил у двери, провел к столу, усадил в кресло, предложил закурить. Сам закурил. Не торопил, глядел в окно, будто и сам все дни разглядывал море. Спокойно и тихо сказал:

— Слышали сводку? Наши здорово всыпали...— И, глянув на Игнатия, как-то по-особенному, открыто, смутившись, проговорил: — Знаете, я вот все думаю: после войны тыловикам, таким, как я, трудно будет жить. Многого мы не поймем. А чем мы хуже других? Надо так: повоевал — и в тыл. Пусть другие пороху понюхают... Вот садитесь в мое кресло.

Игнатий понял шутку и в благодарность за нее охотно и сочувственно улыбнулся.

— Да, это шутка,— сказал секретарь,— но другое не шутка... Вы коммунист?

— Нет.

— Ничего. Фронтовик — тот же коммунист.

— Спасибо.

— Поможете нам? В Иркире — колхоз, а председателя нет... Вы лесник, знаю. Но...

— Подумаю.

Секретарь проводил его до двери, совсем еще молодой, в начищенных сапогах, в гимнастерке, туго перетянутой ремнем. Чувствовалось: он в любую минуту готов явиться в военкомат. Жена, наверное, приготовила пару белья, ложку и кружку. И руку он пожал так, будто честь отдал, щелкнув каблуками.

Игнатий думал, пока шел домой. Дома попросил дочь собрать чемодан. Она снова заплакала, запричитала. Игнатий тоже не утерпел — что-то в ее плаче было дикое и изнурительное — и остро понял: нужна работа.

Утром Игнатий уехал.

Иркир — маленькое село, маленький колхоз: поля под картошку и капусту, стадо коров. Ну, еще рыба в Тыми — больше для дома и развлечения. Когда-то, в 30-е годы, в Иркире была первая коммуна. Главой ее был Евсеев, теперь старик, охотник и рыболов и... старейшина села. Игнатий сразу это понял. Отдав первое свое «земледельческое» распоряжение — начинать пахоту, он услышал от Анны: «А это у Евсеева спросим». К Евсееву шли читать письма от мужей, спрашивать о погоде, водили зачахнувших коров. К Евсееву пошел Игнатий.

Старик был еще крепок — это было видно по его молодой, поворотливой и краснеющей от слов и взглядов жене. Он просто и с радостью принял Игнатия, будто ждал его, поставил на стол бутылку спирта.

Выпили, поговорили о войне, о хозяйстве, помянули «погибших героев». К концу ужина захмелевший Евсеев сказал: «Сдаю власть»,— но и сам знал, что его власть не сдается и не передается. Просто чуть куражился. Игнатий понял: старик терпит его как фронтовика. И будет ему помогать, только...

Было условлено: Евсеев — старейшина, Игнатий — официальная власть. Условлено молчаливо, крепко.

Первая посевная для Игнатия началась с первыми петухами и тракторной побудкой: Евсеев приказал Тозгуну прогнать трактор из конца в конец села и, как при коммуне, поднять народ на работу. Затея удалась: горячий, тревожный грохот мотора, напоминающий и рокот самолета и скрежет танков, взбудоражил баб, стариков и ребятишек. С ведрами, тяпками, лопатами пестрая толпа, гремя и затягивая песню, потянулась в поле.

Работать начали — стыли руки от холодной земли; днем стало жарко, парно в набухшем соками лесу, а к вечеру — снова коченели руки. Но работали и работали, как-то отчаянно, озлобленно. Тозгун не успевал развозить мешки с картошкой, его ругали, он сам ругался

Продолжение. См. «Огонек» № 49.

по-нивхски, кричал: «Уйду на фронт, чем с бабами воевать...» Евсеев подзывал Игнатия и говорил, что так работали только при коммуне.

Когда стало темнеть, зажгли костры, обогрелись и Анна прочитала сводку Информбюро. Где-то немцы рвались к Волге, а здесь — вспаханная земля, картошка... И стыдно было чуточку за этот мир, за эту тишину леса, в которой слышно каждого комара. Кто-то попросил Игнатия:

— Расскажите, как там...

Бабы послушали немного и ушли в поселок, к ребятишкам, а девчата, тракторист Тозгун, старик Евсеев остались у костра, говорили, расспрашивали. И тосковали. Девчатам скучно было без парней; Тозгун вздыхал: долго в армию не берут; Евсеев старое вспоминал — партизанщину в Приморье. Потом девчата пели: «Бьется в тесной печурке огонь» и «Вставай, страна огромная». Домой шли в темноте

— Она оберегает меня...

Игнатий вышел на крыльцо, закурил и сел на ступеньку. Луна светила сквозь хмарь облаков, и серо было все на земле. Из берегов Тыми переливался серый туман, тек в тальники, прилипал к сырым низинам. А если всмотреться, между деревьями, под сопкой, мелькали, двоились и убегали в черноту леса блеклые тени. Бежали и бежали, как солдаты, немо, упорно. Серые тени в серой тишине. От них нельзя было отвести глаз, им не было конца. А за стеной плакал ребенок. Хотелось, чтобы вышла Анна, позвала, увела к себе, но затих плач, скрипнула кровать — Анна, наверное, очень утомилась,— и стало совсем пусто. И потянуло Игнатия прямо сейчас, из этой тишины, в грохот и огонь, в страх и исступление, к Пастушко, Фоньке, лейтенанту... От серой тишины, от дальней дали, от маленького, сопящего существа, которое зовется Ира.

Осенью иркирцы вывозили в город картошку, капусту, мясо, масло. Правда, их свинина попахивала рыбой: не хватало кормов, подкармливали свиней «из Тыми», но по военному времени это сходило. Продавали, «богатели» и, как ни скудно было, что-нибудь покупали в магазинах, на рынке. Гуляли по улицам, ходили в ресторан и кино. На два-три дня город становился немножко довоенным, шумел, пестрел, делался ласковым и хмельным. А потом сразу затихал: люди вспоминали о хлебных карточках, войне, о длинной сахалинской зиме; горожане прятались в дома, приезжие на машинах и подводах тянулись в свои заглохшие поселки.

В первую осеннюю ярмарку Игнатия разыскал секретарь обкома, пожал руку, спросил:

— Ну как?

Он был в той же гимнастерке, в защитной фуражке и чем-то напоминал молодого Кирова из кинофильма. Как и в прошлую встречу, Игнатию показалось, что секретарь устал от «рыбы, леса и картошки», он не для них создан, ему бы что-нибудь полегче и погорячей. Игнатий попросил его помочь достать запасные части для трактора и устроить самоучку Тозгуна на курсы трактористов.

— Вы становитесь председателем,— сказал секретарь.— Позвоните, напомните мне.— И долго расспрашивал о хозяйстве, рыбе, охоте, посоветовал жениться и осесть на земле.— Это — трудное дело, для героев.

Через неделю Игнатий позвонил из Иркира. Ему ответили:

— Секретарь ушел на фронт.

Еще через неделю пришли запасные части для трактора, и Тозгуна вызвали в город на курсы трактористов.

И, ЖИВОЕ

Повесть

Рисунки П. КАРАЧЕНЦОВА.

и цепочкой, чавкая разжиженным торфом. Где-то за белыми сопками Набильского хребта тускло голубели молнии первой грозы. Игнатий подумал, что это похоже на фронт и свет молний — это вспышки взрывов, которые немо вырастали по ту сторону сопок. Послышался гром, низкий, едва пробившийся сквозь леса, какой-то черный и угрюмый. Старик Евсеев сказал:

— Прямо-таки гаубица...

Никто не ответил, и он обидчиво проговорил:

— Здесь японцы недалеко. Как бы и нам не пришлось сразиться...

Анна пугалась каждый раз, когда приходил Игнатий. Если мыла посуду — тарелка замирала у нее в руках, если шла по комнате — останавливалась и опускала плечи. Глаза ее круглели, замирали, и в них не было ничего, кроме страха и жалобы. Но это только на минуту, это — какое-то исступление, порог, за который так трудно она перешагивала каждый раз.

Зато Ира — маленькое, толстое и сопящее существо — встречала почти единственным своим словом: «Папа!» Говорила, терлась о ноги и вдруг убегала, страшно косолапя и раскачиваясь, куда-нибудь в угол. И если натыкалась на что-нибудь, орала откровенно и с удовольствием. Нет, это было не то «папа», которым называют настоящих пап, а какое-то «назло», за то, что «ходишь и похож на других пап». Ира умела мстить и матери: не отходила от нее, не подпускала к ней «папу», орала по каждому пустяку. Это был ревнивый и хитрый зверек, который мог укусить острыми клычками, который всегда хотел есть и вырывал у матери из рук хлеб. Она даже сонная держала мать за шею и сразу просыпалась, когда в ее опавшие, толстые лапки вкладывали куклу.

Как-то ночью Анна встала на плач Иры, долго укачивала ее. Ира то засыпала, то, будто с перепугу, задыхалась криком. Анна сидела белая в сером лунном свете, с плеча упала рубашка, волосы закрыли лицо, и суеверно сказала:

Игнатий вернулся, когда издымил последнюю папиросу и рассвет превратил тени в невидимки. Анна спала — дышала горячо и жадно, как большой ребенок.

Поля иркирцев на лесных полянах, клочками, земля трудная, сырая. С осени ее хозяйски забрасывает семенами таежный подлесок, и всю весну и лето прут из борозд жесткие, настырные травы. Тупятся тяпки баб, выматываются руки. А чуть прозевал, травы съедают посевы — картошку и капусту. Не легче и скотникам. Колхозное стадо пасется в пойме Тыми, в топких низинах. Луга сочные, но из болот гудящими тучами поднимается гнус и тяжелеет от крови дичающих животных... Коровы, ослепнув, бегут к реке, забредают в жгуче-холодное течение, и часами виднеются над водой неподвижные рогатые головы. Летом коровы мало дают молока, удои начинаются только с первыми заморозками, когда ледок накроет кишащие гнусом болота.

Игнатий — лесник, а здесь ему пришлось бороться с лесом. Лес наступал на поля, лес охватывал с трех сторон поселок, прижимал к реке и, кажется, не мог расти только на воде. Его рубили, корчевали, но он не отступал. Игнатию показывали поля, заросшие крепким молодым ольховником,— а ведь их бросили в первый год войны, когда ушли мужчины. Не верилось, что где-то не растут деревья и их надо оберегать.

Игнатий впервые взял в руки косу. Впервые по-настоящему. На своей хромой ноге он отставал от баб и от старика Евсеева, тупил лезвие о камни и коряги. Его обгонял даже Тозгун, предки которого, кроме остроги и ружья, ничего в руках не держали. Вечером, когда все уходили спать, он косил один, задыхаясь в накомарнике, и Анна приносила ему ужин. Садилась рядом, прикладывала прохладную ладонь к его мокрой спине, говорила:

— Ты председатель, зачем тебе это, да и нога твоя...

Он ел и молчал. А она знала: если он не будет уставать и выматывать себя, он не сможет здесь жить или, еще хуже, запьет.

Жена Евсеева родила сына. Это пробудило зимнее село. Иркирцы ходили поздравлять старейшину, смотреть ребенка. Пробирались по вьюжным белым сугробам, мерзли у дома Евсеева: старик впускал по очереди. Высоко в небе шумел снег, черные ели принимали его на широкие лапы, дым вставал прямо из сугробов, и люди пробивали узкие тихие тоннели. У Евсеева родился сын... А где-то солдаты мерзли в снегах и гремела такая война, что даже в маленький Иркир приходили похоронные, и солдатские жены делались вдовами. Плакали, варили брагу и пили... Игнатий тоже пошел смотреть сына Евсеева, отстоял очередь, выпил рюмку спирта, и ему показали завернутый в одеяло орущий беззубый рот. Розовый рот, розовый крик. Евсеев был не похож на себя — то суетился и много говорил, то страшно важничал и молчал. Бабы охали, шептались, краснели. Провожая Игнатия до двери, старик, размягчившись, сказал:

— Желаю и тебе такого солдата.

Игнатий зашел к Анне и увидел на столе фотографию ее мужа. Раньше фотография висела под мутным стеклом в общей раме. Он был зоотехником — человеком, которого так не хватало теперь в Иркире. Игнатий вгляделся. Молодой чубатый парень улыбался широкими зубами и щурил чуть пьяные глаза, расстегнутый ворот рубашки распирала круглая шея. Почему-то чувствовалось: он крепок и кривоног, криклив и трудно сопит во сне. От таких упрямо переходит порода, такие надежно передают свой характер.

И то ли от зависти, то ли от жалости к себе Игнатию стало нехорошо, как в ту ночь, когда он до света просидел в нижней рубашке на крыльце. Анна гладила Ирочкины рубашки, фартучки, трусики и стопкой складывала на край стола. Пахло чистым горячим бельем, чуть вспотевшими руками Анны. На плите сочился паром старый чайник. Сколько Игнатий выпил из него кипятка!..

И думалось так: «Вот Анна, вот ее муж. Как они жили, как встретились? Любил ли он ее? А она?.. У них были бы еще дети — один, может, два. Анна десяток родить может и красивой будет... Вот Евсеев удивил — ему семьдесят. А Игнатий сколько с Анной живет... Может, она не хочет? Или он, Игнатий... Что он знает об Анне? Она всегда молчит. То зо-

вет и жадно обнимает, то охладевает и прячется. Стыдится его?.. А вот фотографию на стол поставила. Может, это сын Евсеева растревожил ее?.. И молчит...»

Руки Анны, белые, налитые молодой женской тяжестью, неслышно двигались над столом, и Игнатию хотелось встать и припасть к ним губами — впервые в жизни, не стыдясь, как ребенку, как припадают люди к ручьям, чтобы утолить жажду. Пусть эти руки нальют ему чаю из старого колыхающегося чайника — сколько лет из него пьют чай! — пусть эти руки жадно обнимают и заботятся о нем...

С фотографии смотрел молодой, чубатый, чуть пьяный здоровяк.

Анна молчала.

Игнатий встал, подождал: может, заговорит? — и тихонько вышел на улицу. По снежным траншеям шли люди, над их головами с острых вершин сугробов ветер схватывал белые дымки поземки. Было холодно. От холода выли собаки.

А люди шли к Евсееву по второму, по третьему разу.

Победа! Флаги, флажки, все красное иркирцы вывесили на домах и заборах. На столбе у конторы громыхало радио. Инвалиды войны — их было уже трое — с утра ходили по дворам, угощались. На работу никто не вышел — праздник возник сам по себе. Пили брагу, пели, рубили головы петухам, забивали свиней. Жили так, словно завтра победа сама накормит и напоит всех. Игнатий попробовал остановить кое-кого, пожилой вдове-соседке сказал: «Не коли бычка до осени, какой толк с него». И слушать не стала: «Дай мужа помянуть!» Злой, хлопнул дверью, остановился закурить, и белье на веревке, поношенное, заплатанное белье, показалось ему полыхающими флагами. Это же здорово — победа! Пошел Игнатий по селу, попал в веселую компанию и первый раз за всю войну по-настоящему напился. Помнит только, как хрипела гармонь, пели и голосили бабы.

И на другой день никто не работал.

На третий вышли в поле, работали кое-как, грелись у костра, слушали, как буйствуют в селе фронтовики. Рано разбрелись по домам. Игнатий понял: эта весна будет самой трудной. Люди устали, они трудились вместе с армией до последнего дня войны и со словом «победа» опустили руки: самое страшное позади, а теперь само собой пойдет. Все заслужили отдых. И нужна какая-то новая сила, способная поднять людей, втолковать им, что, конечно, главное — победа, но победа сама по себе никого не накормит. Главное — работа. Всегда работа. Игнатий хорошо понимал это для себя и совсем не знал, как объяснить иркирцам. Просто и поэтому трудно. Нужны какие-то новые, «невоенные» слова, нужно новое, «невоенное» право. И Игнатий решил: он кончился для иркирцев вместе с победой. Иркир — крутой берег — стал для него слишком крут.

Весна была трудной. До половины июня сажали картошку, а капусту так и не высадили всю. Поздно выехали на покос. Бабы ждали мужиков — вот вернутся и помогут, бегали в поселок за письмами и новостями. Травы грубели, полегали от дождей. Игнатий жил на заимке, вставал со светом, поднимал крикливых косцов, почему-либо не сбежавших домой, и сам косил дотемна. Покос уже подходил к концу, когда Игнатий, переходя вброд речку, поскользнулся на замшелом камне, упал и ушиб ногу. Открылась рана. Его увезли в городскую больницу.

Вернулся он через месяц, вечером, и не узнал Иркира. Село было людным, напряженным, «нетаежным». В Иркире стояла воинская часть. Пахло железом, сапогами, всю ночь лаяли собаки, хихикали и вскрикивали у заборов девчата. Утром горнист сыграл побудку.

Игнатий вышел на улицу и увидел у колодца Анну, около нее стоял молоденький лейтенант-пехотинец, румяный, пружинистый (до перехвата в горле) и перебирал затянутыми в сапоги ногами. Он упрямо осматривал Анну, а она, в ситцевом платье, вспухающем от ветра, босиком и с голыми руками, сгорая от стыда, смеялась и говорила:

— Да ну вас!..

В полных ведрах колебалась вода и бросала яркие блики на лейтенанта и Анну, на зеленый, замшелый сруб колодца. Лейтенант поднял ведра, легко, не согнувшись, понес их в чуть оттопыренных руках. Анна пошла рядом. Она прошла мимо Игнатия, не заметила его. Она стыдливо поглядывала на лейтенанта, улыбалась ему алыми губами, и, когда поворачивала голову, Игнатий видел ее темный, широко раскрытый глаз.

У Игнатия, как от легкой слабости, закружилась голова: Анна уходила. Но не было обиды, ревности; может быть, чуть-чуть было жаль себя; но было и то, что, ожив в нем, утоляло и примиряло, и, он знал, теперь оно никогда не умрет — это счастье, настоящее, до слез. И он сказал жизни: «Спасибо, что свела меня с Анной».

Поздней осенью, когда Набильский хребет сиял белыми гранями в пустое холодное небо, Игнатий уехал на юг острова: оттуда уже уходили японцы.

БУРЕВОЯ САМОСЕВ

Красные лиственничные стволы поднимались к небу и стреляли зелеными кронами. Сколько стволов, столько залпов, залпов земли в небо. Зеленый огонь, зеленый дым. Море дыма и огня. Океан жизни.

Ель нацелена острием в солнце, она пугает солнце, но не убьет его. А теперь особенно: она отяжелела от соков, раздобрела от шишек, не гудит холодная влага в стволе, согрелось ее тело под корой. Видно, солнце так боялось ее нацеленного острия, что опоило, обкормило, разморило ель в тепле, и мирно разродилась она спелыми шишками-плодами.

Игнатий стоит у липкой, лопающейся смолистыми пузырями ели и смотрит вверх, сквозь ветви. Сыплется пахучая труха лишайников, пыль коры: Васька лезет к вершине по веретену ствола, и ствол кажется наклоненным и падает, падает, вызывая страх и смущение.

Шишки, крупные, крепкие, озолотили вершину, желтыми свечами светят в небо. Васька бьет колотушкой по мягкому, липкому стволу у себя над головой, ствол гудит внизу телеграфным столбом, и сверху, шурша, мелькая, сыплются шишки. Они продираются сквозь цепкую хвою, зависают на ветвях; до земли долетают пять-шесть штук. Васька еще бьет колотушкой, теперь обрываются те, что потяжелей, и желтыми пулями пробивают хвою до земли. Гудит потревоженный ствол, гудение уходит вниз, сквозь мох, глохнет в корнях дерева.

Игнатий подбирает шишки — они сырые, гладкие, чешуйки плотно прижаты, будто приклеены,— ощупывает: тугие и тяжелые кладет в мешок, мягкие и воздушные отбрасывает — эти пустые. Васька бьет, шишки падают. И, если не смотреть вверх, кажется, что Васька выколачивает их из горячего солнца над головой. Игнатий набивает мешок — шишкастый, затекший смолой — и принимается помогать Ваське: ухает колотушкой по комлю ели. Сверху — тонкий звон, снизу — гулкий гуд, а когда вместе бьют по стволу, дерево, кажется, вытягивается в напряженную струну и Васька висит где-то на конце звука, в холодке неба. Посвистывая, пулями летят вниз шишки, впиваются в жирный, влажный мох. Игнатий набивает ими мешок.

В лесу живут голоса людей, живут голоса деревьев. Осыпаются шишки, и темнеют вершины елей, издали похожие на острые золотые шлемы. По ветру летят, играя крылатками, выпавшие из шишек семена.

С мешками, ящиками, корзинами люди ходят от ели к ели. Мальчишки, обдирая колени, взбираются по сучкам к вершинам, старики, задрав головы, ходят и покрикивают внизу. Так добываются еловые семена, так привыкли их собирать, и по-другому, наверное, нельзя: машину не пригонишь, лестницу не подставишь. Может быть, какое-нибудь ружье придумать?..

А лиственницы еще труднее. Их красные стволы голыми стеблями вонзаются в крышу леса и там распушаются мягкоиглыми кронами. Деревья похожи на огромные зонтичные цветы.

Васька приладил к ногам когти, припоясался к стволу цепью, обхватил его руками и, как монтер, полез к вершине. Посыпалась кора, желтая пыль сухой смолы. Васька поднимался, и ствол падал куда-то вбок, разворачивался, как в кино, и, казалось, только крыша леса держала его на весу. В ямках от Васькиных когтей зажигались капельки смолы.

Мелкие красные шишки сыпались на Игнатия градом; они бились ему в плечи, в голову, устилали мох, и от них пахло верхним воздухом и теплом. Васька, шелуша кору, спускался на землю и карабкался на другие лиственницы; где поярче, покрупнее шишки. Игнатий относил мешки в тень, чтобы не сохли шишки до времени, помогал Ваське надевать когти, припоясывал его к лиственницам и все боялся: «Не сорвался бы малый!» — стоял внизу, следил, строго покрикивал, если Васька отцеплял цепь или, забывшись, шибко размахивал колотушкой и на землю вместе с шишками падали обломленные ветки. Потом, устав, скомандовал:

— Хватит, слезай!

Васька сбросил вниз когти, обхватил руками гладкий ствол, юзом съехал на землю — это было последнее хулиганство сегодня. Он виновато глянул на Игнатия и пошел к ручью мыть руки. Рубашка на его спине взмокла, хоть выжимай, волосы, в смоле и паутине, слиплись. Васька фыркал, обливался водой, и Игнатий чувствовал, как зябкий холодок схватывал его, ерошил спину — напоминал молодость.

— Закусим? — спрашивает Игнатий.

Васька берет хлеб и картошку в черные, залепленные смолой ладони, охотно ест и смотрит на мешки. Прикидывает: «Рублей по пять заработали!» Они делят выручку поровну, до копейки: так постановил Игнатий. В прошлом году Васька купил на свои деньги велосипед. Сейчас ему нужен фотоаппарат. Лучше, если «Зенит-С» с объективом «Индустар-50». В инструкции так и написано, что аппарат зеркальный, дипломированный, хорошо снимает пейзажи. И стоит всего семьдесят пять рублей... Конечно, если попросить, отец купит. Но это — другое дело. Это все равно будешь не совсем хозяин. Чуточку вещь не твоя. И отец с матерью станут говорить: «Не разбей, не потеряй!»

— Куплю фотоаппарат,— говорит Васька.

— Купи,— соглашается Игнатий, медлительно закуривает, присматривается к Ваське, осторожно спрашивает: — Может, подсобить?..

— Не надо, подожду,— быстро отвечает Васька и хмурится, стыдясь своей несолидности.

— Подожди,— соглашается Игнатий.

По лесу бродят голоса, их передразнивает, перекрикивает эхо, они, заблудившись, глохнут в сырых, бормочущих ручьями распадках. А за сопками от ударов колотушек все вздыхает воздух:

— Ох-ох! Ах-ах!

За деревьями слышится чуфыканье, мелькает красный бок автомашины: директор, показывая «тонкую работу», пробивается на своем «вездеходе» по лесной тропе. Вот так неожиданно появиться, взбудоражить, начадить мотором, напомнить, что вокруг земли летают спутники и где-то на атолле Бикини в Тихом океане американцы испытывают атомную бомбу, было его привычкой. И когда он ходил по лесу, даже молча и нешумно, ни на минуту не забывалось, что это лес двадцатого века.

Может быть, поэтому Игнатий не всегда ласково встречал директора. Зачем так? Лес пусть будет лесом. В лесу надо молчать, слушать, успокаиваться. В лесу дико пахнет бензин. Лес бережет покой, лечит вечностью. Лес устремлен к небу; послушайте, посмотрите, как он молится солнцу, как неукротим летом и как терпелив, крепок зимой. В лесу не надо кричать и ходить громко. В лесу живут звери, тихие, просто звери, а зверство живет среди людей. Если человек любит лес, никогда не сбросит бомбу, не даст вырасти огненному дереву.

Директор подходит, от него пахнет бензином, даже на бороде жирная капля мазута. Он возбужден, доволен трудной дорогой, он насытил свои молодые мускулы, рад любому разговору, любому делу.

— Присаживайтесь,— говорит Игнатий.

— А выпить найдется?

— Если прикажете, поищем...

— Нельзя: рабочее время. Правда, Василий?

Васька кивает головой; директор приваливается боком к разостланному на траве мешку, берет замазученными руками хлеб и картошку. Очищенным концом густо макает картошку в соль. Васька смотрит на его напряженную, розовую шею (у Васьки шея тонкая и черная), на большой, выпуклый, мокрый лоб (у Васьки лоб весь под чубом), завидует чистым, с умными морщинками на веках глазам и все-таки думает: «Почему директор пишет стихи? Ведь это труднее, чем сеять лес и машину водить по лесной тропе. Ведь это не просто написать: «Живите, люди...»

— Мешки к дороге отнесете, там грузовик заберет,— говорит директор,— а я дальше попробую проехать. Прикину, сколько насбивали сегодня.

Он встает, приглаживает рукой волосы, но вспомнив, достает расческу, усмехаясь, причесывает послушный чубчик, усы и бороду. Это для юмора. А вообще он часто забывает о растительности на лице и по полдня носит в бороде табачные крошки.

— Может, со мной прокатишься? — кивает он Ваське.

Ваське хочется прокатиться, но жаль оставить Игнатия: скоро в школу идти, и старик совсем будет один. Ваське хочется сесть рядом с отчаянным директором и, пугаясь и радуясь, понестись между деревьями. Может, он прочитает стихи, гукая, бросая слова-яблоки в леса и сопки, перекрикивая эхо, может, споет...

— Поезжай, Вася,— говорит Игнатий.

Васька молчит, краснеет, чувствует, что вот сейчас встанет и, стыдясь, пойдет к машине. Ему помогает директор:

— Ну ладно, в другой раз.

Машина уходит за деревья, гремит галькой в ручье, потом ее горячее урчание теряется в людских голосах и шуме леса.

А лес шумел уже не так, как полчаса назад, легко, вершинами,— теперь сквозной холодок прохватывал его понизу, кудлатил, задирал ворчливый подлесок. Листья тополей за ручьем вывернулись изнанкой, побелели, и это было очень похоже на быструю солнечную рябь текучей воды.

— Красиво,— сказал Васька.

Игнатий не ответил. Привалившись спиной к лиственнице и слушая ее ровный звон, он дремал. Васька знал: если говорить, Игнатий обязательно все поймет и даже ответит, когда очнется. Он всегда слушает. И Васька говорил, глядя на зеленые, мягкие стволы тополей:

— Интересно я о них прочитал в «Лесоводстве». Они любят воду, растут около речек. В жаркий день большие деревья по пять тонн воды из земли перекачивают. В воздух испаряют. Это же как фонтаны, только воды не видно. А если лес тополиный... Наверно, облака над ним бывают и дождь идет. А может, облака куда-нибудь уносит ветер, и дождь идет в пустыне...

— Да,— сказал Игнатий неопределенно, оторвал голову от лиственницы и поежился: острый ветерок сквозил по самой земле, а вершины деревьев раскачивались в разные стороны, будто топтались на месте, недоумевали и незлобно бранились.

— Знаешь, понесли мешки. Что-то погодка разбуривается.

Они подняли по мешку, понесли к дороге. Вернулись, взяли еще по одному. А когда в третий раз шли за мешками, мокрые рубашки, отяжелев от ветра, холодили и пристывали к спинам. Небо из голубого стало белым, вылиняло, солнце ослабело, четко обозначилось, и на него можно было смотреть, не щурясь. Легкой летучей влагой насыщался, обременялся воздух. Из леса, уже сумеречного, потянулись примолкшие «шишкарники», они сбрасывали у дороги мешки и торопились в поселок. Громко, чадя, пробухала по ухабам машина директора; позади поднялась пыль, загустела и тут же опала на дорогу. Где-то отчаянно выстукал длинную очередь дятел и резко затих. Только суетливый зяблик тоненько попискивал в кустах, бестолково вскрикивал, жаловался кому-то на сумерки и холод в лесу.

Игнатий и Васька быстро пошли к поселку, не оглядываясь, не разговаривая.

Лес темнел, тяжелел позади, и, наверное, оттуда ударили вдоль дороги длинные острые капли дождя. Дорога порябела, запахла пылью; защелкали, зачмокали мокрыми губами листья. Ваське казалось, что и спина у него под хлюпающей рубашкой стала рябой от капель.

Дошли до распутья, где чуть заметная тропа отворачивала к дому Игнатия, остановились на минуту.

— Идем ко мне.

— Нет, успею. Мне домой надо.

— Ну, смотри.

Игнатий свернул на тропу, а Васька, пригнувшись, побежал посреди дороги. Вслед ему неслись крупные дробины капель.

Игнатий шел не торопясь, остывая, вздрагивая от холода: вроде и торопиться стало некуда. За кустами зачернела крыша дома, она уже мокрая; под крышей, у деревянных стен, сухо, тепло, пусто. Пусто. Конечно, не совсем, что-то там есть такое... Ну, не очень бередящее, а все-таки... Что же?.. Ах, Иркир! Добрый пес. Он терпеливо ждет, он будет рад. Он, наверное, подохнет, если Игнатий как-нибудь не вернется домой.

Иркир выбежал навстречу, перепрыгнул через калитку, завертелся вокруг ног, взбадриваясь, отряхнул мокрую псиную шерсть. Под навесом, опустив хвосты, сонно мигали две

курицы и петух. Иркир ткнул в них носом, и они возмущенно закудахтали. Как и всякая собака, Иркир имел слабость: любил выслужиться перед хозяином. И, конечно, не был смекалистым на выдумки. Чаще всего, угождая хозяину, наводил порядок во дворе: разгонял кур, которых не терпела его собачья душа, бросался на своих, дворовых, воробьев или просто облаивал кусты. Он чувствовал себя виноватым — был стар, сонлив и не всегда слышал, как осторожные лисы перебегали двор.

Игнатий загнал кур, открыл дверь и впустил в дом Иркира. Пес успел сделать круг по комнате и встретил хозяина у порога, сев столбиком, скалясь и виляя хвостом.

В окна били ручьи дождя, крыша гудела, и рвались, вспыхивали огненным шумом за стенами деревья. Начинался ураган, или, как зовут его на Сахалине, тайфун. Тайфуны идут с юга, от японских островов, и синоптики дают им ласковые названия: «Клара», «Гильда», «Нэнси». Это женские имена. Очень красиво, но...

Но надо растопить печь. Надо, чтобы ожил, заговорил огонь. Заговорил тепло, общительно и ненадоедливо. О, огонь умеет говорить! Это заметили еще древние люди: они назвали языками его яркие вспышки.

Игнатий раздувает в печке огонь, пододвигает табуретку и садится поближе к нагретой приоткрытой чугунной дверце. Подползает Иркир, жмурится, ловит холодным носом тепло. Пламя горит рывками; то вяло выпрямляется, будто прислушивается к реву ветра над крышей, то, урча, течет во всю длину печи в трубу, будто стремится заполнить пустоту в провалах ветра. А то вдруг выглянет из дверцы, будто испугавшись кого-то, и пустит по комнате горький лиственничный дымок. Иркир отворачивается, чихает.

Дом скрипит, вздрагивает; шумит, льется за стенами вода и кажется, подмывает стены и вот-вот вольется в дверь. Ревет ветер, ревет лес, мечутся в буревом бреду деревья во дворе. Черно, страшно, холодно в сумасшедшем пространстве. Ветер выгибает, вдавливает стекла, вода сочится сквозь рамы. Но когда ослабевают порывы, набираясь силы, и в жутком отдалении гудит лес, Игнатий слышит, как по стенам что-то скользит, шурша и царапая. Что это?

Игнатий встает, подходит к окну. С той, черной стороны стекол налипают и скатываются с водой легкие желтые перышки. Он присматривается. Это крылатки — еловые семена! Ветер выколачивает их из шишек, буря разносит по земле.

Огонь горит, огонь говорит. Огонь бережет человека.

Над землей грохочет буря.

Над землей тихо шуршат семена. Надо уметь их слышать.

Окончание следует.

С. Ф. МЕДУНОВ,

первый секретарь Сочинского горкома партии

Лечить сердцем!

Сейчас, когда вы читаете эти строки, на севере уже выпал снег. Но тут, на благодатном Черноморье, люди еще купаются и загорают. И тем не менее, как бы они там ни загорали, а сезон закончился: уже облегченно вздохнули авиаторы и железнодорожники южных трасс, санаторные врачи и кулинары...

Быть может, и в нарушение традиции, но мы именно сейчас, когда до начала будущего сезона осталось еще много времени, решили повести разговор об отдыхе на курорте: каковы итоги, что нового было вчера и будет завтра? Мы попросили в этой связи поделиться своими соображениями первого секретаря Сочинского горкома партии Сергея Федоровича Медунова.

Главное направление

В этом году на нашем курорте лечились и отдыхали более миллиона человек — цифра поистине рекордная для всей его истории. Но дело не в этой рекордной цифре.

В минувшем сезоне мы, пожалуй, острее, чем когда бы то ни было, ощутили некоторые результаты тех благодатных перемен в жизни курорта, коими были отмечены последние годы. Дело не только в том, что появились новые, прекрасно оснащенные здравницы, что, конечно, само по себе очень радостно. Но сколько бы мы их ни построили, все равно спрос на путевки в санатории полностью удовлетворить не удается.

Суть перемен, о которых я повел речь, заключается в более смелом изменении, выражаясь языком военным, направления главного удара. На наш взгляд, таким направлением должна быть максимальная забота о лечении и отдыхе тех, кто приехал к нам без путевок. Почему? Да потому, что в санаториях в общем-то машина уже достаточно хорошо налажена и действует она, как правило, без перебоев; да потому еще, что большинство курортников принадлежит к числу так называемых неорганизованных, среди которых многие приехали к нам не лечиться, а попросту отдохнуть.

Что прежде всего волнует человека, вступившего на сочинскую землю, если в его кармане, увы, нет путевки в санаторий? Квартира, жилье. Конечно, было бы прекрасно, если бы гость, заглянув в один из понравившихся ему отелей, сразу получил номер. К сожалению, пока это мечта. Гостиниц еще не хватает, хотя в нынешнем году мы постарались несколько ослабить кризис. Вступили в строй новые гостиницы в Сочи, Лазаревской, Хосте. Строятся еще восемь. Расширяются старые отели. Раньше много номеров занимали приезжавшие на летние гастроли артисты цирка, эстрады, театра. Сейчас для них в Сочи построена специальная гостиница. Но все это еще не решает проблемы размещения сотен тысяч человек. Где выход? Каковы наши планы?

В живописных уголках Больших Сочи появятся десятки новых гостиниц и пансионатов летнего, облегченного типа. Такова перспектива. В ближайшее же время начнется сооружение отеля в двадцать один этаж. Высотная гостиница, как своеобразный маяк, поднимется у причалов морского порта.

Нам думается, что все затраты связанные с широким размахом строительства гостиниц и пансионатов, очень быстро окупятся. По нашим подсчетам, сейчас ежегодный доход жителей Больших Сочи, сдающих внаем квартиры, составляет двенадцать миллионов рублей (новыми деньгами). А ведь эта сумма, во много крат умноженная, могла бы поступать в доход государства. К тому же следует учесть и другое: появится возможность принять огромное количество иностранных туристов (а тяга их в наш край большая). В этом отношении поучителен опыт наших соседей и друзей, живущих на берегу того же Черного моря,— болгар и румын.

Есть еще один важный резерв жилплощади курортника — кемпинги и спальные корпуса на территории старых санаториев. В недалеком прошлом у нас очень увлекались палаточными городками при санаториях. Мы стали получать много жалоб: «Почему Иванов живет в хоромах, а я — в палатке? Разница же в оплате небольшая». Жалоба справедливая, и мы отказались от палаток, заменили их спальными корпусами облегченного типа. К их строительству были привлечены совнархозы, ведомства. Палатки же мы перенесли в дома отдыха для молодежи.

Но пока, не будем закрывать на это глаза, десятки тысяч людей, приезжающих в Сочи, летом вынуждены снимать комнаты частным образом. Поэтому здесь требуется навести порядок, здесь нужен контроль. Ведь нет-нет да и даст знать о себе какой-нибудь стяжатель, любитель нажиться за счет курортника, оказавшегося в трудном положении. Наша домовая общественность, товарищеские суды, печать, телевидение стараются не давать им спуску. Мы воспитываем сочинцев в духе патриотической гордости за свой город. Очень действенны в этом отношении квартальные товарищеские суды. По их решению, квартирное бюро может расторгнуть договор с владельцем дома или квартиры, не разрешить ему сдавать комнаты.

Мы стали больше уделять внимания благоустройству дворов. Была объявлена своеобразная война заборам — к чему они на курорте? Поначалу это предложение встретили в штыки — непривычно. Но мы сумели убедить горожан и снесли заборы на многих улицах города, заменив их зелеными бордюрами. А когда исчезает забор и весь двор почти на виду, то ты уж обязательно постараешься навести здесь порядок, чистоту. Да и улица выглядит веселее — вся в зелени.

Не морем единым...

Когда северянин мчится на юг, к морю, то поначалу ему кажется, что больше ничего для него и не требуется: солнце, воздух, вода, купаться и загорать... Чего же более? Но к полудню первого же дня отдыха выясняется, что не морем единым жив курортник. И он просит показать ему столовую, где можно быстро и вкусно поесть.

Я не погрешу против истины, если скажу, что у нас таких столовых стало несколько больше.

«Спутник» и «Ривьера», «Солнышко» и «Восход»... Они совсем недавно замелькали на улицах курорта, яркие вывески уютных кафе. Кто не был в наших краях года три-четыре, тот сразу же приметит появившиеся в разных уголках курорта — Сочи и Адлера, Хосты и Лазаревской — легкие, собранные из стекла и пластмасс цветастые павильоны. Это кафе, закусочные, шашлычные, пельменные, блинные, торговые киоски, рестораны, столовые, которые у нас принято называть фестивальными,— они копии тех, что были построены в Москве в дни фестиваля. Работники одной из таких столовых стали посылать своего кассира с утра на ривьерский пляж: «Вот вам, товарищи, меню, выбирайте, заказывайте на завтрашний день обед, завтрак. К условленному часу все будет подготовлено». Их примеру последовали еще в одной столовой, расположенной в зоне самого большого курортного пляжа. Отдыхающим это очень понравилось, да и поварам легче стало...

В этом году мы открыли ресторан в гостинице «Сочи». И еще большой ресторан «Театральный», удачно и интересно спроектированный. Легкий, компактный, он весь словно распахнут навстречу людям. Залы здесь на любой вкус: и для желающих провести тут весь вечер, потанцевать и для тех, кто спешит пообедать или поужинать,— к их услугам зал самообслуживания, веранды с буфетом легких закусок.

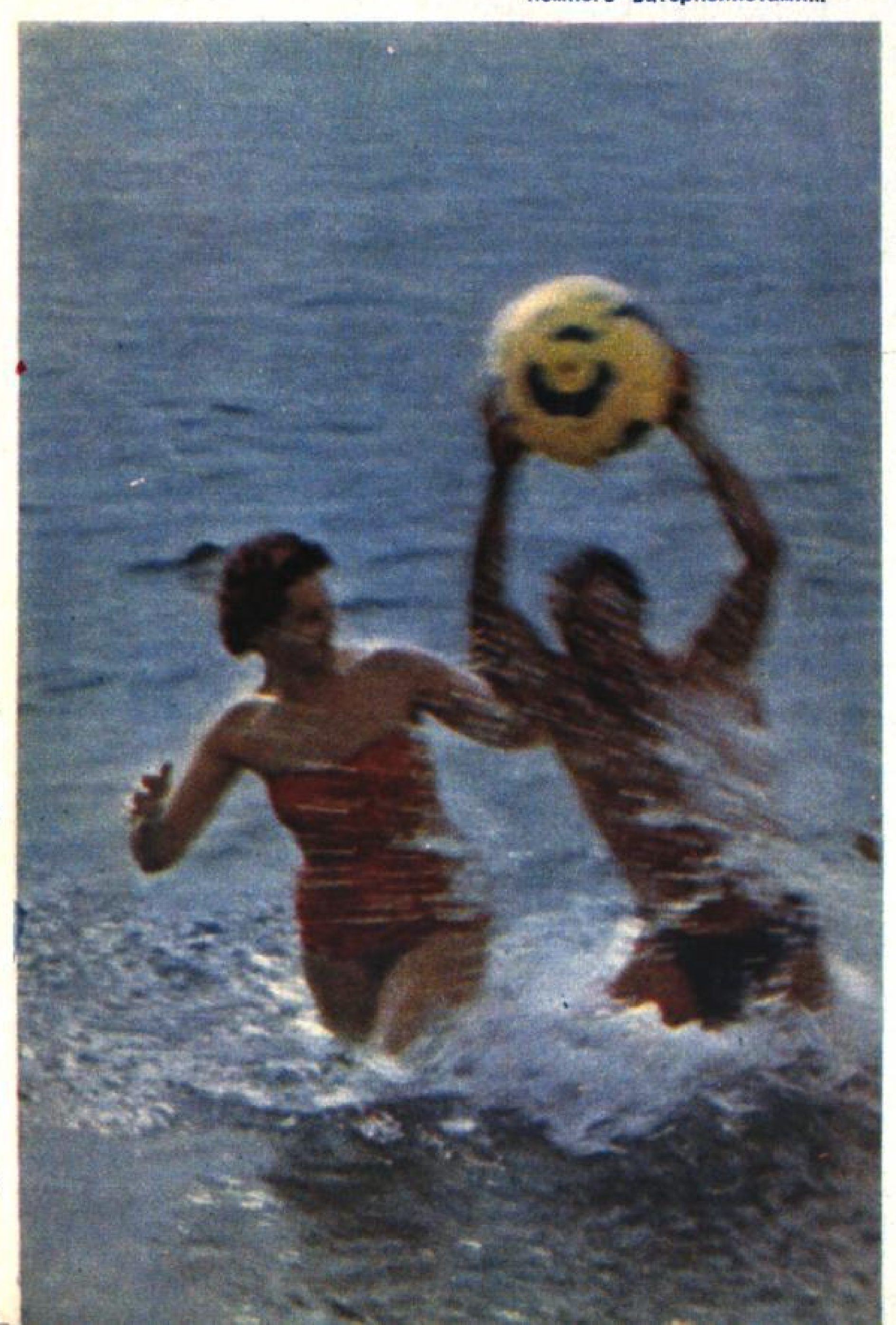
Среди отдыхающих в Сочи много любителей прогулок в море на этом судне с подводными крыльями. Оно вполне оправдывает свое название: «Метеор».

Фото С. РАСКИНА.

В утренние часы на этой лестнице санатория «Россия» бывает куда более многолюдно — тогда все спешат на пляж.

На обороте: Так выглядит городской пляж, когда смотришь на него с вертолета.

В море все чувствуют себя немного ватерполистами...

Сочинские новинки: кинотеатр «Спутник» и ресторан «Театральный».

Строительство новых кафе, закусочных, столовых, ресторанов — все это, выражаясь языком статистиков, дополнительно дало две тысячи пятьсот мест. Добавьте к этому расширение сети магазинов, ларьков, буфетов. Свои добрые руки они протянули, что называется, прямо к рабочему месту отдыхающего — на пляж. Там можно выпить кефир, съесть горячую сосиску, котлету.

Мы строим еще восемь кафе, будем открывать новые рестораны, столовые. Хотим, чтобы в летней столовой самообслуживания кормили так же вкусно, как и в лучшем санатории. Есть тут свои трудности. У нас мало постоянных кадров поваров-сочинцев. Мы вынуждены на сезон приглашать из разных городов восемьсот выпускников техникумов общественного питания. Молодежь работает хорошо, добросовестно, с огоньком. Но это все же «перелетные птицы» — нынче здесь, а завтра в Ялте. Вот мы и решили открыть при Сочинском политехникуме отделение, где готовят поваров. Занятия там уже идут.

Коль скоро зашел разговор о кадрах, хочется еще и еще раз подчеркнуть меру нашей огромной ответственности за их воспитание.

Курортное хозяйство специфично. Здесь трудится большая армия людей в торговле, предприятиях общественного питания, на строительстве. В подавляющем большинстве это честные, преданные своему делу труженики. Но дело они делают такое, на которое очень падки всякие хапуги, взяточники, прощелыги, использующие любую возможность нажиться за счет государства, за счет тех, кто приехал к нам отдыхать, лечиться. В некоторых звеньях нашего хозяйства за последнее время были разоблачены такие хапуги. И они, так же, как и их покровители, получили по заслугам.

В докладе Н. С. Хрущева на Пленуме ЦК КПСС — гневные слова в адрес очковтирателей, взяточников, расхитителей государственных материальных ценностей, в адрес отдельных партийных комитетов, которые «терпимо относятся к фактам служебных злоупотреблений со стороны коммунистов и, более того, иногда выгораживают их, берут под защиту».

Мы должны сделать для себя самые серьезные выводы из этих слов Никиты Сергеевича. Вся ярость общественности должна обрушиться на это большое и пока еще до конца не искорененное зло.

Отдых и стандарт

Как-то один из моих товарищей, отдыхавших в Сочи, посетовал: «Я уже устал отдыхать». Уловив мой недоумевающий взгляд, он поспешил разъяснить это парадоксальное заявление: «Я устал отдыхать на одном и том же месте. Надоедает...»

Я его понимаю. Отдых — это, между прочим, и перемена впечатлений. А мы, я бы сказал, застандартизовали отдых — получай путевку и живи двадцать четыре — двадцать шесть дней на одном месте. Почему на одном? А человеку надоедает отдыхать двадцать шесть дней в Сочи. Нельзя ли ввести комбинированную путевку: скажем, тринадцать дней — в Сочи и тринадцать дней — на Минеральных Водах. И наоборот. Это было бы полезно и с точки зрения лечебной. Ведь не всем требуется курс лечения Мацестой. Иному полезно побывать в Сочи, покупаться в море, а потом отправиться в Кисловодск и принять пять-шесть нарзанных ванн или попить воду в Ессентуках. Не стоит ли ВЦСПС призадуматься над этим?

У нас еще не привился по-настоящему отдых в туристических поездках, походах. И здесь — стандартные маршруты, стандартные формы обслуживания. Кавказское побережье Черного моря могло бы стать краем массового туризма. Мы, в частности, очень ратуем за то, чтобы проложить туристскую трассу из Сочи через Красную Поляну, Теберду на Минеральные Воды. На наш взгляд, это будет одна из живописнейших трасс, по типу Военно-Грузинской дороги. На машине за пять-шесть часов туристы переносятся с берега Черного моря на Красное солнышко Кисловодска. Отдыхающие в Пятигорске могут на пять дней приехать в Сочи, Гагру...

Проект такой трассы с заправочными автостанциями, кафе, гостиницами уже разработан. Он встречает доброе отношение и краснодарцев, и ставропольцев, и в Министерстве автомобильного транспорта и шоссейных дорог РСФСР. И тем не менее дело не двигается. Видимо, смущают затраты на строительство трассы. Но ведь они с лихвой окупятся очень быстро. За чем же остановка?..

Нам не нужны дворцы

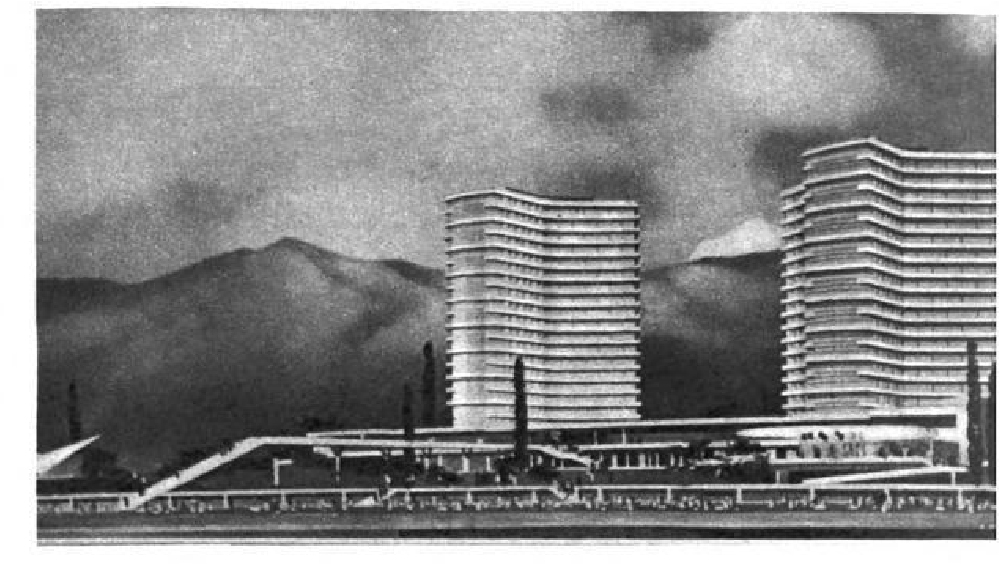
Иные журналисты, когда пишут о Сочи, не жалеют красок, расписывая белоколонные дворцы-санатории. Читая эти восторженные строки, иногда краснеешь. Написано все правильно, но дело-то в том, что нам сейчас не нужны санатории с дорогим дворцовым великолепием, парадностью холлов, столовых, с тяжелыми люстрами и бархатными занавесями. Бесспорно, это была неправильная политика в курортном строительстве. Об этом мы снова говорим во весь голос потому, что впереди широкий размах работ, связанных с осуществлением генерального плана развития Большого Сочи. Предусматривается создание гигантского комплекса восьми курортов: Сочи, Магри, Лазаревское, Головинка, Лоо, Дагомыс, Аше и Адлер. В Адлере вырастет большой курортный городок на семь тысяч человек, где вас примут с семьей, детьми. Вам не нужно заранее покупать путевку, приезжайте и живите сколько угодно. Весь ваш быт строится тут на началах максимального самообслуживания. Адлерский курортный городок — это живописно раскинувшиеся летние спальные корпуса, гостиницы-пансионаты в прибрежной полосе, детский сад, детская площадка, театр на открытом воздухе на берегу моря.

В генеральном плане много внимания уделяется благоустройству и транспорту. Вдоль всего побережья построят пешеходную аллею с бульварами, спусками к морю и подъемами в горы. Все восемь курортов свяжет электрическая монорельсовая дорога.

Итак, Большие Сочи — это большая стройка. Как строить? Какого направления придерживаться? Никаких дворцовых сооружений! Нужны легкие, простые корпуса, полные света, воздуха, а главное, удобств — нужно широко использовать алюминий, стекло, керамику, пластмассы. На курорте особенно важна эстетика архитектуры. Здесь все должно быть живописно. Многое решает цвет. Никаких серых, блеклых тонов. Те же скамейки в парке, но разноцветные, уже веселят, создают хорошее настроение. Санаторные корпуса, гостиницы, кафе, рестораны — все это должно переливаться яркими красками, естественно вписываться в живую природу, сочную зелень субтропиков.

Надо решительно менять и географию. До последнего времени сочинские санатории и дома отдыха почему-то сооружались на склонах гор, вдали от моря. Мы теперь будем строить санатории и гостиницы как можно ближе к морю. И курортный городок в Адлере и высотная гостиница в Сочи расположатся у самого берега. Там же поднимется и тринадцатиэтажный санаторий ВТО.

Кстати, об этажности. Мы пересмотрели проекты многих строек, значительно увеличив число этажей — до двенадцати — четырнадцати. В адлерском городке, например, это позволит нам принять уже не пять тысяч отдыхающих, как намечалось раньше, а семь.

Так будет выглядеть высотная гостиница в Сочи.

Сердце лечат сердцем

Как-то художник И. Левитан в своем письме с курорта писал: «Здесь специально лечат сердце ваннами. Какой вздор! Сердце можно лечить только сердцем». Это очень умные слова, полные глубокого смысла. Я, конечно, не склонен разделять столь нигилистическое отношение художника к лечебным ваннам. Но то, что для лечения больного сердца обязательно должно быть доброе сердце у врача, — это бесспорно. Тем более на курорте. Нам кажется, что в медицинских вузах мало думают о специфике подготовки курортных врачей. А тут свои, особые требования. И в первую очередь речь идет о культуре ухода за больным, о психотерапии, о добром слове, чутком сердце. Да, это важно в любой больнице и поликлинике. Но на курорте сей «препарат» играет, я бы сказал, решающую роль. Душевное, участливое слово врача целебно тут, как бальзам. К сожалению, кое-кто из врачей на практике иногда и не придерживается этого правила.

Сердце лечат сердцем! Слова художника я бы адресовал не только врачам.

В нашей стране сейчас уделяется большое внимание службе быта, обслуживанию человека. На курорте эта служба приобретает первостепенное значение. Лечение, отдых во время отпуска — это прежде всего отличное настроение. И здесь не требуются капитальные затраты. Нужна самая малость: улыбка, радушие, приветливость официантки, администратора гостиницы, продавца, телефонистки, кондуктора, кассира. От доброты их сердца зависит успех лечения тысячи сердец. Тут нужна чуткость не по инструкции, нужна та самая совестливость, о которой писала Н. Г. Заглада. Был у нас в Сочи такой случай: телеграфистки Клавдия Колногорова и Людмила Серкина узнали из принятой ими телеграммы, что ночью приезжает пожилая женщина. Время было уже позднее, и они сообразили, что гостью близкие встретить не успеют. И тогда девушки сами вышли к поезду. Я думаю, что сердца этих девушек действительно способны врачевать!

Кто отдыхал в Сочи, тот, возможно, обратил внимание на кондуктора рейсового автобуса Ивана Кузьмича Нога. С ним всегда весело: он и своеобразный экскурсовод и любитель шутки, у него найдется приветливое слово для любого пассажира.

На курорте не может работать человек грубый, черствый, девиз которого «Вас много, а я один». Тут нужны люди типа И. К. Нога. «Скажу дерзость, — рассуждает он, — обидятся пятьдесят человек. Пошучу — у пятидесяти пассажиров будет хорошее настроение. А за месяц я обслуживаю около тридцати тысяч».

Задача партийных, советских, комсомольских организаций курорта — воспитывать таких работников, которые способны лечить сердцем. Это — нелегкое дело, но очень важное и совершенно обязательное для нас. Без этого Большие Сочи не будут Большими.

Александр ГОВОРОВ

Дорогие берега

КРАСНАЯ ПЕСНЯ

За красную песню
полжизни даю.
И песню народу,
как перстень, дарю...

Далеко-далеко
у синего моря
жил гордый народ
без царя
и без горя.
За красное слово,
за красную песню
давался не орден
в награду,
а перстень.
И тот, кто его получал
от старейшин,
был самым почетным,
был самым
светлейшим.

Границы смещались,
народы мешались,
а песня в сердца
стучала,
стучалась.
И в битвы ходила,
как вождь
и как ратник.
И рати на битвы водила,
водила
на праздник.

Я эти походы
и ныне пою.
За красную песню
полжизни даю...

Еще б мне хотелось,
чтоб песня
кипела,
цвела бы в веках
черемухой белой.

РУССКАЯ ХАТА

Вновь на дворе
зашевелилась замять.
Звени, зима!
Метель, звени!
Ну, а меня
опять уносит память
к частице незаснеженной земли.
Как мавзолей,
на ней моя избушка,
покрытая соломой аржаной.
Вновь красной глиной
мать моя, старушка,
успеет пол
подмазать в выходной.
Пол земляной
и под солому хата,
не вспомнить бы,
но вновь о вас пою.
Не потому, что жили небогато,
не потому, что леса нет в краю.
Земля звенит
валдайским перезвоном.
Как стрелы, на полях моих
стерня.
Мне кажется порой,
что не солома
на крыше русской хаты,
а броня,
в которую все беды,
все снаряды
остервенело били
столько лет!..

Летит ракета,
и седая хата
по-матерински
ей глядит вослед.

РАДОСТЬ

Ослабели за́морозки —
прилетели жа́воронки!
Бегают мальчишки:
— Жа́воронки!
— Жа́воронки!
Бегают мальчишки:
— Жаворонки!
— Жаворонки!
В поле над проталинкой
высоко-высо́ко
взмыла песня жаворонка,
пока одинокая.
И летит из горлышка
радостное слово:
— Завтра выйдет солнышко,
солнышко снова.

Пускай принарядятся,
кто солнышко любит.
Приготовьтесь к радости,
и земля
и люди...
Выше,
шире песенка
заплескалась в небе.
Выпускает листики
на свободу стебель:
— К встрече я повыпущу
остальные листья...

Это счастье — с радостью
на́ люди
явиться.

ЛЕБЕДИ ЛЕТЯТ

В Подмосковье, у речки Сетунь,
о весне Заполярья не сетуй.
Только этой зимою сильней
вспоминался мне крик
лебедей.
Вспоминался мне,
вспоминается...
Над Москвою весна
начинается.
Вдруг в синеющем небе
весеннем
над просторами
площадей
неожиданно,
как веселье,
показался косяк
лебедей.
И поплыли на север высоко,
пусть не тронулась Сетунь-река,
колыхающейся осокой
не приветит пусть север пока.
Но несут они в клювах на
север
первый луч,
первый лист,
первый гром...
И веселье
весеннего
сева
остается у них под крылом.
И проплыли...
В синеющем небе
мне мерещилось долго потом:
машет сильными крыльями
лебедь,
словно маминым
белым платком.

НА МОЕЙ РОДИНЕ

У меня на родине,
на Курщине моей,
в каждой огородине
свой
соловей.
В каждом огороде
хвалят певца.
Деды,
собравшись,
хвастаются.
Лодочкой
ладошку —
мол, слух не тот.
Станут у картошки —
чей
лучше
поет.
Стоят,
молчат,
волнуются.
А соловьи
соревнуются.
В сочных коленцах
смородиновый куст:
— Ай,
не ленится!
— Ай,
хлюст!
Лица искрятся
у стариков —
самый лучший
из всех
соловьев.
Знать, не зря
поклевал соловей
знатных,
отборных
курских
коноплей.
У меня на родине,
на Курщине моей,
в каждой огородине
свой
соловей.

ПО ИРТЫШУ

Ты песня морей,
Иртыш.
Ты песней моей
летишь.
За кормою —
грачиный
крик.
Камыши —
наконечники
пик.
На твоих берегах
ни души.
Только шепчутся
камыши.
Может, спорят о чем
они?
Может быть, вспоминают
дни,
Когда так же, как песня,
вниз
Ермаковы струги
неслись.
Все мне чудится
русская
рать.
И кучумится
даль
опять.
Вот схлестнулись
и стон
и визг.
И кучумовцы
катятся
вниз.
И опять мне чудится
бой.
Но лишь «Киров»
дымит
трубой.
Да грачи,
собравшись
в отлет,
Провожают наш
пароход.
Казахстан —
как хлебный
амбар.
Как горбушка на нем —
Павлодар.
Даже воздух
пшеницей
пропах.
Словно брат мне
любой казах.
Эх, Иртыш!
Могучий
Иртыш!
Двум народам
в глаза ты
глядишь.
И метелками
березняка
Ты раскачиваешь
облака.

Дежурная комната насыщена техникой. Здесь несколько телефонов, в том числе традиционный и обязательный 02, рация, коммутатор. Надежная связь — половина успеха в борьбе с преступниками.

Субботний вечер выдался беспокойный. Дежурный по городу старший лейтенант Георгий Алексеевич Рощин то и дело поднимает трубку. Звонят патрули. Одни докладывают, что происшествий нет, другие приносят вести неутешительного свойства: муж, отец семейства, учинил дома скандал, восемнадцатилетний юнец развязно ведет себя в кинотеатре. А вот случай совсем печальный: грузовая машина сбила на Рассказовском шоссе девушку и, не сбавляя хода, ушла в сторону Рассказова... Быстро созывается оперативная группа, и синяя машина с красным поясом мчится на место происшествия.

Днем и ночью...

Яков РЮМКИН, Олег ШМЕЛЕВ

Помните, как сказано у Лермонтова? «Тамбов на карте генеральной кружком означен не всегда...» Можно предположить, что жителей прежнего Тамбова строчки эти задевали за живое и обижали. Но минуло время, и теперь Тамбов — город с двухсоттысячным населением, с заводами и фабриками, стадионами и театрами. И означен он на карте не маленьким, а большим кружком, как и положено областному центру.

И, как в каждом большом городе, в Тамбове в любой из дней происходят тысячи событий, окрашенных ярко и светло. Но в нашем репортаже речь пойдет об иных событиях, о тех, с которыми приходится иметь дело милиции,— как раз во имя того, чтобы они не туманили свет добрых дел.

В дежурной комнате областного управления охраны общественного порядка есть книга, на страницах которой находит отражение темная сторона жизни. Мы наблюдали за работой тамбовской милиции днем и ночью и вели свою хронику — как приложение к журналу, который лежит на столе дежурного. Вот выдержки из этой хроники...

Патрульная служба — обыденнейшее милицейское дело. Патрулируют по-разному: можно пешим порядком, можно на мотоцикле или на автомобиле. Начальник городской милиции подполковник Николай Петрович Кручинин частенько садится за руль — он отлично водит машину,— берет с собой в помощники старшего сержанта Ивана Евсеева, и они отправляются в рейд по ночным улицам, держа связь с дежурной комнатой.

Через полчаса после того, как обнаружилось ограбление магазина, оперативная группа в составе дежурного по областному управлению охраны общественного порядка подполковника Николая Михайловича Полякова, начальника оперативного отделения капитана Владимира Петровича Грищенко, старшего оперуполномоченного отделения дознания Сергея Ивановича Грачева и проводника служебно-розыскной собаки старшего сержанта Николая Алексеевича Николаева была уже на месте. Ищейка Дегай сразу взяла след.

Воры уйти не сумели. Их оказалось двое.

Подобно многим своим товарищам-офицерам, старший инспектор отдела службы лейтенант Владимир Шевченко, в недавнем прошлом секретарь райкома комсомола, не жалеет времени, чтобы по-

↓

О человеке, который так спокойно развалился на стуле перед майором Михаилом Петровичем Кузнецовым, невозможно говорить без омерзения.

Георгий Шинкаренко, двадцати пяти лет от роду. Дважды судим. Морфинист.

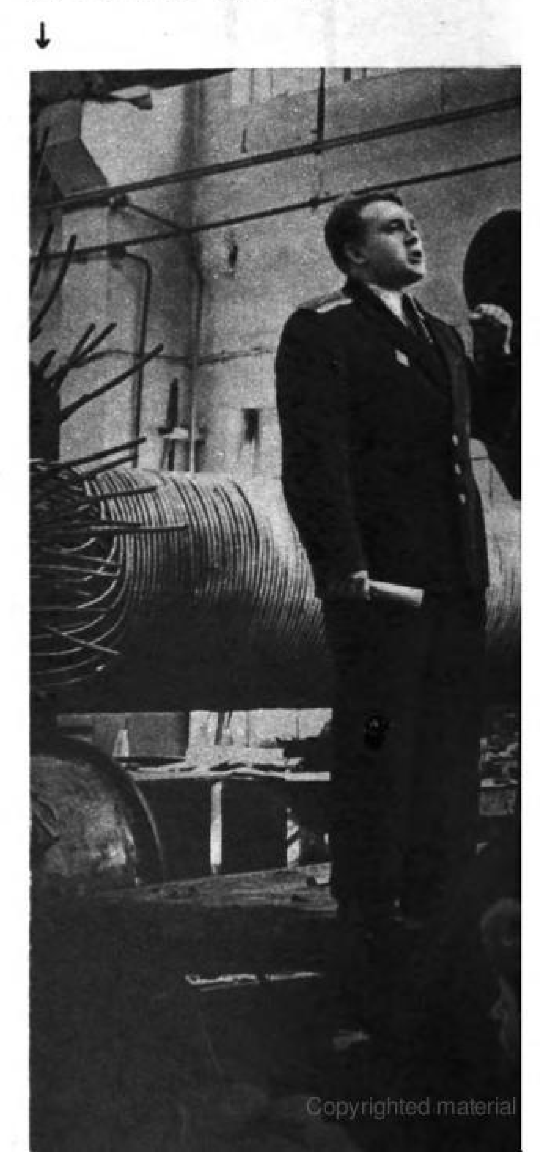
Работал и он и его жена. Зарабатывали неплохо. Но на водку, на морфий никаких денег не хватит.

14 октября Шинкаренко вместе со своим «корешом» Селезневым поехал на мотоцикле в село Челновая Покровка и ограбил там магазин. Они унесли вещей на 9 тысяч рублей. И строгим будет народный суд!

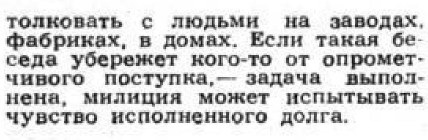

Начальник отделения дознания подполковник Иван Дмитриевич Ярыгин предъявляет обрез для опознания его владельцу. Этот субъект — подследственный Н. А. Дятлов, житель села Никольского, что в Мордовском районе,— на протяжении нескольких лет воровал у колхоза зерно. Воровал не один, и воровал нагло, иногда среди бела дня. Много тысяч пудов украла эта подлая компания.

У них было оружие — вот этот самый обрез, хранившийся, видно, еще со времен кулацких банд, которые бесчинствовали на Тамбовщине в начале двадцатых годов.

толковать с людьми на заводах, фабриках, в домах. Если такая беседа убережет кого-то от опрометчивого поступка,— задача выполнена, милиция может испытывать чувство исполненного долга.

Эту девочку зовут Нина. Ей два с половиной года, и она позволила себе проявить инициативу и самостоятельность. Ей удалось уйти с родного двора, и она укатилась от бабушки, как Колобок в сказке. Нина вышла на Интернациональную улицу — и была такова. Она гуляла до темноты, а когда стемнело, стала плакать. Какой-то дядя в синей шинели взял ее за руку и привел в дом № 28 на Коммунальной улице — в детскую комнату милиции. Здесь Нину встретила Наталья Александровна Назина, старший инспектор, и произошел такой разговор:

— Тебя как зовут, девочка?
— Ниночка.
— А твоя как фамилия?
— Ты-ы...
— А как зовут твоего папу?
— Папа.
— А как зовут маму?
— Мама.

Пришлось дать Ниночке игрушки и заняться розысками родителей. Через час они объявились сами. Придя с работы, молодые супруги Владимир и Мария кинулись искать ребенка. Первым — и совершенно естественным—шагом было обращение в детскую комнату милиции. И родители не ошиблись.

А фамилию свою Ниночка не могла сказать по одной простой причине: трудновато двухлетнему говоруну выговорить такое слово — Тыртычная...

Настал вечер, и снова в штабе народных дружин, которые насчитывают в городе почти четыре тысячи дружинников, полно народу с красными повязками на рукаве. Начальник отдела внутренней службы областного управления охраны общественного порядка подполковник Сергей Сергеевич Лобанов провел короткий инструктаж, и начался развод.

Все, что мы рассказали здесь,— лишь несколько отдельных штрихов из жизни тамбовской милиции. Не хотелось бы повторять старый штамп насчет руки и пульса, но рука милиции действительно всегда на пульсе города.

Старые люди в Тамбове помнят мрачное время, когда по земле Тамбовщины метался бандитский мятеж эсера Антонова. То было время, когда для работника милиции каждый шаг был связан с риском для жизни. Милиция не давала пощады бандитам ни в тайной войне с ними, ни в открытом бою. И бандиты не щадили милиционеров. Случалось, что маленький отряд милиции вступал в стычку с врагом, чьи силы были впятеро больше, и тогда милиция дралась до последнего патрона и в плен не сдавалась. Много, очень много бойцов милиции сложило головы за рабоче-крестьянскую власть.

А сегодня? Унять бушующего на улице пьяного — это, конечно, не очень большой подвиг. И романтики в этом, скажем прямо, нет никакой. Задержать некоего гражданина, которому захотелось соленых огурцов и который укатил из магазина целую бочку этой незаменимой закуски,— тоже не очень сложная акция. Но не нужно забывать, что таким банальным случаям сопутствуют вещи гораздо более серьезные.

Сейчас личный состав милиции впервые за сорок пять лет принимал присягу, подобно тому, как принимают ее бойцы Советской Армии. В ней есть слова: «Я буду добросовестно выполнять все возложенные на меня обязанности, не щадя своих сил, а в случае необходимости и самой жизни, при охране советского общественного и государственного строя, социалистической собственности, личности, прав граждан и социалистического правопорядка от преступных посягательств». Благородно дело людей, ставящих свою подпись под такими словами.

„ОСВО

5 декабря народному писателю Латвийской ССР Андрею Мартыновичу Упиту исполнилось восемьдесят пять лет. Первый его рассказ

Андрей УПИТ Рассказ Рисунки В. БОГАТКИНА.

Покрытая гатью военная дорога сворачивает под острым углом на большак. Сосны так сильно вырублены, что далеко сквозь них виднеется его белая гладкая лента. А за ней — осоковый луг и мост с длинными перилами.

Маленькая хибарка на большаке у перекрестка. Серые, размочалившиеся под солнцем и дождем бревна. Ободранная гонтовая крыша с красной трубой. Крохотная веранда с выбитыми стеклами и заколоченной дверью. Прибитая с былых времен на углу жестяная вывеска со стершейся надписью: «Табак, папиросы, фруктовая вода». За хибаркой — хлевок и клетушка под общей крышей. Четыре яблони... Вот и все хозяйство Мартиня Клявы.

На дворе жена его глазеет из-за дома. Сам Клява с уздечкой в руке идет мокрым лугом от сосен. Радостно возбужденный, шагает напрямик к дому. Широко размахивает уздечкой. Шапка на затылке.

Он тычет пальцем свободной руки туда же, куда смотрит жена. Ждет, чтобы она повернула голову. Но она так загляделась, что ему не дождаться этого.

— Ну, вишь, как уезжают! — Он останавливается и грозит пальцем.— Говорил я, что ненадолго это. Разве не говорил?

Жена не отвечает. Разумеется, ничего он не говорил.

А оба воза исполкома тем временем скрываются на пригорке за кустом. Глазеть больше не на что. Жена берет ведро. Еще раз бросает взгляд на пустынную дорогу.

— Два воза. Страх как нагружены. Мешки да ящики. Цирценис на лисапеде. Остальные пешком. Все с ружьями на плечах.

— С ружьями! — усмехается Клява.— Далеко они уйдут! У Эрглей зеленые. Схватят, как цыплят.

— Катрина Лапинь тоже с ними. В желтых ботиночках. Чулочки, белое пальтишко. И тоже с ружьем на плече.

— С ружьем! У Эрглей уже зеленые. Пятьсот человек. Пулеметы, две пушки.

— Не болтай. Какие у них пушки!

Жена сучковатой палкой пытается вытащить ведро из колодца.

Клява накинул уздечку на частокол. Кричит:

— Так я вру, наверно? Да? Еще вчера человек из тех мест приходил и сказывал.

— Никак жердь подлиннее не подыщет. А ты хоть разорвись! — Перегнувшись через низкий сруб колодца, жена зачерпывает воду и вытаскивает ведро. Делает шаг, оборачивается.— Вечно со своей политикой шляется где-то!

Клява не сразу находит, что ответить. Жена уже хлопнула дверью. На какое-то время удовольствие испорчено. Но вскоре это проходит. Стоит ли на глупую женщину обижаться? Да что баба в политике смыслит?

Отвалив борону от стены хлевка, он опрокидывает ее зубьями кверху. Один зуб расшатан и вываливается. После обеда надо боронить последнюю полоску ячменя.

Он возится с бороной и время от времени поглядывает на дорогу, туда, куда ушли возы исполкома.

Понемногу опять веселеет, иногда многозначительно ухмыляется.

Жене не сидится дома, вскоре она снова выходит.

— Катрина Лапинь картонку из-под шляпы увезла!

Она усмехается. Клява громко поддакивает ей.

— Вот видишь, как уезжают теперь! Как уматывать-то приходится! А то сами не знали, чего хотят. Тоже мне шишки! Сели народу на шею и невесть каких господ из себя строили. То одно предписание, то другое. То с лошадью куда-то поезжай, то аренду плати, то подати какие-то!

— Два штофа молока с коровы отдай им. Для бедняков! Почему это я должна каких-то нищих кормить? Виновата я, что у меня есть, а у них нет? Кто обо мне заботится?

— Должен невесть кому аренду платить — исполнительному комитету какому-то... Плевать мне на них с их комитетом. Барину я три года копейки не платил. Так Катрина Лапинь с меня теперь взыскивать будет. Знаю я ее, видел, как она тут за скотиной бегала.

— На шляпки ей нужно. О, господи!

Клявы замолкают. Со стороны поля во двор входит Петерис.

Жаркий, солнечный день, а он в полупальто, в забрызганных крагах. На плече винтовка. Запыленный, потный, не то издалека пришел, не то очень спешил. Отца и мать как будто и не замечает. Идет прямо в дом.

Старики идут за ним.

Мать без нужды начинает что-то переставлять на полке с посудой. Клява наклоняется к плите, словно за угольком — разжечь трубку. Он прекрасно знает, что к обеду ничего не стряпали и печь не топлена.

Не снимая с плеча винтовки, Петерис роется в своем ящике. Перебирает книги, просматривает бумаги. Иные сует в карман, иные рвет, иные бросает обратно. Отца с матерью он так и не замечает.

— Ружье теперь в кусты закинь. Хватит, поважничал!

Мать оставляет свою посуду.

— Бросит он его! Скорее невесту бросит!..

— В кусты, говорю! — Клява трясет кулаком.— Хватит, поохотились! Видал, как улепетывают! Куда все эти горлодеры подевались? Я говорил!

— И эта же Катрина Лапинь... Картонку из-под шляпы повезла!..

— Они с меня аренду спрашивали! Я самому барину три года не платил, а каким-то... Тоже мне власть нашлась! Собрались всякие, которым работать неохота.

Теперь оба, не отрываясь, смотрят на Петериса. Но тот притворяется, что не слышит их, все роется в своих бумагах.

— Весь ящик этот — в печь, говорю. Невесть что напихал туда. Хватит вам листовки раздавать... и всякой там чепухой заниматься. Теперь вам покажут коммуну.

— Ком-муновцы этакие! Чтоб все из одной миски жрали. Чтоб все одним одеялом укрывались. Тьфу, будь они неладны!

У Клявы голос стал каким-то визгливым.

— И чтоб ты мне больше не путался с ними... Ружье в кусты, и завтра же утром — за борону. Пора опять за дело взяться.

Петерис оборачивается. Он, как обычно, смотрит исподлобья сперва на отца, потом на мать. В глазах и досада и злая усмешка. Сейчас скажет что-нибудь. Клява возбужденно шарит в кармане пиджака. Жена вытягивает шею. Ну, пускай только попробует.

Но Петерис сдерживается и ничего не говорит. Поправляет на плече винтовку и выходит. Крупными, гулкими шагами. С треском хлопает дверью.

Ни слова!

— Н-ну! И это сын! Вишь, как он!

— Он нас и за людей не считает.

У матери на глазах слезы.

— Те для него хороши. Те ему родные! Кто же виноват, как не ты сама! Да разве я не говорил? А она все: сынок, сынок! Вот тебе и сынок!

— Ну да, теперь я виновата! А что он сам! Вот всегда так... Ах, поскорей бы пришли! И всыпали бы всем. Подряд. Настоящими березовыми розгами. Так, чтоб два дня сидеть не могли. Вот тогда узнали бы коммуну!

— Пороть их надо! Всех по очереди. И больше всех тех, кто уехал. Подстрекателей и верховодов этих.

— Катрину Лапинь... И тех, что за ними побежали, тоже. Пускай узнают, что такое порядок.

— Отца, мать не слушают, так пускай чужие люди поучат.

БОЖДЕННЫЕ“

был напечатан шестьдесят три года назад, и с тех пор А. Упит написал много романов, повестей, рассказов, пьес, статей, исследований. Среди них такие монументальные произведения, как эпопея «Робежнэки», над которой автор работал четверть века (1908—1933 гг.), романы «Земля зеленая» (1945 г.), «Просвет в тучах» (1951 г.).

Публикуемый ниже рассказ написан в 1919 году, сразу же после установления буржуазной власти в Латвии, и опубликован на латышском языке в «Календаре Советской Латвии» (Москва, 1920 г.).

— И поучат. Ох, как поучат! Одни голодранцы собрались. Коммуна! Указчики и распорядители выискались. Аренду плати им! Я барину три года...

Кляве что-то приходит в голову. Он выскакивает во двор. Смотрит из-за хлева, но ничего не может разглядеть. Куда же он убежал? Побегай, побегай еще!..

О работе Клява больше и не думает. Борона как лежала, так и лежит на дворе. Он идет к соседу потолковать о неожиданном освобождении.

Возвращается только вечером, когда уже темно. Веселый, каким не был все последние годы, и страшно словоохотливый.

— В Риге коммунистов избивают, как цыплят. Карточку в кармане найдут — бах, и в Даугаву. Учить их надо! Чего там! А то людям житья не было. Обирали каждого, у кого еще что-нибудь осталось. Всех равными сделать хотели. Нищими! Наконец-то опять настоящая власть будет! Наконец-то опять по-человечески заживем!

Жена уже спит. А Клява еще долго ворочается с боку на бок и все говорит, говорит...

Утром он валяется до завтрака. Только когда жена начинает его совестить, он выбирается из-под одеяла. Он такой же возбужденный и говорливый, как вечером.

А жена ходит задумчивая, даже хмурая.

— Будет тебе балабонить. Совсем не знаешь еще, какова эта новая власть. Ты радовался и в тот раз, когда немцы вошли.

— Не-емцы! Ну и гусыня! Говорят же тебе, что теперь свои будут. Люди, которые кое-что понимают и умеют. И у кого кое-что есть.

Он столько наслышался у соседа о ждущих их благах, что пессимизм жены не производит на него никакого впечатления.

Насвистывая, он выводит лошадь к колодцу, поит ее, надевает ей на шею хомут.

Жена, ходившая привязывать корову, возвращается большаком. Идет и оглядывается.

— Эй, муж! Поди-ка глянь, что там такое!

Клява, насвистывая, выходит на дорогу.

— Смотри, смотри! Верховые как будто.— Лицо ее становится бледным, как полотно.

— Ну, не болтай! Верховые! Откуда тут верховые возьмутся? Просто едет кто-то. Должно быть, опять комитет какой-нибудь.

Но его и самого охватывает беспокойство. Он перестает свистеть.

Облако пыли все надвигается. Уже отчетливо видны морды передних лошадей. И чуть погодя можно различить хорошо знакомые каски всадников.

— Боже! Немцы!..— лепечет жена побелевшими губами.

Конных человек десять. У всех такой вид, словно на них собираются напасть из ближнего куста. Некоторые на всякий случай приотстают. Двое подъезжают поближе.

Жена машинально тычет мужа в бок.

— Боже... молодой барон!..

Клява всматривается пристальнее. В самом деле, он самый. Только какой-то другой, в военной форме. Усики отрастил, лицо обрюзгло. И сердитый какой! Ох, до чего же сердитый! Глаза красные, как у плотвы.

А барон все приближается, голова коня уже между Клявами, он чуть не прижимает их к частоколу. Барон и не замечает, как Клява, сняв шапку, здоровается.

— Дермо собачье! Где же твой полшевик? Обтянутая перчаткой рука подозрительно сжимает желтую плетку. Клява искоса поглядывает на нее и пытается выскользнуть из щелки между конской грудью и частоколом.

— Не знаю, господин барон. Тут...

Свистит в воздухе плетка, задевает шапку Клявы, и она летит на землю. Лошадь наступает на нее. По спине Клявы словно раскаленная проволока протянута. Клява нагибается, простирает руки. И жена тоже как-то чудно́ нагибается, словно хлестнули ее самое. Она привалилась к частоколу, рот приоткрыт, побелевшие губы дрожат.

— Не знаешь! Мошенник этакий!

Барон снова замахнулся плеткой над самой головой Клявы. Клява съежился от страха. Не потому, что очень больно. Но потому, что... где это видано, чтоб взрослого человека били... Его! И за что?

— Ушел! — ошалело машет он рукой в сторону дороги.— Ушли все! Еще вчера. Два воза...

Опять засвистела плетка.

Он видит, что барон норовит попасть ему в лицо. Клява инстинктивно защищает ладонью глаза, опускает голову. Плетка задевает висок. И Клява сразу чувствует, как там вскакивает кровяная шишка. Он озирается из-под ладони, словно ищет помощи. Рядом другой всадник, тоже размахивает плеткой.

У жены странно вздымается и опускается грудь. Она всем телом наваливается на частокол и вопит. Истошно, визгливо, как прижатая дверью кошка.

Свистит и плетка другого. Так и липнет к тонкой ситцевой кофте жены. На груди и плече ее вспыхивают красные полосы. Кровь пятнами проступает наружу и течет вниз.

Клявы словно оцепенели.

Молодой барон что-то кричит. Всадники подъезжают и спешиваются. Только двое остаются на конях — подержать свободных лошадей.

Немцы бросаются в дом, в хлев, в клетушку. Ворошат, ломают, колотят. Один берет лошадь Клявы за повод, щупает, вертит, хлещет ее плеткой. У всех у них в руках плетки.

Молодой барон ходит вокруг дома, ищет что-то.

Клявы таращат глаза, как на призраки.

Первым приходит в себя Клява. Пошатываясь, точно пьяный, он идет к жене.

— Ты молчи... бить уж больше не станут...

Она и так молчит. Рот приоткрыт, но губы уже не дрожат. Только по щекам текут слезы. И сквозь кофту сочится кровь. Она не слышит, что говорит муж. Ничего не видит — глаза словно заволокло туманом.

Клява видит все, до мелочи.

Из открытой половины окна вылетает старая коробка, где жена хранит шелковые платки и всякие безделицы. Не переставая хлопают двери. На дворе собирается все больше всадников. Один держит на руке их одеяло, другой вышел из клетушки и складывает кожаные вожжи, а третий вытащил из устья печи миску с зажаренными к завтраку кусками свинины. Хватает пальцами и большими кусками отправляет в рот.

Барон разговаривает с тем, с которым ехал рядом. Тот потирает ноги и что-то показывает. Он пробует переставлять ноги и ступает так, словно ему их вывернули.

Барон машет Кляве плеткой.

— Иди сюда, скот!

Клява нехотя подходит. Все гурьбой обступают его.

— Запрякай лошат в телег! Только живо, скот!

Клява рысцой кидается к хлеву, где стоят его дроги. Ему и в голову не приходит мешкать или перечить. Когда при большевиках велели съездить куда-нибудь на два часа, он два дня сряду ругался. Теперь так нельзя. В мозгу одна мысль: только бы больше не били. Спина горит, как ошпаренная. Голова обнажена. Длинные волосы растрепаны, липнут ко лбу, лезут в глаза.

За десять минут лошадь запряжена. Всадники ходят вокруг, о чем-то переговариваются по-немецки. Иные мимоходом ударяют его плеткой. Но только так, в шутку. Совсем не больно.

Жена стоит там, где стояла. Она не сдвинулась ни на шаг. Ничего не видит и не чувствует. Она ошеломлена.

— Поезжай! — кричит барон и прыгает в седло.

Остальные тоже садятся на лошадей, берут ружья в руки. Только один взобрался на дроги. Оружие держит наизготовку. Клява кое-как усаживается на передке. Лишнюю лошадь один из всадников берет в повод.

Немец, севший в повозку, прикладом тычет Кляву в плечо. У Клявы рука немеет по локоть. Вожжи чуть не выскользнули. Хорошо, что подхватил их другой рукой. Он дергает вожжи и подгоняет лошадь. Кнут он забыл. Без кнута лошадь идти рысью не заставишь.

— Поезжай, скот! — яростно орет барон.

Клява подается вперед в ожидании нового удара. Но барон едет рядом и нахлестывает его лошадь. Ей словно ноги подменили. Седок Клявы — молодой мальчишка, с едва заметным пушком на верхней губе, растянулся во весь рост. Ногами уперся Кляве в спину. Остальные едут сзади. По два. Один все еще держит миску с мясом. Ест его так, словно всю жизнь не ел.

Въезжают на пригорок, где дорога на поворот чуть взрыта. Проезжают шагов тридцать, не больше.

И вдруг Клява замирает, кровь бросается в голову. Руки не чувствуют вожжей. На мгновение он забывает обо всем.

Из-за низкого ольхового куста на взрытом повороте дороги им навстречу выходит человек в полупальто. На плече винтовка. Петерис... Он в растерянности. Видимо, не может решиться: кинуться ли ему обратно или в сторону.

На его счастье, неподалеку, где-то за соснами, раздается выстрел. Всадники настороженно поворачивают туда головы. Петериса они замечают только тогда, когда он, уже подавшись немного назад, падает за ольховым кустом. Сумасшедший, чего он хочет?..

Всадники тоже теряются и осаживают лошадей. Клява машинально сдерживает и свою.

Барон еще больше выпучил глаза. Кажется, что они вот-вот выскочат из орбит. Он раскрывает рот. Сверкают большие передние зубы. Но он не успевает ничего сказать. Из куста гремит выстрел. Пронзительно заунывный звук впивается в мозг. Пуля свистит над головой. Петерис второпях взял чересчур высоко. Лошади пугаются, вздрагивают. Сумасшедший!..

За первым выстрелом — второй, третий, четвертый, пятый... Кляве кажется, что пули летят над самой его головой.

Вдруг лошадь под одним из всадников всхрапывает, поднимается на дыбы и валится головой вперед. Всадник летит кувырком через ее шею и остается лежать на песке. Лошадь храпит и брыкается, лягает его.

Всадники отвечают беспорядочным залпом. Непонятно, поворачивают ли они сами или же их уносят лошади. Немцы врассыпную скачут по дороге и полю, обратно к хибарке Клявы. Некоторые отстреливаются. Сидящий на телеге прыгает с нее и бежит. Клява дергает вожжи и поворачивает за ними.

Чуть погодя из ольхового куста снова раздаются выстрелы. Один за другим, пять выстрелов. Пули жужжат возле Клявы. Но ему не страшно. Только одно у него на уме: сумасшедший, что он делает! Застрелят — как пить дать. Один против десяти...

Спина уже не болит. Он дергает лошадь и мчится галопом.

Дроги с грохотом подпрыгивают. У Клявы пересыхает во рту. Сидевший на телеге лежит ничком поперек дороги — каска слетела, но зацепилась ремешком за подбородок. Из затылка черной струйкой бьет кровь, течет по уху к виску. Немец дрыгает ногами. Одну руку он подмял под себя, а другой как-то странно, словно играя, колотит по песку. Клява проехал по его ногам.

А выстрелы все трещат и трещат. Может, Кляве только так кажется. В ушах гудит. В висках громко стучит кровь.

Он отпускает вожжи и прямо вываливается из дрог. Как очумелый, машет жене, хочет крикнуть ей. Но губы словно слиплись, не могут произнести ни звука.

Жена стоит, где стояла. Только повернулась и смотрит на пригорок. Кажется, что она не слышит выстрелов, не видит, как конники, осадив взбесившихся лошадей, поворачивают обратно. Она видит только ольховый куст на пригорке.

Всадники разбились на группки. Только двое скачут по дороге. Четверо справа и трое слева. Хотят обойти, окружить.

Клява смотрит. Не только глазами, всем существом. Он задыхается, сжимает руками частокол, чтоб не упасть.

Недогадливый, почему не бежит обратно за горку или в сосны! Но Клява понимает, почему: сосны редки, и между ними можно свободно проехать верхом. А по другую сторону дороги ровный луг. За пригорком — открытое поле: там от конных не уйти.

Петерис бежит к загону. Это близко. Не больше ста шагов. Густой ивовый и ольховый кустарник. Вдоль него — оставшиеся от войны траншеи. А в одном шаге от них, скрытые в кустах, два ряда проволочных заграждений; в них проделаны узкие проходы. Только тот, кто знает, найдет их. Верхом там не проехать.

Петерис бежит, пригнувшись, винтовку держит на весу. Бежит так, как не бежал еще ни один человек. А всадники, отгадав его намерение, мчатся во весь опор, чтоб опередить беглеца.

Клява еще крепче сжимает частокол. Ему чудится, что бежит он сам. Ноги отяжелели, словно налились свинцом. Сейчас свалится... В глазах темнеет.

Всадники вскидывают ружья. Возбужденные, со скачущих лошадей, они целятся неточно. А лошади к тому же сбавляют ход, и беглец выгадывает несколько секунд. Этого достаточно.

На миг он пропадает в траншее. Затем шапка его еще мелькает за крайним низким кустом. И Петерис исчезает.

Перед первыми кустами лошади поднимаются на дыбы. И в этот миг из кустов глухо гремят еще два выстрела. Он стреляет из револьвера... Не найдя прохода, всадники скачут дальше, в объезд. Один отстал. Он без шапки. Припал к шее лошади. Руками вцепился в гриву.

Проскакав немного, передние поворачивают и мчатся обратно. Возвращаются и остальные. Стреляют, не переставая, наугад, по кустам.

Вспугнутая воронья стайка, кружась, взлетает все выше и выше, каркая в смертельном страхе.

Клява больше не смотрит. Руками ухватился за частокол, голова закинута, глаза прикрыты. И все же он видит. Более того — он живет там, за проволочным заграждением.

Это преследуют и ловят его самого. Он перебегает речку, переходит трясину. Там его могут преследовать только пешком. Кусты, осока — чужой заблудится и не выберется. А потом сразу большой лес. Орешник, как стена. Сплошная заросль березок. Только тот, кто исходил здесь все, как они с Петерисом, знает все тайные тропы. В ушах стоит шелест ветвей, ноги бесшумно скользят по мягким гниющим листьям. Он не бежит по горке, а сворачивает к низине. Держится канавы, она лесом уходит к озеру, вокруг которого на двадцать верст простираются топкие, заросшие кустами луга. А за ними перекрещиваются три большака... Он уже бежит по большаку... Миновал Видземе... Бежит по просторам России... Мимо скользят чужие села и города с зелеными крышами домов... Он точно летит на крыльях... Ему легко, легко и вольно...

Клява не замечает, как у него по лицу текут теплые слезы.

Перевел с латышского Д. ГЛЕЗЕР.

Второй отец Швейка

Второй отец Швейка — именно так известен большинству читателей народный художник Чехословакии Йозеф Лада, чье 75-летие со дня рождения мы сегодня отмечаем.

Но иллюстрациями к «Похождениям бравого солдата Швейка» далеко не исчерпывается его многообразное творческое наследие. Художник и писатель; ласковый, улыбчатый сказочник и суровый, не знающий пощады сатирик; мечтатель, запечатлевший на бумаге окутанные волшебной дымкой задумчивые пейзажи родного края, и лукавый юморист, создавший бесконечное количество веселых жанровых сценок, колоритных комических типов, целый мир всевозможных зверушек, так уморительно имитирующих в своих повадках человека; строгий художник-график, умеющий двумя-тремя скупыми штрихами создать запоминающийся характерный образ, и щедрый колорист, радующий игрой ярких, насыщенных красок,— таков Лада, вдохновенный певец родной страны, простой, всем доступный и совершенно неповторимый.

Сын бедного сапожника из маленькой деревушки над Сазавой, Лада прошел трудный путь художника-самоучки. И только вера в свое призвание, только неустанный труд привели его к вершинам мастерства.

Красота родной природы, типы местных крестьян, бесконечные рассказы о дорожных приключениях и ночных страшилищах, которыми «одаривали» своих хозяев случайные ночлежники,— все это глубоко западало в душу впечатлительного мальчика.

Мальчик начал рисовать очень рано, еще до посещения школы. Обрывки бумаги, газеты, стены халупы и хлева были его первыми мольбертами, а огрызок карандаша, похищенный у отца,— его кистью.

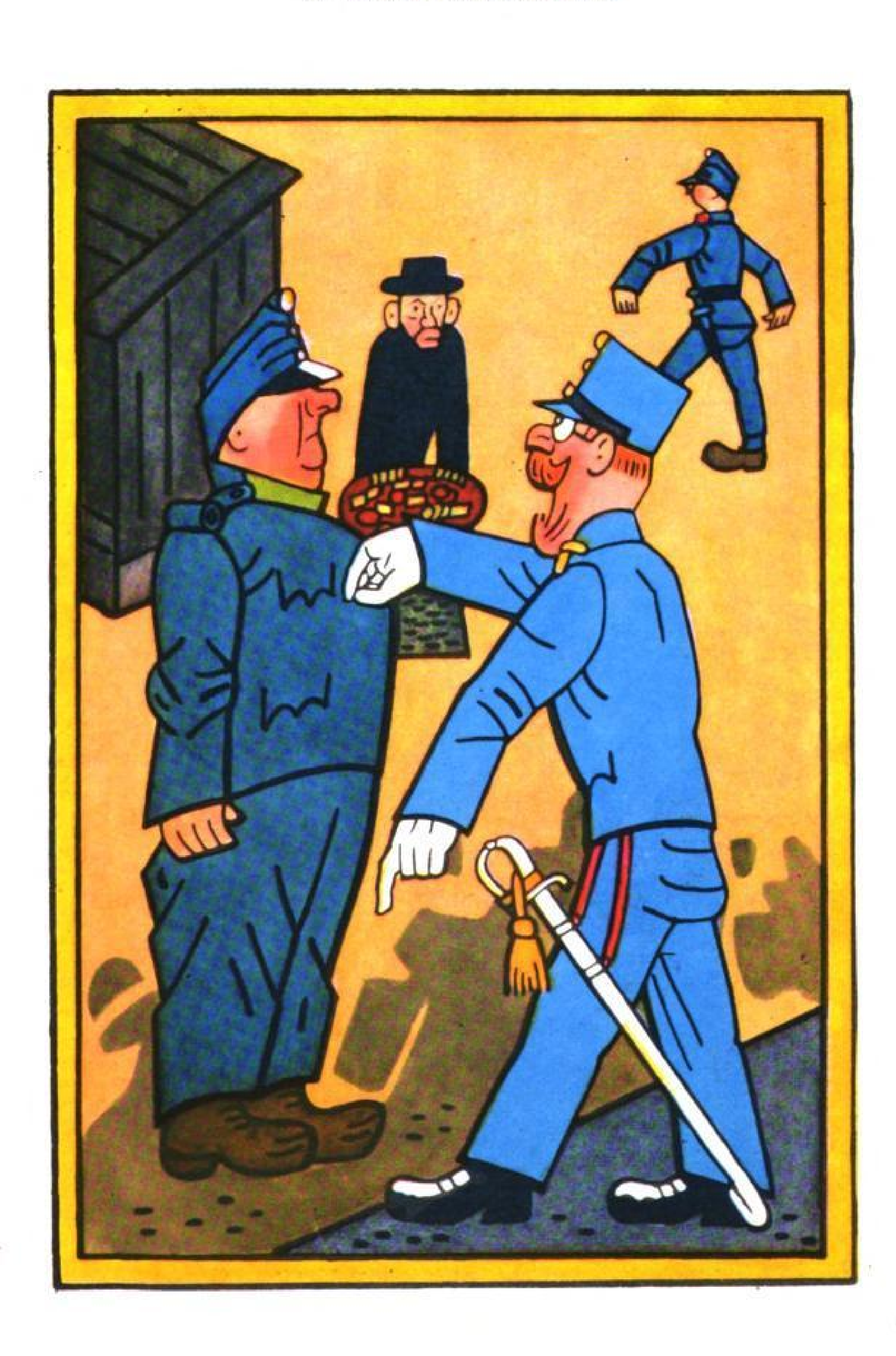
Ладе не было и двенадцати лет, когда ему впервые попал в руки сборник народных песен с иллюстрациями знаменитого чешского художника Алеша. Ребенок был потрясен тем, что все увиденное на рисунках было ему так знакомо и близко. Как будто это он сам выглянул из окна своей халупы и увидел и старый костел, окруженный тополями, и кудрявую липу с широкой кроной, и маленькие домики, которые как будто смотрят друг на друга, и старичков с

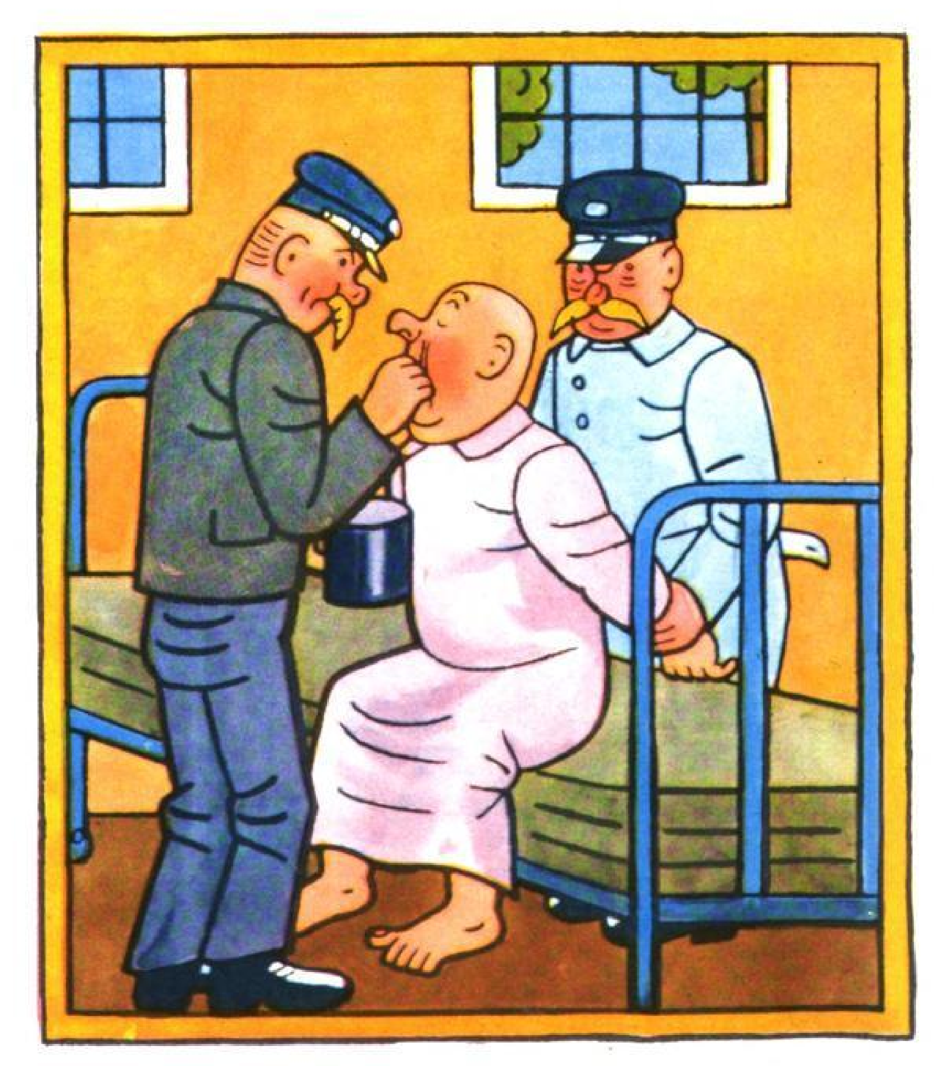
Jos. Lada

Иозеф Лада. АВТОПОРТРЕТ.

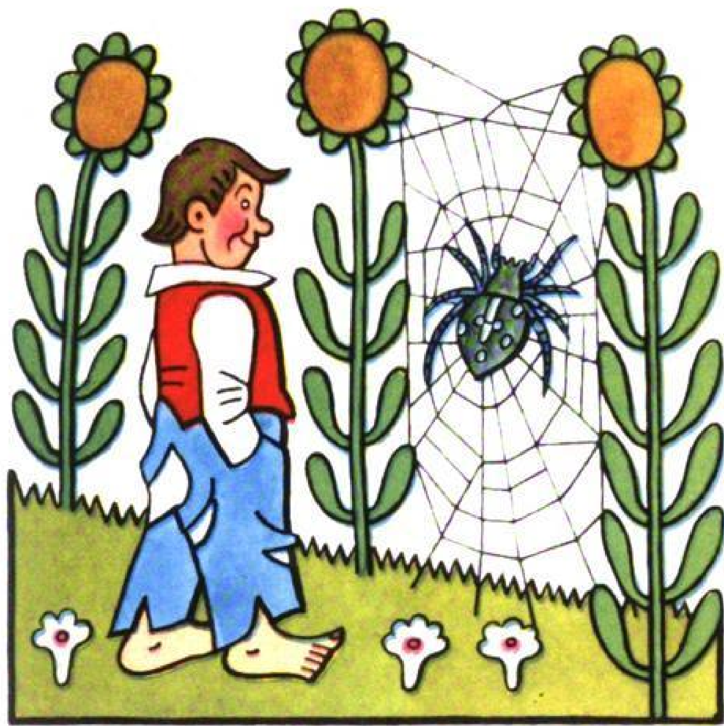

ИЛЛЮСТРАЦИИ К САТИРИЧЕСКОМУ РОМАНУ ЯРОСЛАВА ГАШЕКА «ПОХОЖДЕНИЯ БРАВОГО СОЛДАТА ШВЕЙКА».

Иозеф Лада. ИЛЛЮСТРАЦИИ К «МОЕЙ АЗБУКЕ» И «ВОСПОМИНАНИЯМ ДЕТСТВА».

длинными трубками в зубах, закутанных в платки старушек, и задумчивых девушек, поющих бесконечно долгие песни о суженом-ряженом.

Это было открытием для ребенка: оказывается, все, что тебя окружает, можно перенести на бумагу, и все это будет связано с песней, со словом. Он начинает сочинять песни обо всем, что видит и слышит, и рисовать к ним соответствующие картинки, заполняя целые тетради.

Впечатления детства пронес художник через всю свою жизнь. Именно им он обязан тому непосредственному видению мира, той свежести и яркости восприятия, которые он сохранил и в свои зрелые годы.

В тринадцать лет Лада стал учеником переплетчика в Праге. Чумазый ученик переплетчика, в жалкой одежонке и грязном фартуке, робкий и застенчивый,— таким переступил однажды Лада порог редакции альманаха «Май», чтобы предложить свои «картинки». К его величайшей радости и удивлению, «картинки» были приняты. В 1904 году в «Мае» был напечатан его первый рисунок, изображающий часовню св. Мартина на Вышеграде. Продолжая работать у переплетчика, Лада стал учиться в вечерней художественной школе и сотрудничать в столичных юмористических и сатирических журналах.

В 1907 году он познакомился с Гашеком, подружился с ним и вскоре привлек своего друга к участию в журнале «Карикатуры», редактором которого Лада стал в 1909 году. Это было время становления Лады-сатирика, бичующего своими карикатурами австрийский милитаризм, произвол полиции, тупоголовых бюрократов, узколобое мещанство. Духовное родство Лады с Гашеком, их многолетнее творческое содружество позволили художнику донести до читателя и острый гротеск Гашека, и его лукавую усмешку, и его искрящийся юмор.

Подобно самому Гашеку, который много лет вынашивал образ своего героя, Лада не сразу нашел черты «настоящего» Швейка. В 1921 году по просьбе Гашека и издателя Франты Сауэра он нарисовал обложку для первой части романа, выходящей отдельным изданием. «Я изобразил Швейка раскуривающим свою трубочку под летящими пулями и гранатами и рвущейся шрапнелью,— рассказывает позднее художник.— Добродушное лицо, спокойное выражение, по которому понятно, что он себе на уме, но в случае необходимости может прикинуться дурачком».

Но это был еще не тот Швейк, которого знают сейчас читатели. Его образ придет к художнику позднее, уже после смерти Гашека. В 1924 году Лада начал печатать в воскресном приложении к газете «Ческе слово» «Похождения бравого солдата Швейка», сопровождая их иллюстрациями. Им было создано свыше пятисот рисунков. Позднее роман с этими иллюстрациями был выпущен издательством А. Сынека. Иллюстрации публике очень понравились, а вот сам художник не был доволен образом Швейка и продолжал над ним работать.

Только при третьем издании книги остановился он на окончательном варианте, который и был единодушно признан читателями «настоящим». Этот ладовский Швейк настолько слился с гашековским, что в сознании читателей они стали совершенно неразделимы.

Лада очень любил детей. Он хорошо знал детскую психологию и великолепно улавливал особенности детского восприятия мира. Для детей он не только рисовал, но и писал. Особенно хороши сказки «дедушки Лады». Художник как бы сам погружается вместе со своими маленькими читателями в волшебный, многокрасочный мир народной фантазии, обогащая его своим светлым юмором, веселой иронией, мудрой, ненавязчивой поучительностью.

Лада умер 14 декабря 1957 года, не дожив трех дней до своего семидесятилетия. В историю национальной культуры он вошел как большой самобытный художник и писатель, в котором яркий талант так счастливо сочетался с лучшими чертами чешского народного характера — жизнерадостностью, трудолюбием, неисчерпаемым юмором.

С. ВОСТОКОВА,
кандидат филологических наук

О ХОККЕЕ ВЧЕРАШНЕМ И СЕГОДНЯШНЕМ

Евг. РУБИН

Фото А. БОЧИНИНА.

Всякие бывают спортивные встречи. Одни тут же улетучиваются из памяти, а другие запоминаются навсегда. К таким «вечным матчам» относится и хоккейная встреча ЦСКА — «Спартак», состоявшаяся в ноябре нынешнего года. Это был один из редчайших по красоте и драматичности поединков. К седьмой минуте матча казалось, что ничто уже не в силах изменить ход событий. Армейцы, имеющие в своих рядах чуть ли не половину сборной страны, вели 2 : 0. Но к перерыву спартаковцы каким-то чудом отыгрались. Во втором периоде шла напряженнейшая битва за каждый сантиметр льда, за территориальное и психологическое превосходство, и шайба так и не побывала ни в чьих воротах. Но на третий период девятикратных чемпионов не хватило. Прибой спартаковских атак смял оборонительные бастионы армейцев. Молодая команда одержала блистательную победу со счетом 6 : 4, причем две шайбы были забиты в ворота ЦСКА, когда спартаковцы находились на площадке в численном меньшинстве.

Этот матч имел одну особенность. О ней, вероятнее всего, не вспомнят в будущем, но для разговора о нашем сегодняшнем хоккее она чрезвычайно важна. Дело в том, что встреча эта ничего не решала. Это была игра предварительного турнира, и исход ее был, по существу, безразличен для обоих противников. Почему же тогда в тот вечер, ни на мгновение не затихая, бушевали страсти на ледяном поле и трибунах Дворца спорта? Ради чего ломались копья?

Не знаю, согласятся ли со мной хоккейные специалисты, но, по-моему, дело тут было не только в том, что встретились две команды, в равной мере претендующие называться лучшими в стране. Не это, по-моему, сыграло главную роль. В тот вечер во Дворце спорта решался принципиальный спор двух школ, двух стилей. Один из них представляла тройка армейских нападающих — К. Локтев, А. Альметов и В. Александров, другой — форварды «Спартака» братья Б. и Е. Майоровы и В. Старшинов. Принципиальность этого спора, непримиримость спорщиков и раскалили докрасна атмосферу.

Что же не поделили между собою рыцари ледяных полей? Чтобы ответить на этот вопрос, нам придется восстановить в памяти дела давно минувших дней, дела шестнадцатилетней давности.

Взлет нашего хоккея был дерзок и стремителен. Двухлетним младенцем он вступил в равный поединок с признанным хозяином европейского льда — хоккеем Чехословакии. Девяти лет от роду в Стокгольме он надел корону чемпиона мира, а в одиннадцать лет в Кортина д'Ампеццо стал обладателем олимпийского золота. Причем в обоих случаях на его пути стояла команда родины хоккея — Канады, пятнадцатикратный чемпион мира. Но затем наступила пора разочарований. В Москве и в Праге нам пришлось уступить золотые медали, оставив за собой вторые места, а на соревнованиях в США и Швейцарии нас оттеснили на третью ступень пьедестала почета.

Наш хоккей с шайбой вышел из хоккея с мячом. Сменив просторное поле на крошечную ледяную площадку, советские хоккеисты взяли с собой и небывалые скорости хоккея с мячом, и его длинные пасы «на выход», и его многочисленные хитроумные перемещения. Все это они привезли на свой первый международный дебют в Стокгольм. Противники были ошеломлены. И даже многоопытные канадцы, привыкшие до сих пор встречаться лишь со своими учениками и последователями, растерялись. На чемпионате мира 1954 года в Стокгольме канадцы были техничнее нас, лучше бросали шайбу, умели лучше играть корпусом, но все это не спасло основоположников хоккея от «русского тайфуна». Они не сумели найти противоядие тактическому оружию советских хоккеистов и проиграли с достаточно красноречивым счетом — 2 : 7.

Тогда многие специалисты сочли поражение признанных корифеев случайностью, но спустя два года на Олимпийских играх в Кортина д'Ампеццо советские хоккеисты снова завоевали первенство. И хоккейный мир заговорил о том, что на свете появились две школы игры — советская и канадская. Канадскую отличал от нашей огромный силовой напор, жесткость в защите, приверженность к игре корпусом, игре, как говорится, «не на шайбу, а на игрока», стремление как можно чаще обстреливать ворота.

Итак, сначала наша школа взяла верх, но ничто не вечно в спорте. И, как уже сказано выше, победы сменились поражениями. Нет, канадцы и не думали доказывать превосходство своего стиля. Они пошли по нашему пути. Не отказавшись ни от одного из своих хоккейных принципов, они понемногу брали на вооружение главное средство советских хоккеистов — атаки, скорость.

Примеру канадцев последовали и остальные фавориты мирового хоккея — спортсмены Чехословакии, Швеции, США. Мы же продолжали полагаться только на свои, если можно так выразиться, «доморощенные» качества. Так пришли неудачи. Я был на последнем чемпионате мира в Швейцарии. Всех нас, кто следил за событиями на катках Женевы и Лозанны, поражало то обстоятельство, что и канадцы, и чехи, и даже всегда считавшиеся медлительными шведы догнали нас, догнали в буквальном смысле этого слова: скорости сравнялись.

Собственно, нельзя сказать, что первые неудачи прошли бесследно для советской команды. Спорт немыслим без новаторов, без первопроходцев. Хоккейным новатором стал один из самых выдающихся наших мастеров — защитник ЦСКА Николай Сологубов. «Стиль Всеволода Боброва» стал в советском хоккее медленно, но верно уступать место «стилю Николая Сологубова», стилю, в котором к бобровской скорости и легкости добавлялись сологубовские атлетичность и умение вести силовую борьбу.

У Сологубова довольно быстро нашлось много последователей. Они заняли свои места в сборной. И все-таки в США, а затем в Швейцарии мы потерпели фиаско. Почему? Я думаю, что и это имеет свои причины. Дело в том, что на первых порах за Сологубовым пошли главным образом защитники. Иван Трегубов и Альфред Кучевский, Генрих Сидоренков и Александр Прилепский превосходно усвоили канадские уроки, не забыв того, что знали, играя в хоккей с мячом. А вот нападающие еще долго не хотели вооружаться силовыми приемами. Останься среди них сам Бобров, этот блестящий спортсмен первым, вероятно, взялся бы за уче-

бу. Но над возрастом никто не властен!

Историю нашего сегодняшнего хоккея писать еще рано. И все-таки, мне кажется, мы на старте ее нового этапа... Давайте же вернемся к спору в Лужниках, спору, разгоревшемуся на глазах четырнадцати тысяч беспристрастных (но отнюдь не бесстрастных!) судей — московских болельщиков. В истории нашего хоккея вряд ли найдется (не считая «бобровской») более эффектная, более стремительная, более, я бы сказал, блестящая тройка нападения, чем первая тройка нынешнего ЦСКА: Локтев — Альметов — Александров. Техника всех трех безупречна, комбинации изящны, голы красивы. Они обычно забрасывают едва ли не половину «армейских» шайб. Но, странное дело, все свои великолепные качества эта тройка словно забывает в номере гостиницы, отправляясь на решающий матч чемпионата мира с хоккеистами Канады или Чехословакии. Во всяком случае, так было в Швейцарии на моих глазах, так было, по свидетельству очевидцев, и в Скво Вэлли.

Что это? Нервы? Боязнь получить травму? Не думаю. Причина, на мой взгляд, иная. Армейская тройка (исключая, пожалуй, Альметова) продолжает исповедовать хоккей времен Боброва, тот самый хоккей, к которому давно приспособились лучшие команды мира.

В их споре со спартаковцами я на стороне спартаковцев, потому что, по моему глубокому убеждению, Майоровы и Старшинов — это сегодняшний хоккей. Эти трое — осознанно или неосознанно — стали наиболее яркими и верными последователями Сологубова, перенеся его стиль в игру нападения. Они, как и их учитель, остались верны старым богам нашего хоккея — скорости и комбинационности. Но периоды их пребывания на поле — это периоды бури и натиска, время мужественного силового единоборства с защитой соперника.

Б. Майорову не остается ни одного мгновения для размышлений: идет матч «Спартак» — ЦСКА, в напряженном силовом поединке отобрана шайба у армейца А. Фирсова, и спартаковец устремляется в атаку.

Для руководителей сборной команды СССР А. Чернышева (внизу) и А. Тарасова происходящее на ледяном поле — предмет глубоких раздумий.

Победа «Спартака» в этом поединке, где целью были не два очка, а принцип, по-моему, знаменательна. Это уже вторая победа «Спартака» над армейцами в последних трех играх между ними (одна закончилась вничью). Причем заметьте: в матче, о котором идет речь, «спартаковская» тройка забросила четыре шайбы, «альметовская» — только две.

— Но ведь спартаковцы тоже были в составе нашей сборной, так неудачно сыгравшей в Швейцарии,— возразит мне читатель.— Почему же там не раскрывались их достоинства?

Да, Майоровы и Старшинов играли в Швейцарии, и играли очень хорошо. Шутка сказать: Борис Майоров оказался самым результативным нападающим чемпионата мира! Правда, по мнению тренеров сборной, которых радовали боевые качества молодых спартаковцев, они неудачно сыграли при защите своих ворот. Но нельзя ведь сбросить со счетов и того обстоятельства, что Майоровы и Старшинов были дебютантами чемпионата мира, а значит, в отличие от большинства своих партнеров, и прежде всего армейских форвардов, не имели высшего хоккейного образования.

У всякой спортивной теории есть единственный пробный камень — соревнование. «Высшая экзаменационная комиссия», устанавливающая подлинные достоинства и недостатки спортсменов и команд,— чемпионат мира. К сожалению, в прошлом сезоне экзамен не состоялся. Политиканы из американского госдепартамента не выдали въездных виз игрокам ГДР, и советские и чехословацкие хоккеисты, естественно, оказались солидарны со своими немецкими друзьями.

Но если не «госэкзамены», то по крайней мере «зачеты» нашей сборной сдавать пришлось. В середине сезона, накануне чемпионата мира, советская команда обыграла национальные сборные Швеции и Чехословакии. Вернувшись из Чехословакии, тренер сборной команды Аркадий Чернышев, между прочим, человек чрезвычайно скромный и осторожный в прогнозах, сказал мне:

— Ко времени чемпионата мира 1962 года мы достигнем лучшей своей формы. Перспективы, на мой взгляд, самые радужные.

В то время Чернышев не знал еще, что Канада будет представлена на несостоявшемся чемпионате мира в Колорадо Спрингс довольно слабой командой, которую без труда обыграют шведы. А ведь мы победили накануне шведскую сборную — знаменитую «Тре крунур» дважды, и оба раза на ее полях.

Что ж, американские власти помешали советским спортсменам вернуть мировую корону. Но, к счастью, они не в силах помешать им вступить в битвы за нее в марте будущего года в Стокгольме — городе очередного чемпионата мира.

Пока же сборная страны готовится к чемпионату. Первым шагом этой подготовки была поездка в Канаду. Перед отъездом советской команды на родину хоккея я беседовал с ее тренерами А. Чернышевым и А. Тарасовым.

— Мы пока далеки от лучшей своей формы,— говорят оба.— Да это и понятно. Наша цель — достигнуть высшего уровня подготовки к концу февраля — к тому времени, когда сборная СССР отправится в Швецию. А до этого нам еще предстоит много интересных встреч. Мы побываем в гостях у хоккеистов Чехословакии и ГДР, примем в Москве сборную США. Что же касается канадского турне, то там нам особенно важно «обстрелять» молодых игроков, а их в сборной особенно много.

...Эта цель и была выполнена. Канадское турне этого года следует признать удачным: из девяти встреч восемь закончились нашей победой. Счет шайб 47 : 27. Однако не надо утешать себя цифрами. К сожалению, в Канаде советские хоккеисты не встретились со своим главным противником на будущем чемпионате мира — командой «Трейл смоук Итерс», которую, впрочем, хорошо знают. Москвичи, конечно, не забыли «Трейл», гостившую в СССР два года назад, не забыли «непробиваемого» вратаря Мартина, железных защитников Смита и Слайка, нападающих во главе с опытным и хитрым Бобом Кроммом. Спустя месяц после визита в Москву «Трейл» стал чемпионом мира.

И вот, обжегшись в Колорадо

Спрингс на шведах, канадцы решили послать в Стокгольм на чемпионат мира 1963 года проверенных бойцов «Трейл смолк Итерс». Я не просил тренеров сборной высказывать прогнозы относительно чемпионата мира: до Стокгольма еще слишком далеко — три месяца. Но я уверен (пусть простит меня читатель за решительность в прогнозах), что в Швеции наши хоккеисты сыграют лучше, чем в Швейцарии, а на инсбрукской олимпиаде 1964 года — лучше, чем в Швеции. Мне кажется, что истина, рожденная в споре между «Спартаком» и ЦСКА на льду Дворца спорта, сыграет здесь свою роль.

У нового хоккейного стиля, который отличает игру «старшиновской» тройки, уже много приверженцев. Якушев и Юрзинов, Рагулин и Давыдов, Чистовский и Грошев, Козин и Величкин, Дроздов и Фирсов, Стаин и Стригачов. Да и сама великолепная тройка ЦСКА — вся без исключения,— разве не будет она в составе сборной? Конечно, будет! Ведь Альметов, Локтев и Александров, невзирая на их огромный опыт, еще молоды, их занятиями руководит такой крупный знаток хоккея, как Анатолий Тарасов, и у них есть все необходимое, чтобы расти и расти.

Я не знаю, привезем ли мы из Стокгольма золотые медали. Говоря «сыграем лучше», я имею в виду самый точный смысл этого слова: именно сыграем, то есть покажем хоккей более техничный и комбинационный, более красивый и зрелый, более мужественный и атлетичный, чем два года назад на катках Скво Вэлли, Лозанны и Женевы. И это будет залогом будущих успехов!

Николай Гриценко в «Живом трупе»

Настоящее

Д. СТАРИКОВ

Да, очень оригинально,— в общем-то с неподдельным восхищением, даже покачав головою от удовольствия, глубокомысленно заметил в первом действии драмы музыкант после пения любимой Фединой «Не вечерняя...»

Словно от внезапного болезненного прикосновения, вскидывает руку Федя Протасов и укоризненно взглядывает на сказавшего; ощутив царапающий отголосок пошлости в «ученом» словце, он сразу же с досадой отсекает фальшь:

— Не оригинально...— И, обращаясь уже больше к певцам, как бы для себя самого подыскивая верное объяснение и название самой песне и чувству, вызванному песней, продолжает: — ...а это...— и заканчивает тихо, но широко, освобожденно, будто вздохнув,— настоящее...

В этих словах — ключ к трактовке роли Феди Протасова народным артистом РСФСР Николаем Олимпиевичем Гриценко на сцене Театра имени Евг. Вахтангова.

«Настоящее или ненастоящее?» — так, кажется, и можно бы сформулировать Федино «быть или не быть», если б не присутствовало в такой формуле оттенка рассудочного «испытательства» по отношению к жизни — качества, совершенно чуждого увлекающейся, горячей и даже, как говорили в старину, горячечной Фединой натуре, и если б вообще поддавалась формулированию эта его внутренняя тяга к правде, это его совершенно естественное для всего живого отвращение ко лжи, ужас перед тленом, перед мертвечиной пустословия, пустомыслия, пустосердечия. И когда все уже пережито и понято, когда ничего, никакого просвета не осталось в его жизни, даже и тогда, в самой последней сцене своей драмы, в трагическом ее апофеозе, Протасов-Гриценко остается собою. Ничего картинного, никакой аффектации нет в потрясающей сцене его самоубийства: один по эту сторону барьера, отделяющего его от пестрой толпы, устремившейся в зал суда, Федя, отвернувшись, как-то неловко ссутулился, быстро, прикрываясь бортом своего поношенного сюртука, сунул что-то из кармана за пазуху, и вдруг — сухой хлопок выстрела! Федя падает. К нему бросаются, его подхватывают.

— Ничего, кажется, хорошо,— с усилием негромко говорит он, снова, в последний уж раз, мысленно вглядываясь в происшедшее.

«Кажется, хорошо...»

Протасов-Гриценко произносит это, как бы прислушиваясь к своему сердцу, сосредоточенно, с надеждой, но все еще проверяя себя, все еще со стыдливой недоверчивостью.

И только попрощавшись с Лизой и Виктором и оставшись с Машей, только окончательно уверившись в правде и правоте своего ухода и в бесповоротности его, Федя вольно и спокойно, будто единым глубоким вздохом, как говорил когда-то: «...Настоящее»,— скажет теперь: «Как хорошо. Как хорошо».

Воистину, «он человек был в полном смысле слова»!

Не в этом ли современность пьесы Толстого? И в самом деле, как остроумно писал в 1959 году по поводу «Живого трупа» критик Ю. Юзовский, не затем же сегодня спешим мы в театр, «чтоб удостовериться в несовершенстве царского законодательства о браке, не ради же этого сюжета, волновавшего дореволюционного зрителя!..» Стремясь определить сегодняшний смысл толстовской пьесы, критик и выдвигал на первый план именно ее нравственный пафос, утверждая:

> «...Когда мир эксплуатации повержен и острый меч диктатуры обнажен на случай, если этот поверженный мир так или иначе попытается реваншировать, в этих условиях моральное начало... приобретает, наконец, опору для своего реального, а не донкихотского существования... и задача наша в том, чтоб этому содействовать».

Страстным призывом к доброте, к душевной порядочности, к нравственному совершенствованию и любви звучит сегодня голос Толстого в «Живом трупе». И, кажется, мы могли бы, остановившись на этом, с чистым сердцем повторить восторженные слова Ю. Юзовского, согласуемые и с толстовской ремаркой, отмечающей, что Федя «приходит в восторг» от озарившей его

> «великой мысли — полюбил потому, что добро сделал,— и подтекст этих слов, обращенный к зрителю, кажется, звучит так: ведь вот я жизнью заплатил за эту истину в наивной уверенности, что она осуществима в мое время, но вы, сидящие здесь, вы призваны жить для этой истины, и сама жизнь вокруг вас склоняет вас к этому, так становитесь же лучшими, раз получили такую возможность».

Но что-то еще важное в Протасове-Гриценко и во всем спектакле вахтанговцев, поставленном народным артистом СССР Р. Н. Симоновым (режиссер — народная артистка РСФСР Е. Г. Алексеева), мешает мне полностью разделить воодушевление критика...

Да, Протасов-Гриценко тоже «всю свою душу вкладывает» в эти слова: «Оттого-то я люблю Машу, что я ей добро сделал, а не зло. Оттого люблю». И с не меньшей силой убежденности, «возвышая голос», как того хотел автор, высказывает он перед следователем свое понимание происшедшей драмы:

> «Живут три человека: я, он, она. Между ними сложные отношения, борьба добра со злом, такая духовная борьба, о которой вы понятия не имеете. Борьба эта кончается известным положением, которое все развязывает. Все успокоены. Они счастливы — любят память обо мне. Я в своем падении счастлив тем, что я сделал, что должно, что я, негодный, ушел из жизни, чтобы не мешать тем, кто полон жизни и хороши. И мы все живем».

Но вся ли правда Фединой жизни, вся ли великая ее истина высказалась в этих искренних и посвоему справедливых словах?..

Ну, разумеется, «...сюжет только тогда хорош, когда он находит в душе отклик и сливается с невысказанными желаниями». Следует иметь только в виду, что эти последние слова принадлежат самому Толстому и сказаны им... как раз по поводу «Живого трупа»... Так что, думаю, сам-то автор, да

и дореволюционные читатели и зрители его драмы откликались душой на историю Феди Протасова все же не в том весьма узком смысле, как, пародируя вульгарно-социологический подход к искусству, представил нам «сюжет» «Живого трупа» современный критик, и желали, пожалуй, чего-то большего, нежели усовершенствование царского законодательства...

Об этом прямо и просто говорит сам Федя, отвечая князю Абрезкову:

> «Как я дошел до своей гибели? Во-первых, вино. Вино ведь не то, что вкусно, а что я ни делаю, я всегда чувствую, что не то что надо, и мне стыдно. Я сейчас говорю с вами и мне стыдно. А уж быть предводителем, сидеть в банке — так стыдно, так стыдно... И только, когда выпьешь, перестанет быть стыдно».

И потом, уже опустившись на дно, подводя горькие итоги своей жизни, Федя снова скажет:

> «Всем ведь нам в нашем кругу, в том, в котором я родился, три выбора — только три: служить, наживать деньги, увеличивать ту пакость, в которой живешь. Это мне было противно, может быть не умел, но, главное, было противно, второй — разрушать эту пакость: для этого надо быть героем, а я не герой. Или 3-е: забыться — пить, гулять, петь,— это самое я и делал... мне нужно было забываться».

Вот, оказывается, еще с какими невысказанными желаниями сливается сюжет драмы «Живой труп»: пакостное, лживое, изжившее себя устройство общественного и личного бытия должно быть разрушено до самого своего основания, в самих своих началах, постыдных для человека, чуткого на фальшь и малейшую жестокость! Ибо этот нравственно здоровый, живой человек, если он неспособен к героической борьбе и вынужден существовать в пакостном круге, уготованном ему рождением и судьбою, неминуемо уподобляется господствующей, торжествующей над миром мертвечине — хочет ли и способен ли он умножать пакость корыстолюбия, или, напротив, в силу своей «психической тошноты» (выражение Д. Н. Овсянико-Куликовского) ненавидит эту пакость. Нет и не может быть «третьего пути» в этом мире: или жизнь, борьба против смерти, или смерть. **Надо быть героем** — вот еще какое невысказанное (а впрочем, даже и высказанное!) желание в конечном счете несет в себе драма Феди Протасова!

— ...А я не герой,— разведя руками, с горькой, чуть иронической усмешкой признается Протасов-Гриценко. О, как он хотел жить, как страстно вырывались из самой его груди светлые, ликующие слова, обращенные к плачущей Маше: «Жить надо, а не хныкать»! И с каким отчаянием, не желая примириться с ужасной правдой, понимает: «А главное, главное. Что моя жизнь? Разве я не вижу, что я пропащий, не гожусь никуда. Всем и себе в тягость... Негодящий я...»

Протасов-Гриценко всем существом своим сознает: «забыться» — значит забыть себя, убивать свою душу живу. «...Надо быть героем», а он не мог, и потому «нужно было забываться». На наших глазах Федя Протасов в изнуряющем разногласии с самим собой, с тем, что «сам от себя требует», влечется к «неприметному и откровенному самоуничтожению — разврату, пьянству и самоубийству всех видов» (А. Блок).

> И, наконец, придет желанная усталость,
> И станет все равно...
> Что? Совесть? Правда? Жизнь? Какая это малость!
> Ну, разве не смешно?

Нет, Феде не смешно, когда он говорит о добре, о честности... Но он еще и не видит, как иллюзорна всякая доброта в его мире, не чувствует жестокого эгоизма этой доброты.

— Где же она теперь? — спрашивает о Маше его собеседник, художник Петушков.

— Не знаю. И не хотел бы знать. Это все было из другой жизни. И не хочу мешать с этой,— отрезает Протасов, добрый, честный, правдивейший Протасов!

Он все еще неспособен подняться над собой, понять весь ужас словесной игры, по которой мертвечина именуется жизнью (даже «другой жизнью»!), а мертвецы — «полны жизни и хороши»... Он еще может сказать адвокату, что если его судят, то только за то, что он не совершил «самоубийства, т. е. того, что считается преступлением по закону и гражданскому и церковному»,— его еще волнует этот дикий парадокс, его — живого среди мертвецов и заживо хоронящего себя! — еще забавляет балаганчик, в котором он, живой,— труп, и даже тело найдено и похоронено...

> Живые спят. Мертвец встает из гроба,
> И в банк идет, и в суд идет, в сенат...
> Чем ночь белее, тем чернее злоба,
> И перья торжествующе скрипят...

Право, есть что-то жалкое и пронзительно жалящее, точно юродивость, в том, как посреди этих леденящих душу «плясок смерти» Федя в грязном тряпье и рваных башмаках, с пьяной ухмылкой увлеченно рассказывает свою «удивительную историю» в мрачном трактире, осененный пыльным фикусом; в какой неистовый восторг приходит он от мысли своей о добре; с какими светлыми, добрыми глазами просит прощения у Карениных, и, будто надеясь на чудо, тянется к Лизе, и, точно высокий дар, принимает рукопожатие Виктора, и склоняется в земном поклоне...

Но пробил час.

Сыграна комедия суда, в которой подсудимые, разумеется, «с большим достоинством» «несли свое положение», «особенно Каренин и Лизавета Андреевна», как торжественно и доверительно рассказывает князю Абрезкову молодой адвокат, восхищенный речью защитника Петрушина. «Не их судят, а они судят общество. Это чувствуется. На эту тему и ловит Петрушин».

Протасов-Гриценко, как затравленный, прячется за угол от публики. И он уже ничего не может и не хочет говорить «им». Это не от взволнованности, не от горячки. Спокойно и твердо отвечает он Петрушину: «Я ничего не скажу». «Отчего?» — несколько удивлен тот неожиданному капризу подзащитного. Но это не каприз. «Не хочу и не скажу»,— глухо и как о деле, окончательно продуманном и решенном, отвечает Федя. Он только что спрятал в карман пистолет, только что поделился с нами своим выводом, своим решением: «Глупо, пошло. Скучно. Скучно. Бессмысленно.»

Пробил час. Федя Протасов больше не участник фантастических «плясок смерти». Он заговорил словами Александра Блока тех самых «глухих годов» России, когда драма «Живой труп» покоилась среди бумаг ушедшего Толстого: «Все опостылело, смертная тоска... ужасное одиночество и безнадежность»; «Тоскливо и страшно пусто»; «Жестко мне, тупо, холодно, тяжко...»

В 1911 году — как раз тогда, когда впервые была опубликована и поставлена драма «Живой труп», Блок в главных чертах набросал поэму «Возмездие», в предисловии к которой, написанном позже, он говорит о Толстом как о воплощении «человеческой нежности — мудрой человечности». В поэме, названной недвусмысленно и грозно, отчетливо выразилось то ожидание гневной зрелости, «злобы», которым дышало блоковское отвращение к «позорному строю» России, так знаменательно совпавшее с переживаниями Феди Протасова. С гневом отвергал поэт фарисейство буржуазного гуманизма, призрачную лживость той «жизни» в кавычках, которую освящали громкие слова о свободе, равенстве и братстве,— «жизни», в которой человек жил «безвольно».

Разве объективно и драма Феди Протасова всей своей сутью не отвергала тот серый и гнилой «гуманистический туман»?.. Разве и она не звала к возмездию, не повествовала «о том, что мы в себе таим, о том, что в здешнем мире живо», то есть «о том, как зреет гнев в сердцах, и с гневом — юность и свобода»?..

> «Либералы выдвигают на первый план, что Толстой — «великая совесть».— писал Ленин в 1910 году.— Разве это не пустая фраза..? Разве это не обход тех конкретных вопросов демократии и социализма, которые Толстым поставлены? Разве это не выдвигает на первый план того что выражает предрассудок Толстого, а не его разум, что принадлежит в нем прошлому, а не будущему..?»

Фото М. Дулькиной и М. Чернова.

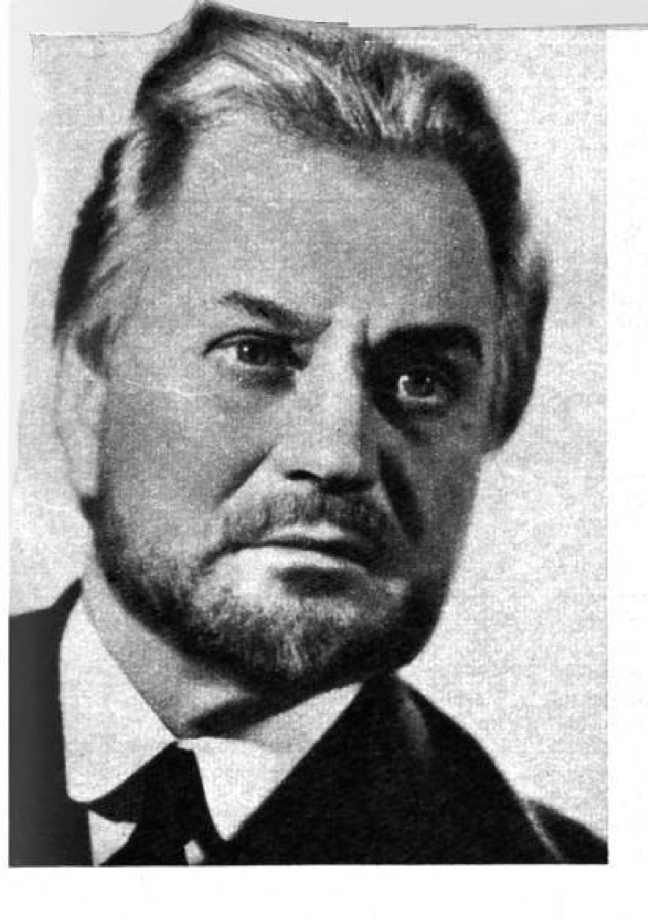
Ленин решительно противопоставлял «накипевшую ненависть, созревшее стремление к лучшему, желание избавиться от прошлого», отразившееся в творчестве Толстого, и «незрелость мечтательности, политической невоспитанности, революционной мягкотелости», усматривая как раз в этом непримиримом противоречии первопричину душераздирающего слияния «протеста» и «отчаяния», свойственного «тем, кто не понимает причин зла, не видит выхода, неспособен бороться».

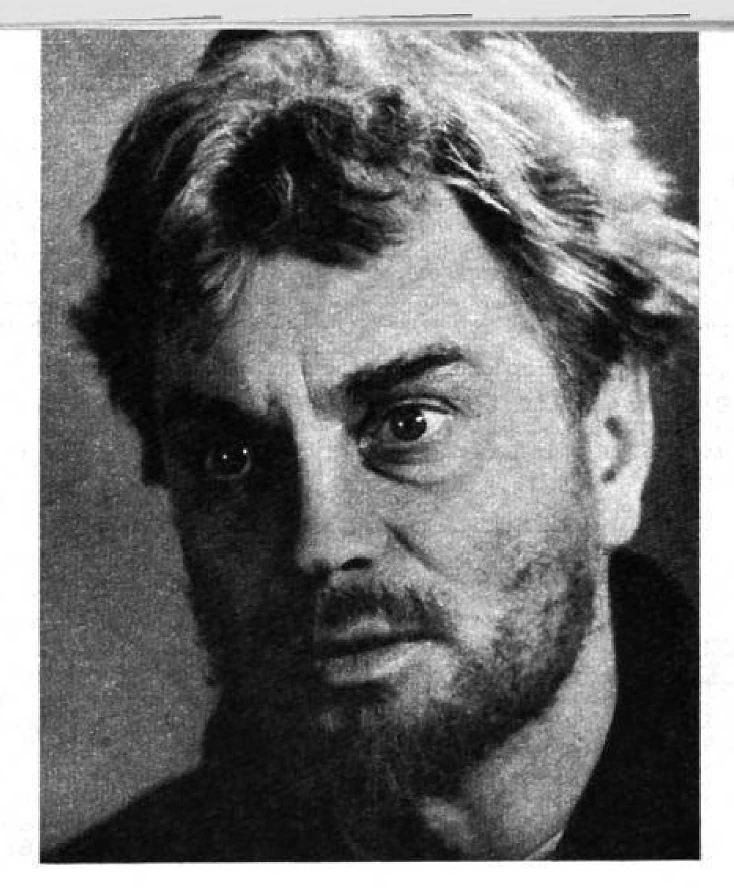
В страстной потребности «реального гуманизма», коренного революционного преобразования жизни на новых политических, экономических и, следовательно, нравственных началах и заключен для нас сегодняшний смысл «Живого трупа» и его сценической интерпретации.

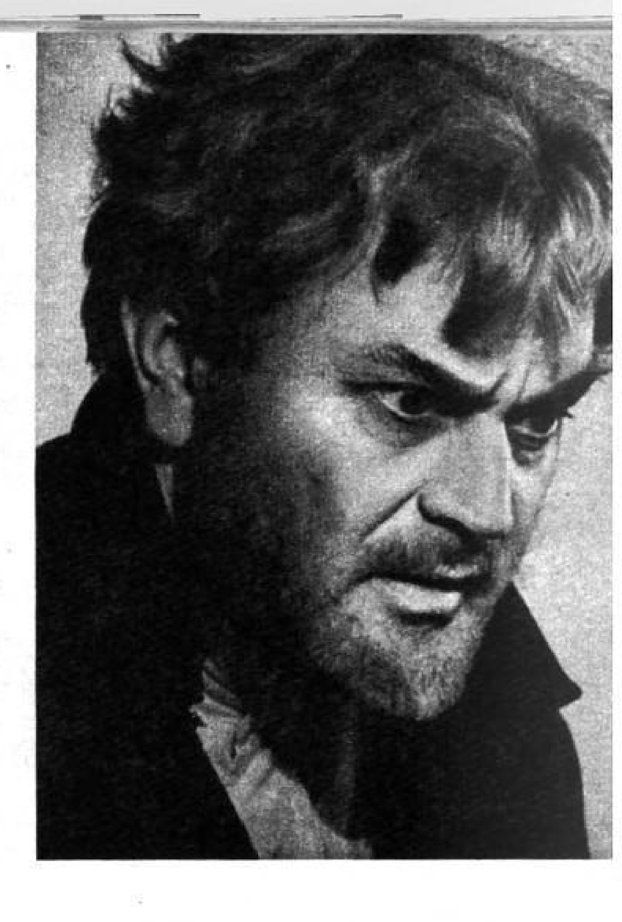
«Случай» же, когда старый мир, мир эксплуатации, «так или иначе» пытается «реваншировать», предоставляет нам отнюдь не в единственном числе и, увы, не в условном наклонении каждый день сегодняшней нашей жизни. Так что современное содержание революционной диктатуры если и может выразиться в едином отвлеченном символе, то, конечно же, «острым мечом», обнаженным «на случай» и дополненным оливковой ветвью «морального воспитания и самовоспитания», тут не обойтись; Ленину был более по душе нынешний наш государственный герб — серп и молот.

— ...**Становитесь же лучшими**, раз получили такую возможность!.. Как действительно нужен сегодня этот призыв, как отвечает потребностям нынешнего этапа нашей борьбы этот моральный «подтекст» толстовской драмы, чутко услышанный современным критиком! Но «сюжет» «Живого трупа» находит отклик в душе сегодняшнего зрителя не в самой по себе потребности нравственного роста и совершенствования.

— **Делайте жизнь лучшей**, создавайте действительную возможность для реального торжества морали истинно человеческой, для подлинной свободы и полной гармонии! — вот какой социальный смысл приобретает ныне наше стремление к нравственному

совершенству, наше желание стать лучшими. Вот какие «чувства добрые» пробуждает в нас и драма Феди Протасова.

В конце ноября 1900 года Толстой, раздумывая о тяжких условиях жизни русского крестьянства, записал в дневнике: «...Вспомнил то, что забыл: жизнь народа: нужду, унижения и наши вины. Ах, если бы бог велел мне высказать все то, что я чувствую об этом. Драму «Труп» надо бросить».

Работая над «Живым трупом», Толстой неотступно думал о другой, «большой драме» — «И свет во тьме светит»; многие годы была у него под руками заветная тетрадь со «своей» драмой, то и дело перерабатывавшейся и дописываемой, в которой писатель больше, чем в каком-либо ином своем произведении, стремился отразить свою личную духовную и «внешнюю» (в особенности семейную) жизнь. Он ведь и «Живой труп» решал бросить ради «той драмы»...

Драма «И свет во тьме светит» — последнее произведение Толстого для профессионального театра,— насколько я знаю, не ставилась на сцене, да и вряд ли (в силу некоторых своих особенностей, противоречащих особенностям современного массового театра) будет ставиться, хотя не думаю, чтобы мучительные и в конечном счете бесплодные искания ее героя Николая Ивановича Сарынцова, исповедующего «толстовство», были для нас менее интересными и поучительными, чем, к примеру, жизнь Платонова и его окружения, раскрытые в работе того же Театра имени Евг. Вахтангова над тоже незавершенной юношеской пьесой Чехова. Объективно «И свет во тьме светит» с потрясающей силой раскрывает безысходную противоречивость и утопичность нравственной (религиозно окрашенной) проповеди справедливости и добра, катастрофическое бессилие толстовства хоть мало-мальски изменить жизнь, трагическую невозможность разогнать общественную «тьму» одиноким «светом» совестливой, нравственно чистой души, неспособной мириться с социальным злом имущественного и культурного неравенства и эксплуатации, но неспособной и вести социальную борьбу против этого зла.

«И свет во тьме светит» как бы договаривает многое из «недоговоренного» в «Живом трупе», откровенно выявляет ту заветную цель, которая, в конечном счете, движет драмой Феди Протасова. Толстой здесь как бы открыто провозглашает такие ее подспудные мотивы, какие, очевидно, самим Федей не сознавались, а потому и не могли и не должны быть «договорены» в самой по себе сценической истории его жизни.

Вот Сарынцов во дворе крестьянина — одного из тех, «кто нам чистит сад, строит дома, делает нашу одежду, кормит, одевает нас». В семье — пятеро детей, беременная жена и тяжелобольной муж. Есть нечего, и работать некому, а ведь идет уборка!

И сразу за этой сценой — другой эпизод. «Там же в деревне»,— кричит ремарка.— «Гостиная, рояль». Взрослые дети Сарынцова и их гости музицируют. «После игры все, кроме Бориса, остаются в волнении». (Борис перед этим был в деревне вместе с Николаем Ивановичем...)

> «...Вы все здесь 7, 8 здоровых, молодых мужчин и женщин, спали до 10 часов, пили, ели, едите еще и играете и рассуждаете про музыку, а там, откуда я сейчас пришел с Борисом Александровичем, встали с 3 часов утра,— другие и не спали в ночном, и старые, больные, слабые, дети, женщины с грудными и беременные из последних сил работают, чтобы плоды их трудов проживали мы здесь...— горячо говорит Сарынцов.— А мы здесь обмытые, одетые, бросив по спальням наши нечистоты на заботу рабов, едим, пьем, рассуждаем про Шумана и Chopin, который больше нас трогает, разгоняет нашу скуку... Ну, подумайте, разве можно так жить».

Таковы и московские, уже совсем близкие к жизни Феди Протасова впечатления Николая Ивановича, бывавшего, между прочим, и в печально знаменитом обиталище золоторотцев — Ржановом доме...

Да, сидеть в банке или быть дворянским предводителем уж не просто нелепо и смешно, как в одноактном тургеневском «Завтраке у предводителя», а грешно и стыдно!.. Конечно же, Федя Протасов не Сарынцов, и, даже попав в Ржанов дом в качестве его постояльца, он может произнести о себе и о Карениных: «... Мы все живем»,— и способен смиренно преклониться перед этакой «жизнью», сказав: «Я в своем падении счастлив тем, что я, негодный, ушел из жизни...» Впрочем, здесь, пожалуй, больше сходства, нежели различия: ведь и Николай Иванович не может сделать ничего лучшего, кроме как «не участвовать в этом зле!».

Но для нас важно еще и другое сходство, в конечном счете объединяющее переживания Феди и Николая Ивановича (и самого Толстого) при всех индивидуальных и типических различиях. Для нас и в «Живом трупе» дорого это, по слову Леонида Леонова, поразительное свойство писателя «сильно и ежемгновенно» чувствовать на себе «пристальное... нет, даже в лютых бедах не заплаканное, лишь прищуренное око народное, око нищего младшего брата, в котором сквозь подавленную гневную усмешку теплится недоверчивое удивление перед человеческой черствостью».

> И я за дальней звонкой
> далью,
> Наедине с самим собой,
> Я всюду видел тетку Дарью
> На нашей родине с тобой.

В выявлении этого заветного, сокровенного и, может быть, самого живого и животрепещущего для нас сегодня **народного** содержания нравственной и житейской драмы Феди Протасова Театр имени Евг. Вахтангова сделал, кажется, все, что мог,— и, конечно, прежде всего он сделал это, остановив свой выбор исполнителя главной роли в «Живом трупе» именно на Гриценко.

Думаю, непредубежденной критике еще предстоит приятно разочаровать и тех, кто с благоговением хранит фатовое фото артиста среди набора портретов кинозвезд, и в равной мере тех, кто в силу той же самой косности, а то и омертвения литературных, кино- и театральных репутаций готов недоверчиво отнестись к его огромным творческим возможностям, еще далеко не до конца исчерпанным.

Говоря так, я нимало не хочу бросить тень на работу Н. Гриценко в кинематографе: просто ему пока еще не представился там свой «счастливый случай»... Уверен, однако, критика еще почувствует необходимость и найдет возможность серьезно поговорить со зрителем о Гриценко в его лучших ролях на сцене Театра имени Евг. Вахтангова — Дона Жуана, князя Мышкина и, наконец, Феди Протасова. И, отмечая его актерское обаяние, его великолепную пластичность и музыкальность, говоря о широте его творческого диапазона и о его даре импровизатора, конечно, критика не забудет об источнике всех этих драгоценных профессиональных качеств — о природной артистичности Гриценко, задушевности, сердечности его таланта, богатстве и широте его натуры.

Мне кажется, только с появлением Протасова-Гриценко на сцене Театра имени Евг. Вахтангова мы можем в полной мере оценить роль и значение народной песни и романса в образной системе «Живого трупа».

Всем своим существом вторит Протасов-Гриценко призывному голосу «воли», звучащему в народной песне. Интеллигентный, с тонкими чертами лица и с «хорошими манерами», в каждом жесте выдающими светскую воспитанность, Федя Протасов вдруг раскрывается здесь перед нами, как раскрылась однажды душа «графинюшки» Наташи Ростовой, которая, оказывается, «умела понять все то, что было и в Анисье, и в отце Анисьи, и в тетке, и в матери, и во всяком русском человеке»...

«Не оригинально, а это настоящее...»

В незаконченном раннем своем рассказе «Как гибнет любовь» («Святочная ночь») Толстой словно бы предварил эти слова Феди, сказав о цыганском пении «русских старинных хороших песен» как об **«оригинальной, но народной музыке».**

Да, это вот, кажется, и есть то самое «настоящее», которое так страстно желал бы Протасов увидеть в жизни и которому он оказался неспособным служить на деле...

Жоан Кандидо — Черный Адмирал.

В 1910 году народы Латинской Америки праздновали столетие борьбы за независимость. И, как бы отмечая это столетие, прокатилась революционная волна по Мексике, вспыхнули народные протесты против американцев и англичан в Гватемале, поднялись знамена революции в Перу и Уругвае, восстали моряки бразильского флота. Об этом событии, замалчиваемом буржуазными историками, мы и хотим рассказать читателям.

В. ВЛАДИМИРОВ

ЧЕРНЫЙ АДМ

В 1910 году в городе Ньюкасле, на реке Тайн, английская фирма Армстронг-Уитворт закончила постройку самого большого военного корабля в мире. Кроме гостей, зрителей и почетного караула английских моряков с оркестром, на набережной стоял и будущий экипаж дредноута «Минас Жеранс» — шеренга бразильских матросов-негров в ослепительно белых форменках.

Раздался пистолетный выстрел, разбилась о корпус традиционная бутылка шампанского, и белый корабль медленно сошел со стапелей на воду. Ветер трепал на носу судна желто-зеленый бразильский флаг. Оркестр играл национальный гимн Бразилии.

В шеренге моряков возвышался великан Жоан Кандидо. На рукаве у него нашивки за 15 лет службы. Он был отличным техником. Его знали в бразильском флоте. Кандидо — человек большой мысли и дела. С детства он батрачил, был рыбаком, потом завербовался во флот. Почему именно во флот? Потому что для бразильского негра флот был тем местом, где хорошо кормят, где можно хотя бы временно забыть о похлебке из гнилых овощей.

Великолепный «Минас Жеранс» был укомплектован лучшими моряками. Краса и гордость Армстронг-Уитворта, корабль с самым большим в мире весом бортового залпа (9 013 фунтов одновременно) пустился, как говорят в Англии, в свадебное путешествие.

* * *

В то же время собрат «Минаса Жераиса» — бразильский броненосец «Сан-Пауло» прибыл в португальскую столицу, где произошли неожиданные события. В ночь на 4 октября Лисабон вздрогнул от пушечного выстрела. Из города донеслись крики, на берегу замелькали факелы. Вахтенный начальник «Сан-Пауло» доложил об этом капитану. Тот со сна выругался и пробормотал: «Следите за дисциплиной у нас на борту». Ночь прошла спокойно, но утром дело стало приобретать тревожный оборот: в городе шла перестрелка. Против королевской власти восстал 16-й пехотный полк. К нему присоединились артиллеристы. На глазах у бразильцев пушки португальских кораблей стали поворачиваться к живописным белым домикам Лисабона.

Бортовое орудие одного из соседних крейсеров выпустило густое облако дыма, и вслед за тем взлетело облачко над королевским дворцом. За ним второе... третье...

— Что это? — спросил штурвальный «Сан-Пауло» негр Мариано у старшины-артиллериста Фелипе.

— Это революция,— ответил Фелипе.

Это действительно была революция. Вечером следующего дня группа бразильских моряков обошла комнаты бывшего королевского дворца. У входа во дворец висело полотнище с надписью «Да здравствует республика!». Последний португальский король Мануэл II бежал в Англию. Часовые-матросы стояли с винтовками в тронном зале и в королевской спальне. На улицах Лисабона юноши и девушки плясали любимый танец «фадо» и освистывали проходивших попов.

— Видишь, что может сделать корабельная артиллерия? — сказал Фелипе и похлопал Мариано по плечу.

— Ты имеешь в виду Бразилию? — шепотом спросил Мариано.

— Посмотрим,— уклончиво сказал Фелипе.

Громко говорить об этом было нельзя. На борту «Сан-Пауло» находился бразильский маршал Эрмес да Фонсека, про которого говорили, что он собирается стать президентом Бразилии.

Утром 6 октября капитан «Сан-Пауло» категорически запретил матросам отпуска на берег, а на следующий день дредноут снялся с якоря и ушел в далекую Бразилию.

* * *

В бразильском флоте в 1910 году еще существовали телесные наказания. Военно-морской министр издал «гуманный» приказ, согласно которому наказания шибатой (розгой) «не должны превышать 20 ударов».

Капитан «Минаса Жераиса» Батиста дас Невес приговаривал матросов к 200 ударам.

И вот Рио-де-Жанейро. С палубы улыбалась синяя весенняя бухта Гуанабара. Со сверкающего берега тянулась веселая песня. К великану Жоану Кандидо подошел матрос-сигнальщик, земляк из штата Сеара.

— Слышали про Марселино?

Кандидо молчал.

— ...Триста восемьдесят пять ударов, потом кандалы и в трюм.

* * *

22 декабря, в 10 часов вечера, Батиста дас Невес вернулся на борт вверенного ему корабля. Он побывал в гостях на французском крейсере, который стоял на якоре недалеко от «Минаса Жераиса». Капитан был в превосходном настроении, ему понравился французский коньяк.

Все казалось в полном порядке. Вахтенный начальник встретил его с рапортом у трапа. Но на палубе его окружили матросы.

— Это еще что? — сказал капитан.— Почему ко мне подходят без моего приказания? Кандидо! Старослужащий!

Тут кто-то крикнул: «Да здравствует свобода!»

Капитан прищурился. Только на днях в Рио закончились перевыборы. Большинство голосов получил кандидат либералов Барбоза, но после темных махинаций был объявлен президентом его конкурент, английский ставленник маршал Фонсека. Офицеры открыто говорили, что не допустят к власти штатских — башарейсов (образованных). По городу ходили армейские патрули.

— Сынки,— вежливо сказал капитан,— вы с ума сошли? Это вас штатские подстрекают?

— Дело в наказании Марселино,— проговорил Кандидо.

— Ах, так это шибата! Дети мои... вы хотите...

Капитан выхватил револьвер, но выстрелить не успел. Он получил удар топором и свалился на палубу.

Как только с борта дредноута донеслись выстрелы и крики, началось восстание на «Сан-Пауло» и других кораблях.

Утром 23 ноября набережная Пейши, напротив флотского рейда, была занята войсками. Возле самого парапета устанавливали пушки. Четырнадцатилетний мальчик Отавио бродил в это время по набережной, засунув руки в карманы. Привело его сюда любопытство. Отавио присоединился к кучке молодых людей, которая собралась возле доков. Отсюда хорошо была видна вся бухта Гуанабара.

На фоне золотистой бухты и серовато-коричневой массы гор волнующе развевались яркие красные флаги на мачтах «Минаса Жераиса», «Сан-Пауло», «Деодоро», на крейсерах «Байя», «Рио-Гранде до Сул» и других. Вся эскадра напротив Рио стояла под красными флагами.

На соседних с гаванью Рио островах Кобрас, Эншадас шла подозрительная возня. Видно было, как подтаскивают к парапетам орудия и подвозят снарядные ящики.

Около полудня раздался первый выстрел с берега. Снаряд поднял фонтан воды возле борта «Сан-Пауло». За ним другой.

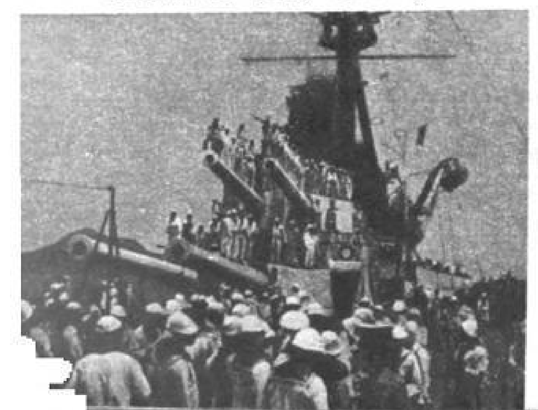
Тогда заговорила корабельная артиллерия. Бухта содрогнулась от громовых раскатов башенных орудий. Облако дыма окутало прибрежные форты. Один снаряд разорвался возле арсенала, другой снес крышу с таможни.

Толпа бросилась в укрытие. А подросток Отавио с воодушевлением кричал:

Революционный матрос в кабинете португальского короля.

Митинг на борту «Сан-Пауло».

— Недолет! Недолет! Бери выше! По форту! Бери выше!..

* * *

На верхнем деке «Минаса Жераиса» собрались матросы.

Жоан Кандидо составил список требований эскадры. Они были очень умеренны: покончить с телесными наказаниями, улучшить питание, увеличить жалованье, не перегружать матросов непосильной работой. Требовали, чтоб матрос имел законное право жениться.

Жоан Кандидо был избран матросами командиром «Минаса Жераиса» и всей эскадры. Они прозвали его Черным Адмиралом. Он не был оратором. Выступая перед товарищами, он только поблагодарил за доверие и просил быть верными друг другу.

— Мы курим из одной трубки,— сказал он,— мы пьем из одного стакана.

Вечером на «Сан-Пауло» был поднят громадный флаг с надписью «Родина и Свобода». Прожекторы с «Минаса» залили ослепительным светом вход в бухту.

Флот под красными флагами господствовал над подступами к Рио-де-Жанейро. У маршала Фонсека явно не хватало сил.

только недавно амнистированных. В течение нескольких месяцев около двух тысяч было уволено. Фонсека проводил чистку личного состава флота.

На острове Кобрас, у самой набережной Рио-де-Жанейро, уже более полутораста лет находится военная тюрьма. Руководители восстания флота были распиханы по нескольку человек в узкие одиночные камеры.

Стоял знойный тропический декабрь южного полушария. Все окна и щели камер были тщательно закрыты. Не было ни воздуха, ни воды. Полуголые матросы сидели так тесно, что не могли повернуться.

Проходили дни и месяцы. Люди умирали.

Ночью полицейский катер с погашенными огнями подошел к берегу. Темные фигуры вытаскивали на пляж трупы в матросских форменках — их было больше полусотни.

Затем их понесли вверх, к кладбищу. Что было дальше, неизвестно. Никаких матросских могил 1910 года на кладбище Кажу нет. Ни одна надпись не напоминает о жертвах острова Кобрас. В президентском послании от 3 мая 1911 года сухо сказано, что в

ИРАЛ

* * *

Во всех странах газеты писали о восстании.

Петербургская газета «Новое время» от 13(26) ноября 1910 года:

«Париж. Агентство Гавас публикует подробное сообщение о мятеже судовых команд в Рио-де-Жанейро... Все офицеры были высажены на берег, и командование эскадрой принял на себя матрос Жоан Кандидо. Мятежники немедленно по беспроволочному телеграфу уведомили президента Бразильской республики о своих требованиях. Правительство не дало ответа. Начался слабый орудийный огонь, который продолжался всю ночь. Утром суда стояли в бухте под красными флагами и в 7 часов утра открыли огонь по крепости».

24 ноября было объявлено об отмене телесных наказаний на флоте, и сенат предложил восставшим амнистию.

26 ноября правительство получило ответную радиограмму с рейда: «Мы складываем оружие, веря в амнистию». Говорили, что маршал впервые с дня восстания улыбнулся, читая этот несложный текст.

Прошло две недели. Казалось, что правительство Фонсека, объявив амнистию, забыло о восстании. Но 12 декабря неожиданно был издан декрет об осадном положении.

В тот же день вечером два баркаса с артиллерией подошли к бортам «Минаса Жераиса» и «Сан-Пауло» и сняли с них большую часть экипажа. Было арестовано более тысячи матросов,

тюрьмах «умерло 18 арестованных моряков».

Жоан Кандидо спасся чудом: он лежал среди трупов и бредил. Его приняли за сумасшедшего и отвезли под конвоем в психиатрическую лечебницу. Его судили целых два года и, наконец, больного и измученного, навсегда изгнали из флота.

Большую группу моряков отправили в ссылку. На канонерке «Сателлит» они прибыли в центральную часть Бразилии, в город Манаус, проделав за сорок два дня больше двух с половиной тысяч километров по морю и по Амазонке. Их поселили в сырых джунглях, в местах, где человек долго жить не может.

* * *

«Потемкин» навсегда вошел в историю русской революции. Матросы знаменитого черноморского корабля так и не спустили флага.

Судьба бразильских матросов была иной. У них не было никакой организации, не было связи с берегом. Матросы поверили амнистии маршала Фонсека.

Какова же судьба героев нашего рассказа?

Мы не знаем, где и когда умер Черный Адмирал. Он закончил свои дни всеми забытый.

Четырнадцатилетний мальчик Отавио, который когда-то бродил по набережной Рио-де-Жанейро и восторженно разглядывал красные флаги революционных кораблей в бухте Гуанабара, вырос, стал писателем и общественным деятелем Отавио Брандао. Он и поведал о судьбе Черного Адмирала.

ИСКУССТВО

ДМИТРИЙ ДМИТРИЕВИЧ ШОСТАКОВИЧ НЕДАВНО ДЕБЮТИРОВАЛ КАК ДИРИЖЕР. Произошло это в городе Горьком. Симфонический оркестр Горьковской филармонии под управлением автора исполнил Праздничную увертюру и Концерт для виолончели с оркестром. Соло на виолончели исполнял Мстислав Ростропович, также вставший за пульт во втором отделении концерта.

Фото Н. Капелюша.

ПЛЕНИТЕЛЬНЫЕ МЕЛОДИИ ИОГАННА ШТРАУСА вновь звучат в Театре оперетты. «Летучая мышь» возобновлена в яркой, занимательной постановке В. Канделаки и Г. Шаховской. Спектакль изящно и светло оформлен художником Э. Стенбергом... Вот горничная Адель (И. Муштакова) весело смеется над господами из «высшего общества».

Фото Л. Хлюппе.

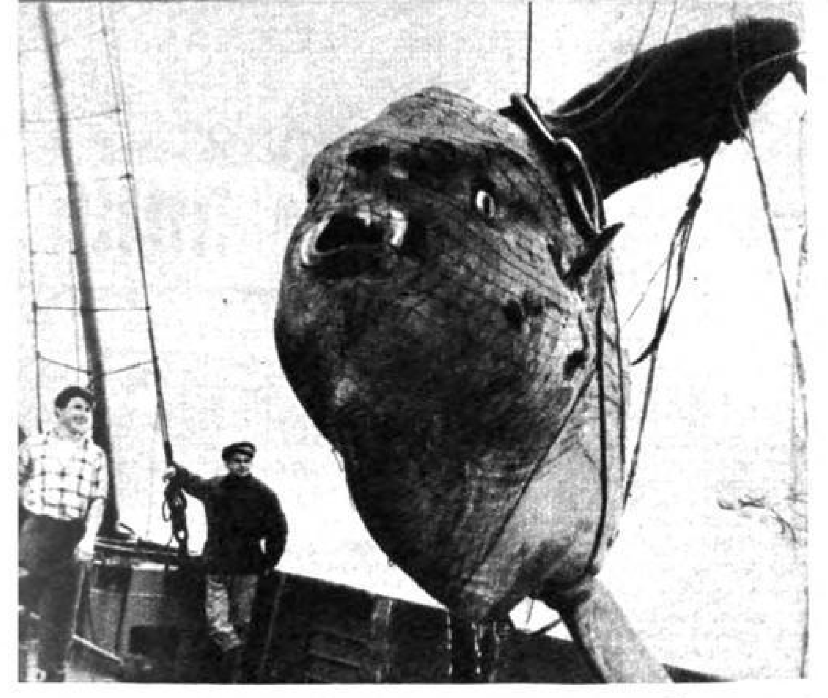

БОЛЬШОЙ МИР ЧУВСТВ И МЫСЛЕЙ, глубокие раздумья о жизни, о счастье делают привлекательным образ Елизаветы Никандровны в спектакле «Дневник женщины». Пьесу К. Финна в Московском театре имени Пушкина поставил народный артист республики Н. Петров. Женственную и обаятельную Елизавету Никандровну интересно играет актриса Л. Скопина.

Фото А. Гладштейна.

ИТАЛЬЯНСКИЙ РЕЖИССЕР ЛУИДЖИ ДЗАМПА закончил третий фильм из своей антифашистской трилогии: «Легкие годы», «Трудные годы», «Рычащие годы». Последний фильм — резкая сатира на фашистский режим, обличение взяточничества и продажности. В «Рычащих годах» Дзампа использовал форму гоголевского «Ревизора»: в маленький провинциальный городок приезжает молодой человек, агент страховой компании, принятый бургомистром за инспектора. Роль бургомистра исполняет артист Джино Черви, известный нам по фильму «Долгая ночь 43-го года», где он играл фашистского комиссара Чуму.

С борта нашего судна в районе острова Итуруп опустили сети. Каково же было наше удивление, когда мы подняли на борт луну-рыбу. Ее длина более трех метров. Луна-рыба у Курильских островов — редкое явление.

А. Сирак, В. Ли

Владивосток.

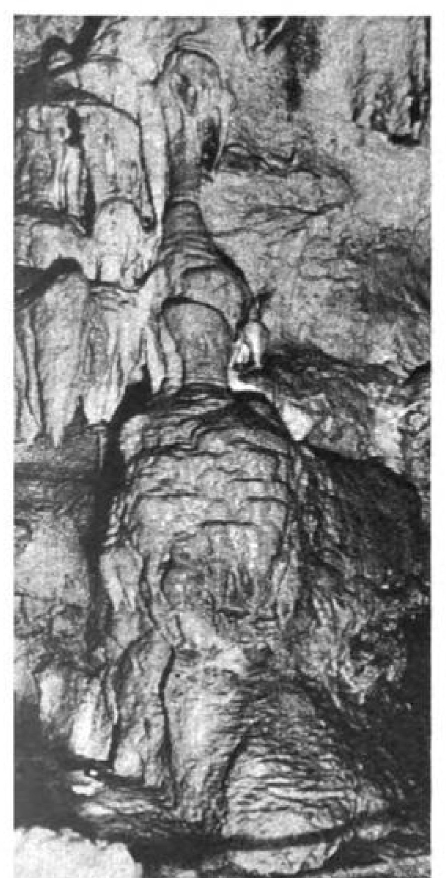
ЗАНИМАТЕЛЬНЫЕ ФАКТЫ

Чайки на птичьем базаре. Самец кормит свою подругу, сидящую на гнезде.

В. Масленок

о. Диксон.

ПОДЗЕМНЫЙ ДВОРЕЦ

Существует легенда: жил в давние времена парень по имени Ветлан, рослый да кудрявый. А на другом берегу Колвы-реки Дева-красавица песни распевала. Увидел однажды Ветлан Деву и окаменел от удивления. А Дева бросилась через реку к Ветлану, но Колва-река не пустила ее. Вернулась Дева на свой берег. Все очи проглядела, всю грусть свою выплакала и тоже окаменела. Так и высятся поныне на Колве, близ селенья Ныроба, два утеса, две скалы: Ветлан-камень да Девий, или Дивий-камень.

Интересны и причудливы тайны подземелья Дивьей горы.

Каменные водопады, узорчатые натеки свисают с потолка. Один из исследователей Дивьей пещеры—Е. Ястребов — насчитал в ней свыше тридцати гротов и проходов, дав многим из них названия: Сказка, Индийский, Волшебный, Ажурный... Каждый из них своеобразен по своему узору.

Исследователям еще предстоит побывать во многих неизведанных уголках этого подземного дворца.

А. МАЛАХОВ,
доктор геолого-минералогических наук

Свердловск.

Об этой траве-великанше писал Майн-Рид в романе «Всадник без головы». В пампасах из нее плетут ковбойские шляпы. На Черноморском побережье Кавказа траву с серебристыми метелками удачно использовали для озеленения железнодорожного полотна. Растет она и на вершине Сухумской горы.

В. Кривошеин

Ленинград.

Необычный экипаж движется по улицам Сум. Он принадлежит самым маленьким жителям города.

Ф. Гребенюк

Сумы.

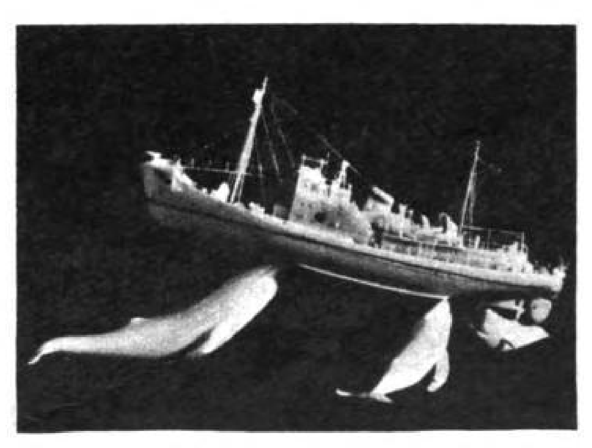
EX LIBRIS!

LEO TOLSTOI

Перед вами книжный знак, посвященный Льву Николаевичу Толстому. Автор этого экслибриса — художник Пауль-Хорст Шульце.

Ю. Шаков

Москва.

Замечательная работа, не правда ли? Зуб кашалота превращается в руках Георгия Федоровича Гавриша в произведение искусства. Модель судна умещается на ладони. Свои работы Гавриш посвящает советским китобоям, с которыми он ходил в далекую Антарктиду.

Б. Цвигун

Николаев.

Переливаясь всеми цветами радуги, то с ревом и гулом настоящего водопада, то пенясь и шепча, водяной поток низвергается с просцениума, скатывается в манеж и образует «цирковое море». Высоко вверх бьют мощные фонтаны, алмазными брызгами опоясывающие манеж. И, словно споря с водой, тысячами искр вспыхивают разноцветные снопы фейерверков.

Наконец-то пантомима! Водяная. Феерическая, да еще и на современную, животрепещущую тему! Сбылась мечта знатоков и любителей циркового искусства, ратующих за традиционный для русского цирка девиз: утром — в газете, вечером — на арене. Куба борется — такова основная тема новой пантомимы — «Карнавал на Кубе». Постановщик ее, режиссер М. Местечкин, смело и изобретательно включил в представление выступления артистов самых разнообразных цирковых жанров.

Время от времени под ку-

ОГОНЁК

На первой странице обложки: Продукция Барнаульского завода искусственного волокна — капроновая нить, кордная ткань, целлофан — пользуется большим спросом на многих предприятиях страны. Завод продолжает расширяться: заканчивается строительство штапельного корпуса, сооружается химический корпус, расширяется целлофановое производство. Особенно ценную продукцию — тончайшую капроновую нить — вырабатывает «Большой капрон». Цеха его оборудованы по последнему слову техники: в них много света, специальные установки поддерживают постоянную температуру воздуха. **На снимке:** В крутильном цехе «Большого капрона». Коллектив этого цеха держит первенство в социалистическом соревновании.

Фото Ш. ГУРОВИЧА.

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК (ответственный секретарь), И. В. ДОЛГОПОЛОВ, Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. Шумана.

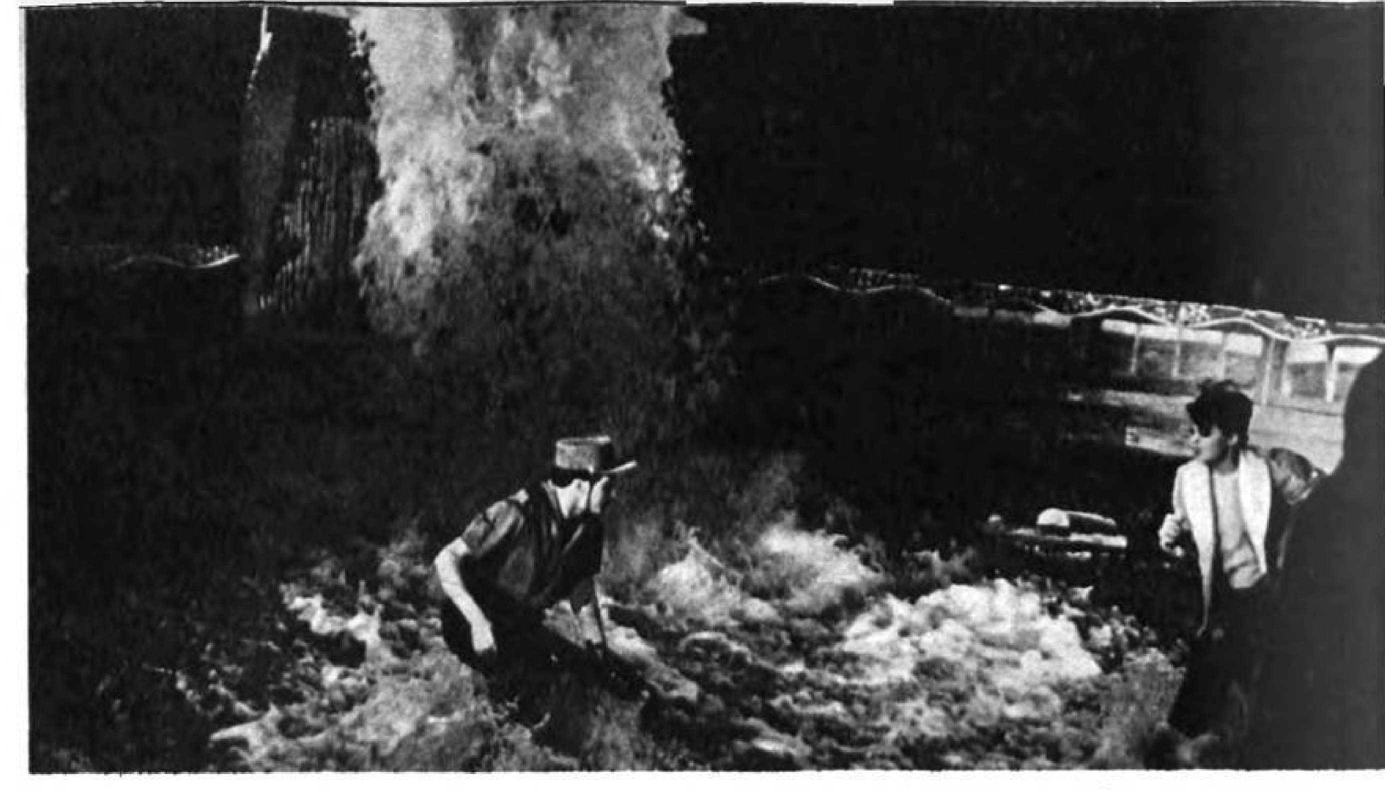
полом цирка вспыхивают полиэкраны. Документальные кинокадры дополняют поэтический рассказ о событиях, происходящих на берегах Карибского моря. Зрители бурными овациями приветствуют Фиделя Кастро.

Неудержимы в своем веселье участники карнавала. Но вдруг тревога: «Родина в опасности!», «Родина или смерть!» И вот уже патриоты, сменив свои карнавальные костюмы, сжимают в руках оружие. В стремительном галопе мчатся на лихих скакунах всадники, преследуя врагов. Слышатся выстрелы. Патриоты, осуществляя свой смелый план, взрывают скалу. Там, где было последнее пристанище врага, бьет водопад.

И вновь ликует Куба. Вспыхивают праздничные огни фейерверков. Под звуки торжественного марша «26 июля» участники пантомимы прощаются со зрителями, гостями их веселого карнавала.

Евг. ЖАРОВА

Фото Л. Хлюппе.

Лицом к лицу с врагом в бурлящем потоке.

«Я моряк бывалый,
Знаю все причалы.
Пипо — славный малый...
Рыбак простой...»

(Артист Юрий Никулин).

КУБА, ЛЮБОВЬ МОЯ!

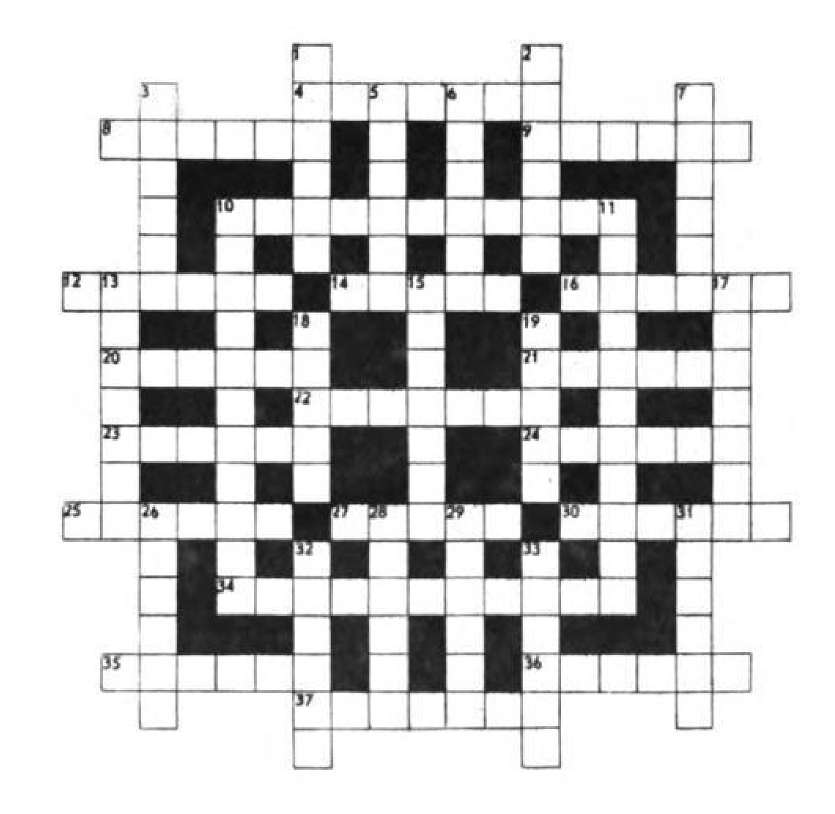
КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Картина М. Сарьяна. 8. Звание спортсмена. 9. Серебристо-белый металл. 10. Персонаж романа А. Степанова «Порт-Артур». 12. Музыкальный интервал. 14. Время года. 16. Легкий открытый экипаж. 20. Город-государство в Древней Греции. 21. Роман В. Василевской. 22. Песня на стихи Д. Бедного. 23. Певица, народная артистка СССР. 24. Немецкий поэт. 25. Река в Сибири. 27. Брус, опора рельсов. 30. Канат для управления парусами. 34. Выражение со скрытым смыслом. 35. Форменная куртка. 36. Минерал, употребляемый для производства удобрений. 37. Сорт кирпича.

По вертикали:

1. Рыба семейства карповых. 2. Отходы при молотьбе. 3. Тропический ветер. 5. Порт на берегу Бенгальского залива. 6. Ученый, открывший закон всемирного тяготения. 7. Раствор, применяемый в фотографии. 10. Действующее лицо оперы Д. Пуччини «Тоска». 11. Второстепенный член предложения. 13. Вид щипцов. 15. Ягода. 17. Прямоугольник. 18. Остров в Тирренском море. 19. Часть здания. 26. Горнопромышленное предприятие. 28. Маринованные овощи. 29. Ивовый кустарник. 31. Мастерская художника, скульптора. 32. Танец. 33. Ископаемая смола.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 49

По горизонтали:

5. «Переполох». 8. Картина. 9. Гадулка. 12. Пословица. 15. Армавир. 16. Наречие. 17. Сетка. 19. Эпоха. 20. Цукат. 21. Рододендрон. 22. Фрост. 24. Мопед. 25. Арсен. 26. Гималаи. 27. Дельфин. 28. Кантилена. 31. Ледерин. 33. Самокиш. 34. Катамаран.

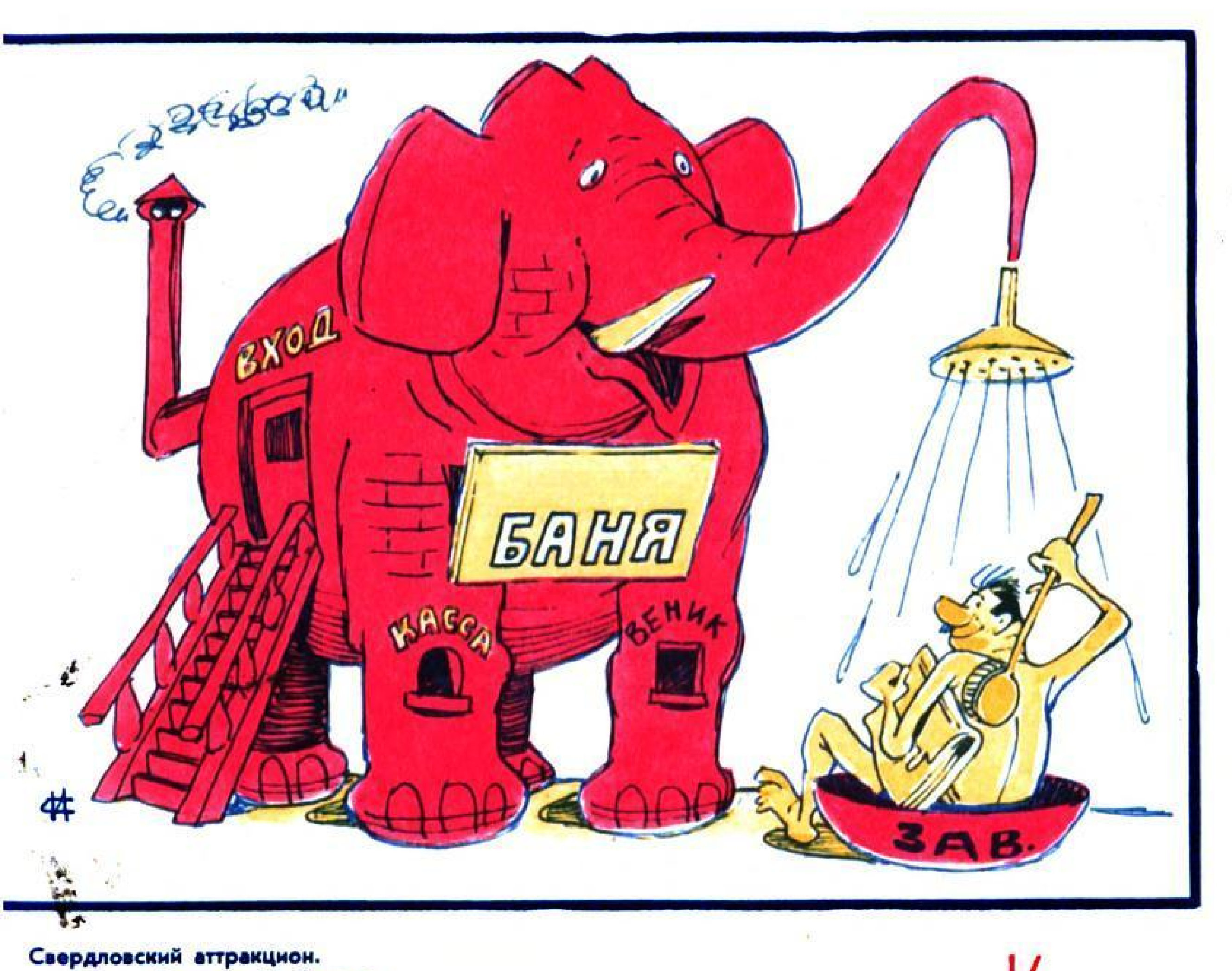
По вертикали:

1. Сентимо. 2. Кепка. 3. Порог. 4. Колодец. 6. Фасовка. 7. Скворец. 10. Достоевский. 11. Пропорция. 12. Проводник. 13. Андромеда. 14. Филателия. 17. Смола. 18. Алдан. 23. Тельфер. 24. Малахит. 29. Акробат. 30. Номинал. 32. Непал. 33. Склад.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — Д 3-38-61. Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-36-53; Искусств — Д 3-38-33; Литературы — Д 3-31-83; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-35-48; Оформления — Д 3-38-44; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00583. Подписано к печати 4/XII 1962 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 850 000. Изд. № 2005. Зак. 3247.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Свердловский аттракцион.
Рисунок И. Сычева.

— Вот так елочка!..
Рисунок М. Вайсборда.

Цена номера 30 коп.

Комментарии с ударением

В шорах ведомственности.
Рисунок Е. Мигунова.

Посадочная площадка.
Сел и... засел.
Рисунок М. Вайсборда.

— Вы же сами просили ПОЛУ-шубок.
Рисунок М. Вайсборда.

В этом городе слишком много света. Темных очков здесь днем с огнем не сыщешь!..
Рисунок Е. Мигунова.